Соглядатай

1

Съ этой дамой, съ этой Матильдой, я познакомился въ мою первую берлинскую осень. Мнѣ только что нашли мѣсто гувернера, — въ русской семьѣ, еще неуспѣвшей обнищать, еще жившей призраками своихъ петербургскихъ привычекъ. Я дѣтей никогда не воспитывалъ, совершенно не зналъ, о чемъ съ дѣтьми говорить, какъ держаться. Ихъ было двое: мальчишки. Я чувствовалъ въ ихъ присутствіи унизительное стѣсненіе. Они вели счетъ моимъ папиросамъ, и это ихъ ровное любопытство такъ на меня дѣйствовало, что я странно, на отлетѣ, держалъ папиросу, словно впервые курилъ, и все ронялъ пепелъ къ себѣ на колѣни, и тогда ихъ ясный взглядъ внимательно переходилъ съ моей дрожащей руки на блѣдно-сѣрую, уже размазанную по ворсу пыльцу. Матильда бывала въ гостяхъ у ихъ родителей и постоянно оставалась ужинать. Какъ то разъ шумѣлъ проливной дождь, ей дали зонтикъ, и она тогда сказала:

«Вотъ и отлично, большое спасибо, молодой человѣкъ меня проводитъ и принесетъ зонтъ обратно». Съ тѣхъ поръ вошло въ мои обязанности ее провожать. Она, пожалуй, нравилась мнѣ, — эта разбитная, полная, волоокая дама съ большимъ ртомъ, который собирался въ пурпурный комокъ, когда она, пудрясь, смотрѣлась въ зеркальце. У нея были тонкія лодыжки, легкая поступь, за которую многое ей прощалось. Отъ нея исходило щедрое тепло: какъ только она появлялась, мнѣ уже мнилось, что въ комнатѣ жарко натоплено, и, когда, отведя восвояси эту большую живую печь, я возвращался одинъ среди чмоканія и ртутнаго блеска безжалостной ночи, было мнѣ холодно, холодно до омерзѣнія. Потомъ пріѣхалъ изъ Парижа ея мужъ и сталъ съ ней бывать въ гостяхъ вмѣстѣ, — мужъ, какъ мужъ, я мало на него обратилъ вниманія, только замѣтилъ его манеру коротко и гулко откашливаться въ кулакъ передъ тѣмъ какъ заговорить, и тяжелую, черную, съ блестящимъ набалдашникомъ трость, которой онъ постукивалъ объ полъ, пока Матильда, восторженно захлебываясь, превращала прощаніе съ хозяйкой дома въ многословный монологъ. Мужъ, спустя мѣсяцъ, отбылъ, и въ первую же ночь, что я снова провожалъ Матильду, она предложила мнѣ подняться къ ней наверхъ, чтобы взять книжку, которую давно увѣщевала меня прочесть, — что-то по-французски о какой-то русской дѣвицѣ Аріаднѣ. Шелъ, какъ обычно, дождь, вокругъ фонарей дрожали ореолы, пра-

вая моя рука утопала въ жаркомъ кротовомъ мѣху, лѣвая держала раскрытый зонтикъ, въ который ночь била, какъ въ барабанъ. Этотъ зонтикъ, — потомъ, въ квартирѣ у Матильды, — распятый вблизи парового отопленія, все капалъ, капалъ, ронялъ слезу каждыя полминуты и такъ наплакалъ большую лужу. А книжку взять я забылъ.

Матильда была не первой моей любовницей. До нея любила меня домашняя портниха въ Петербургѣ, тоже полная и тоже все совѣтовавшая мнѣ прочесть какую-то книжку («Мурочка, исторія одной жизни»). Обѣ онѣ, эти полныя женщины, издавали среди тѣлесныхъ бурь тонкій, почти дѣтскій пискъ, и мнѣ казалось иногда, что не стоило продѣлать все, что я продѣлалъ, то-есть, помирая со страху, переѣхать финскую границу (въ курьерскомъ поѣздѣ, правда, и съ прозаическимъ пропускомъ), чтобы изъ однихъ объятій попасть въ другія, почти тождественныя. Къ тому же Матильда стала вскорѣ меня томить. У нея былъ одинъ постоянный, гнетущій меня разговоръ, — о мужѣ. Этотъ человѣкъ — благородный звѣрь. Онъ меня бы убилъ на мѣстѣ, если бъ узналъ. Онъ обожаетъ меня и дико ревнивъ. Онъ въ Константинополѣ шлепалъ однимъ французомъ объ полъ, какъ тряпкой. Онъ страстенъ до жути. Но въ своей жестокости онъ красивъ. Я старался перемѣнить разговоръ, но это былъ матильдинъ конекъ, на который она садилась плотно и съ удовольствіемъ. Образъ мужа, соз-

даваемый ею, было трудно слить съ обликомъ человѣка, которому я такъ мало удѣлилъ вниманія, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было чрезвычайно непріятно думать, что можетъ быть, это вовсе не ея добротная фантазія, и дѣйствительно сейчасъ въ Парижѣ, почуя бѣду, таращитъ глаза, скрипитъ зубами и сильно дышитъ черезъ носъ ревнивый извергъ.

Бывало, плетусь домой, портсигаръ пустъ, отъ разсвѣтнаго вѣтерка горитъ лицо, какъ послѣ грима, каждый шагъ отдается гулкой болью въ головѣ, и вотъ, поворачивая такъ и сякъ мое плохонькое счастье, я дивлюсь, я жалѣю себя, я чувствую уныніе и страхъ. Въ самомъ дѣлѣ: человѣку, чтобы счастливо существовать, нужно хоть часъ въ день, хоть десять минутъ существовать машинально. Я же, всегда обнаженный, всегда зрячій, даже во снѣ не переставалъ наблюдать за собой, ничего въ своемъ бытіи не понимая, шалѣя отъ мысли, что не могу забыться, и завидуя всѣмъ тѣмъ простымъ людямъ, — чиновникамъ, революціонерамъ, лавочникамъ, — которые увѣренно и сосредоточенно дѣлаютъ свое маленькое дѣло. У меня же оболочки не было. И въ эти страшныя, нѣжно-голубыя утра, цокая каблукомъ черезъ пустыню города, я воображалъ человѣка, потерявшаго разсудокъ, оттого что онъ началъ бы явственно ощущать движеніе земного шара. Ходилъ бы онъ балансируя, хватаясь за мебель, или садился бы у окна, возбужденно улыбаясь, какъ пассажиръ, который въ поѣздѣ вамъ вдругъ

говоритъ: «здорово шпаритъ!». Но вскорѣ, отъ всей этой шаткости и качки, его стало бы тошнить, онъ сосалъ бы лимонъ и ледъ, ложился бы плашмя на полъ, и все — понапрасну. Движеніе остановить нельзя, машинистъ слѣпъ, а тормаза не найти, — и умеръ бы онъ отъ разрыва сердца, когда скорость стала бы невыносимой.

И я былъ такъ одинокъ. Матильда, которая лукаво спрашивала меня, не пишу ли стиховъ, Матильда, которая на лѣстницѣ или у подъѣзда искусно науськивала меня на поцѣлуй, только чтобы имѣть поводъ отряхнуться и страстно прошипѣть: «сумасшедшій мальчикъ...» — Матильда, конечно, была не въ счетъ. Кого же я еще зналъ въ Берлинѣ? Секретаря благотворительнаго общества, семью, гдѣ служилъ гувернеромъ, владѣльца русскаго книжнаго магазина Вайнштока, старушку-нѣмку, у которой прежде снималъ комнату, — вотъ и обчелся. Такимъ образомъ, всѣмъ своимъ беззащитнымъ бытіемъ я служилъ заманчивой мишенью для несчастья. Оно и приняло приглашеніе.

Было около шести. Воздухъ въ комнатахъ посумеречному тяжелѣлъ, я едва различалъ строки смѣшного чеховскаго разсказа, который спотыкавшимся голосомъ читалъ моимъ воспитанникамъ, но не смѣлъ включить свѣтъ: у нихъ было, у этихъ мальчишекъ, странное, недѣтское тяготѣніе къ экономности, гнусная какая-то хо-

зяйственность, они въ точности знали, сколько стоитъ колбаса, масло, свѣтъ, различныя породы автомобилей... И читая имъ вслухъ «Романъ съ контрабасомъ», тщетно пытаясь ихъ развеселить и чувствуя стыдъ за себя и за бѣднаго автора, я зналъ, я зналъ, что они отлично видятъ мою борьбу съ сумеречной мутью и холодно слѣдятъ, выдержу ли я до той минуты, когда въ домѣ напротивъ, подавая примѣръ, зажжется первая лампа. Я выдержалъ и былъ награжденъ свѣтомъ. Только что я приготовился придать голосу большую живость (приближалось самое уморительное мѣсто въ разсказѣ), какъ вдругъ изъ прихожей позвалъ телефонъ. Мы были одни дома, мальчики сразу вскочили и бросились наперегонки по направленію къ звону. Я же остался сидѣть съ раскрытой книгой на колѣняхъ, нѣжно улыбаясь прерванной строкѣ. Оказалось, что вызываютъ меня. Я сѣлъ въ хрустящее кресло, приложилъ трубку къ уху. Мои ученики стояли подлѣ, — одинъ справа, другой слѣва, невозмутимо меня сторожа. «Сейчасъ собираюсь къ вамъ, — сказалъ мужской голосъ. — Вы будете дома, надѣюсь?» Я спросилъ: «Кто говоритъ?» «Не узнаете? Тѣмъ лучше, — будетъ сюрпризъ», — сказалъ голосъ. «Но я хочу знать, кто», — настаивалъ я со смѣхомъ. (Потомъ я не могъ безъ ужаса и стыда вспомнить жеманную игривость моего тона). «Преждевременно», — сухо сказалъ голосъ. Тутъ я въ конецъ расшалился: «Отчего? Отчего? Вотъ это забавно...» Замѣтивъ, что говорю съ пустотой, я пожалъ плечами и повѣсилъ трубку. Мы

вернулись въ гостиную, я сказалъ: «ну, гдѣ же, значитъ, мы остановились?» и, найдя мѣсто, продолжалъ чтеніе.

Но мнѣ было какъ то безпокойно. Механически читая вслухъ, я все разсуждалъ про себя, кто этотъ гость. Пріѣзжій изъ Россіи, быть можетъ? Я смутно перебралъ знакомыя лица, знакомые голоса, — ихъ было, увы, немного, — остановился почему-то на студентѣ Ушаковѣ... Мой единственный университетскій годъ, небогатый встрѣчами, хранилъ этого Ушакова, какъ сокровище. Когда, среди разговора, при случайномъ упоминаніи о «Гаудеамусѣ» и студенческой безпрабашности, я дѣлалъ знающее, слегка мечтательное лицо, то это относилось къ Ушакову, хотя, видитъ Богъ, я бесѣдовалъ съ нимъ всего дважды (о политическихъ или иныхъ пустякахъ, не помню). Врядъ ли однако онъ былъ бы такъ таинственъ по телефону. И я терялся въ догадкахъ, воображая то агента коммунистическаго союза, то чудака-милліонщика, которому нуженъ секретарь.

Звонокъ. Мальчики опять опрометью бросились въ прихожую. Я тоже вышелъ посмотрѣть. Они съ удовольствіемъ, со знаніемъ дѣла отодвинули стальной болтикъ, что-то еще поковыряли, и дверь открылась...

Странное воспоминаніе... Даже теперь, когда многое измѣнилось, — даже теперь я слегка замираю, вызывая изъ памяти, какъ опаснаго

преступника изъ камеры, то странное воспоминаніе. Тогда то обрушилась, совершенно беззвучно — какъ на экранѣ — цѣлая стѣна моей жизни. Я понялъ, что сейчасъ случится нѣчто потрясающее, но на лицѣ у меня несомнѣнно была улыбка, и кажется угодливая, и моя рука, которая тянулась, обреченная встрѣтить пустоту, эту пустоту предчувствовала и все-таки до конца пыталась довести жестъ, звенѣвшій у меня въ головѣ словами: элементарная вѣжливость. «Убрать руку», — было первое, что сказалъ гость, глядя на мою протянутую и уже опускавшуюся въ бездну ладонь.

Недаромъ я давеча не узналъ его голоса. То, что телефонъ передалъ, какъ нѣкоторую натуженность, исказившую знакомый тембръ, было на самомъ дѣлѣ совершенно исключительнымъ бѣшенствомъ, густымъ звукомъ, котораго я до тѣхъ поръ не слышалъ ни въ одномъ человѣческомъ голосѣ. И какъ живая картина, стоитъ эта сцена у меня въ памяти: ярко озаренная прихожая, я, не знающій, что дѣлать съ непринятой моей рукой, справа мальчикъ, слѣва мальчикъ, глядящіе оба не на гостя, а почему-то на меня, и самъ этотъ гость, въ оливковомъ макинтошѣ съ модными нашивками на плечахъ, такой блѣдный, словно огорошенный магніемъ, — глаза на выкатѣ, черный равнобедренный треугольникъ подстриженныхъ усовъ надъ ядовито-пухлой губой. И вдругъ началось легкое, сперва еле примѣтное движеніе: его губы, расклеившись, чмокнули, черная, толстая трость въ его

рукѣ чуть дрогнула, и я уже не могъ отвести глаза отъ этой трости. «Въ чемъ дѣло? — спросилъ я. — Въ чемъ дѣло? Недоразумѣніе, кажется... Кажется, какое-то недоразумѣніе...» И тутъ для непристроенной и еще томившейся моей руки я нашелъ унизительное, невозможное мѣсто: въ смутномъ стремленіи сохранить свое достоинство я опустилъ руку на плечо ученика; мальчикъ же усмѣхнулся и покосился на мою кисть. «Вотъ что, господинъ хорошій, — вдругъ брызнулъ гость, — отойдите-ка отъ нихъ малость: я ихъ трогать не буду, можете не защищать, — а мнѣ нуженъ просторъ, такъ какъ я собираюсь изъ васъ пыль выколачивать». «Вы въ чужомъ домѣ, — сказалъ я. — Вы не имѣете права скандалить. Я не понимаю, чего вы отъ меня хотите...»

Онъ меня ударилъ. Онъ тростью хватилъ меня по плечу, горячо и звучно, и я отъ силы удара ухнулъ въ сторону, плетеное кресло отпрянуло отъ меня, какъ живое. Онъ размахнулся опять, скаля зубы; ударъ пришелся по моей поднятой рукѣ. Тогда я отступилъ, проскочилъ бокомъ въ гостиную, а онъ за мной. И вотъ еще любопытная подробность: я вѣдь въ голосъ кричалъ, звалъ его по имени и отчеству, громко спрашивалъ его, что я ему сдѣлалъ. Когда онъ опять меня настигъ, я попробовалъ защититься какой-то схваченной на ходу подушкой, но онъ выбилъ ее у меня изъ рукъ. «Это безобразіе, — крикнулъ я. — Я безоружный. Меня оклеветали. Вы за это дорого...»

Опять. Отступая, я зашелъ за столъ, и на минуту все оцѣпенѣло снова живой картиной. Онъ стоялъ, скалясь и поднявъ трость, а за нимъ, по сторонамъ двери, застыли мальчики, — и быть можетъ воспоминаніе у меня въ этомъ мѣстѣ какъ то исковеркано, но ей-Богу, мнѣ кажется, что одинъ изъ нихъ стоялъ, сложивъ руки крестомъ, прислонившись къ стѣнѣ, а другой сидѣлъ на ручкѣ кресла, и оба невозмутимо наблюдали за расправой, совершавшейся надо мной. И погодя все опять пришло въ движеніе, мы всѣ четверо перешли въ слѣдующую комнату, — онъ попалъ мнѣ въ бедро, а потомъ ослѣпительнымъ и ужаснымъ ударомъ шарахнулъ меня по лицу. Любопытно, что я самъ никогда бы не могъ ударить человѣка, какъ бы онъ меня ни оскорбилъ, и даже теперь, подъ его тяжелой тростью, не только не умѣлъ перейти въ нападеніе, будучи несвѣдущъ въ мужественныхъ пріемахъ, но — даже въ эти минуты боли и униженія, — не представлялъ себѣ, что могу поднять руку на ближняго, особенно ежели ближній гнѣвенъ и мускулистъ, и не пытался бѣжать къ себѣ въ комнату, гдѣ въ ящикѣ былъ револьверъ, купленный мною, увы, только для отпуга призраковъ.

Созерцательное оцѣпенѣніе моихъ учениковъ, различныя позы, въ которыхъ они, какъ фрески, застывали по угламъ той или иной комнаты, предусмотрительность, съ которой они зажгли свѣтъ, какъ только я попятился въ темную столовую, — все это, должно быть, обманъ воспрія-

тія, отдѣльныя впечатлѣнія, которымъ я придалъ значительность и постоянство, столь же условныя, впрочемъ, какъ на репортерскомъ снимкѣ согнутая въ колѣнѣ нога пѣшехода съ портфелемъ (такой-то по пути на конференцію). На самомъ же дѣлѣ они повидимому не все время присутствовали при моей казни, была какая то минута, когда, боясь за родительскую мебель, они дѣловито принялись звонить въ полицію, — попытка, сразу пресѣченная громовымъ окрикомъ, — но я не знаю, куда помѣстить эту минуту, въ начало или въ самый конецъ, послѣ того апоѳеоза страданія и ужаса, когда, упавъ мѣшкомъ на полъ, я подставлялъ круглую спину ударамъ и хрипло повторялъ: «Довольно, довольно, у меня больное сердце, довольно, у меня больное...» Сердце мое, отмѣчу въ скобкахъ, всегда работало исправно.

И черезъ нѣкоторое время все кончилось. Онъ закурилъ, громко дыша и гремя спичечной коробкой; постоялъ, поглядѣлъ, и, сказавъ что-то о маленькомъ урокѣ, поправилъ на головѣ шляпу, и поспѣшно вышелъ. Я сразу всталъ съ полу и направился къ себѣ въ комнату. Мальчики бѣгомъ послѣдовали за мной. Одинъ изъ нихъ попробовалъ пролѣзть въ мою дверь. Я отшвырнулъ его ударомъ локтя и, знаю, сдѣлалъ ему больно. Дверь я заперъ на ключъ, обмылъ лицо, чуть не крича отъ ѣдкаго прикосновенія воды, и затѣмъ, вытащивъ изъ-подъ кровати чемоданъ, принялся укладывать вещи. Это было трудно, ломило въ спинѣ, лѣвая рука плохо дѣйствовала, слѣпили слезы.

Когда, въ пальто, неся тяжелый чемоданъ, я вышелъ въ прихожую, мальчики сразу опять появились. Я на нихъ даже не взглянулъ. Спускаясь по лѣстницѣ, я чувствовалъ, какъ они сверху смотрятъ на меня, перегнувшись черезъ перила. Пониже я встрѣтилъ учительницу музыки, приходившую какъ разъ по вторникамъ. Это была кроткая русская дѣвица въ очкахъ, съ толстыми, кривыми ногами. Я не поклонился ей, отвернулъ опухшее лицо, и, подгоняемый смертельной тишиной ея удивленія, выскочилъ на улицу.

До того, какъ покончить съ собой, я хотѣлъ по традиціи написать кое-какія письма да посидѣть хоть пять минутъ въ безопасности, а потому, кликнувъ таксомоторъ, отправился туда, гдѣ жилъ раньше. По счастью знакомая мнѣ комнатка оказалась свободной, и старушка-хозяйка стала сразу стелить мнѣ постель... напрасныя хлопоты. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ ея ухода, она возилась долго, наполняла водой кувшинъ, графинъ, затягивала штору, что-то дергала, съ разинутымъ чернымъ ртомъ глядя вверхъ. Наконецъ, помяукавъ, она ушла.

Пошлый, несчастный, дрожащій маленькій человѣкъ въ котелкѣ стоялъ посреди комнаты, почему то потирая руки. Такимъ я на мгновеніе увидѣлъ себя въ зеркалѣ. Затѣмъ я быстро вынулъ изъ чемодана бумагу, конверты, нашелъ въ карманѣ убогій карандашикъ и сѣлъ къ столу. Но оказалось, что писать мнѣ не къ кому. Я

мало кого зналъ и никого не любилъ. Письма отпали, отпало все остальное: мнѣ смутно казалось, что необходимо прибрать вещи, надѣть чистое бѣлье, оставить въ конвертѣ всѣ мои деньги — двадцать марокъ — съ запиской, кому ихъ отдать. Но тутъ я понялъ, что все это рѣшилъ я не сегодня, а когда то давно, въ разное время, когда беззаботно представлялъ себѣ, какъ люди стрѣляются. Такъ закоренѣлый горожанинъ, получивъ неожиданное приглашеніе отъ знакомаго помѣщика, покупаетъ въ первую очередь фляжку и крѣпкіе сапоги, — не потому, что они могутъ и впрямь пригодиться, а такъ, безсознательно, вслѣдствіе какихъ то прежнихъ непровѣренныхъ мыслей о деревнѣ, о длинныхъ прогулкахъ по лѣсамъ и горамъ. Но нѣтъ ни лѣсовъ, ни горъ, — сплошная пашня, и шагать въ жару по шоссе не охота. Такъ и я понялъ несуразность и условность моихъ прежнихъ представленій о предсмертныхъ занятіяхъ; человѣкъ, рѣшившійся на самоистребленіе, далекъ отъ житейскихъ дѣлъ, и засѣсть, скажемъ, писать завѣщаніе было бы столь же нелѣпымъ, какъ принять въ такую минуту средство противъ выпаденія волосъ, ибо вмѣстѣ съ человѣкомъ истребляется и весь міръ, въ пыль разсыпается предсмертное письмо и съ нимъ всѣ почтальоны, и какъ дымъ исчезаетъ доходный домъ, завѣщанный несуществующему потомству.

И вотъ, то, что я давно подозрѣвалъ, — безсмысленность міра, — стало мнѣ очевидно. Я почувствовалъ вдругъ невѣроятную свободу, —

34368 СС 2089

вотъ она то и была знакомъ безсмысленности. Я взялъ двадцатимарковый билетъ и разорвалъ его на клочки. Я снялъ съ руки часики, швырнулъ ихъ на полъ и швырялъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они не остановились. Я подумалъ, что могу, если захочу, выбѣжать сейчасъ на улицу, съ непристойными словами обнять любую женщину, застрѣлить всякаго, кто подвернется, расколошматить витрину... Фантазія беззаконія ограничена, — я ничего не могъ придумать далѣе.

Опасливо и неловко я зарядилъ револьверъ, затѣмъ потушилъ въ комнатѣ свѣтъ. Мысль о смерти, такъ пугавшая меня нѣкогда, была теперь близка и проста. Я боялся, страшно боялся чудовищной боли, которую быть можетъ мнѣ пуля причинитъ, но бояться чернаго бархатнаго сна, ровной тьмы, куда болѣе пріемлемой и понятной, чѣмъ безсонная пестрота жизни, — нѣтъ, какъ можно этого бояться, глупости какія... Стоя посреди темной комнаты, я разстегнулъ на груди рубашку, наклонился корпусомъ впередъ, нащупалъ между реберъ сердце, бившееся, какъ небольшое животное, которое хочешь перенести въ безопасное мѣсто, и которому не можешь объяснить, что нечего бояться, а напротивъ, для него же стараешься... но оно было такое живое, мое сердце, — плотно приложить дуло къ тонкой кожѣ, подъ которой оно упруго пульсировало, было мнѣ какъ то противно, и потому я слегка отодвинулъ неудобно согнутую руку, такъ, чтобы сталь не касалась моей голой груди. Затѣмъ я напрягся и выстрѣлилъ. Былъ сильный

толчокъ, и что-то позади меня дивно зазвенѣло, — никогда не забуду этого звона. Онъ сразу перепелъ въ журчаніе воды, въ гортанный водяной шумъ; я вздохнулъ, захлебнулся, все было во мнѣ и вокругъ меня текуче, бурливо. Я стоялъ почему то на колѣняхъ, хотѣлъ упереться рукой въ полъ, но рука погрузилась въ полъ, какъ въ бездонную воду.

2

Черезъ нѣкоторое время, если вообще тутъ можно говорить о времени, выяснилось, что, послѣ наступленія смерти, человѣческая мысль продолжаетъ жить по инерціи. Я былъ туго закутанъ, — не то въ саванъ, не то просто въ плотную темноту. Я все помнилъ, — имя, земную жизнь, — со стеклянной ясностью, и меня необыкновенно утѣшало, что безпокоиться теперь не о чемъ. Когда изъ непонятнаго ощущенія тугихъ бинтовъ я съ озорной безпечностью вывелъ представленіе о госпиталѣ, то сразу, послушно моей волѣ, выросла вокругъ меня призрачная больничная палата, и были у меня сосѣди, — такія же муміи, какъ я, — по три муміи съ каждой стороны. Какая же это здоровенная штука, человѣческая мысль, что вотъ — бьетъ — поверхъ смерти, и Богъ знаетъ, сколько еще будетъ трепетать и творить, послѣ того, какъ мой мертвый мозгъ давно сталъ ни къ чему не способенъ. И съ легкимъ любопытствомъ я подумалъ

о томъ, какъ это меня хоронили, была ли панихида, и кто пришелъ на похороны.

Но какъ цѣпко, какъ дѣловито, словно соскучившись по работѣ, принялась моя мысль мастерить подобіе больницы, подобіе движущихся бѣлыхъ людей между коекъ, съ одной изъ которыхъ доносилось подобіе человѣческаго стона! Благодушно поддаваясь этимъ представленіямъ, горяча и поддразнивая ихъ, я дошелъ до того, что создалъ цѣльную естественную картину, простую повѣсть о немѣткой пулѣ, о легкой сквозной ранѣ; и тутъ возникъ мной сотворенный врачъ и поспѣшилъ подтвердить мою безпечную догадку. А затѣмъ, когда я сталъ, смѣясь, клясться, что неумѣло разряжалъ револьверъ, — появилась и моя старушка, въ черной соломенной шляпѣ съ вишнями, сѣла у моей койки, полюбопытствовала, какъ я себя чувствую, и, лукаво грозя пальцемъ, упомянула о какомъ то кувшинѣ, вдребезги разбитомъ пулей... о, какъ ловко, какъ по-житейски просто моя мысль объяснила звонъ и журчаніе, сопроводившіе меня въ небытіе.

Я полагалъ, что посмертный разбѣгъ моей мысли скоро выдохнется, но повидимому мое воображеніе при жизни было такъ мощно, такъ пружинисто, что теперь хватало его надолго. Оно продолжало разрабатывать тему выздоровленія и довольно скоро выписало меня изъ больницы. Я вышелъ на улицу — реставрація берлинской улицы удалась на диво — и поплылъ по панели, осторожно и легко ступая еще слабыми,

какъ бы безплотными ногами. И думалъ я о житейскихъ вещахъ, о томъ, что надо починить часы и достать папиросъ, и о томъ, что у меня нѣтъ ни гроша. Поймавъ себя на этихъ думахъ, — не очень впрочемъ тревожныхъ, — я живо вообразилъ тотъ тѣлеснаго цвѣта съ карей тѣнью билетъ, который я разорвалъ передъ самоубійствомъ, и мое тогдашнее ощущеніе свободы, безнаказанности. Теперь однако поступокъ мой пріобрѣталъ нѣкоторое мстительное значеніе, и я былъ радъ, что ограничился только печальной шалостью, а не вышелъ куралесить на улицу, такъ какъ я зналъ теперь, что послѣ смерти земная мысль, освобожденная отъ тѣла, продолжаетъ двигаться въ кругу, гдѣ все по прежнему связано, гдѣ все обладаетъ сравнительнымъ смысломъ, и что потусторонняя мука грѣшника именно и состоитъ въ томъ, что живучая его мысль не можетъ успокоиться, пока не разберется въ сложныхъ послѣдствіяхъ его земныхъ опрометчивыхъ поступковъ.

Я шелъ по знакомымъ улицамъ, и все было очень похоже на дѣйствительность, и ничто однако не могло мнѣ доказать, что я не мертвъ, и что все это не загробная греза. Я видѣлъ себя со стороны, тихо идущимъ по панели, — я умилялся и робѣлъ, какъ еще неопытный духъ, глядящій на жизнь чѣмъ-то знакомаго ему человѣка.

Плавное, машинальное стремленіе привело меня къ лавкѣ Вайштока. Мгновенно напечатанныя въ угоду мнѣ книги спѣшно появились въ

витринѣ. Одну долю секунды нѣкоторыя заглавія были еще туманны: я всмотрѣлся, туманъ разсѣялся. Когда я вошелъ, въ магазинѣ было пусто, и тусклымъ адовымъ пламенемъ горѣла въ углу чугунная печка. Гдѣ то внизу за прилавкомъ послышалось кряхтѣніе Вайнштока. «Закатилось, — бормоталъ онъ напряженно, — закатилось». Погодя онъ выпрямился, и тутъ я уличилъ въ неточности свою фантазію, принужденную правда работать очень быстро: Вайнштокъ носилъ усы, а теперь ихъ не было, моя мечта не успѣла его додѣлать, и вмѣсто усовъ было на его блѣдномъ лицѣ розоватое отъ бритья мѣсто. «Фу, какъ вы скверно смотрите, — сказалъ онъ, здороваясь со мной, — фу, фу. Что съ вами? Хворали?» Я отвѣтилъ, что дѣйствительно, — былъ боленъ. «Теперь гриппа», — загадочно сказалъ Вайнштокъ и вздохнулъ. «Давно не видались, — заговорилъ онъ опять. — Скажите, вы тогда службу нашли?» Я отвѣтилъ, что былъ одно время гувернеромъ, но теперь это мѣсто потерялъ, и очень хочу курить. Вошелъ покупатель и спросилъ русско-испанскій словарь. «Кажется, имѣется», — сказалъ Вайнштокъ, повернувшись къ полкѣ и пальцемъ проводя по толстенькимъ корешкамъ.

Межъ тѣмъ мое вниманіе привлекъ тихій кашель въ глубинѣ магазина. Кто-то, охая, прошуршалъ, скрытый книгами. «Вы себѣ завели помощника?» — спросилъ я у Вайнштока, когда покупатель ушелъ. «Я его на-дняхъ расчитаю, — тихо отвѣтилъ Вайнштокъ. — Это абсолютно не-

годный старикъ. Мнѣ нуженъ молодой». «А какъ поживаетъ черная рука, Викентій Львовичъ?» «Если бы вы не были такимъ злостнымъ скептикомъ, — внушительно сказалъ Вайнштокъ, — я сумѣлъ бы вамъ разсказать много интереснаго». Онъ немного обидѣлся, — а это было некстати: призрачная, безденежная моя легкость требовала какого-то разрѣшенія, а моя фантазія создавала довольно никчемный разговоръ... «Нѣтъ, нѣтъ, Викентій Львовичъ, почему скептикъ? Напротивъ. Вспомните, я изъ-за этого въ свое время раскошелился». Дѣйствительно, когда я познакомился съ Вайнштокомъ, то сразу въ немъ обнаружилъ родственную мнѣ черту, — склонность къ навязчивымъ идеямъ. Вайнштокъ былъ убѣжденъ, что какіе-то люди, которыхъ онъ съ таинственной лаконичностью и со зловѣщимъ удареніемъ на первомъ слогѣ называлъ «агенты», постоянно за нимъ слѣдятъ. Онъ намекалъ на существованіе чернаго списка, гдѣ будто бы находится его имя. Я посмѣивался надъ нимъ, но внутренне холодѣлъ. Мнѣ показалось однажды страннымъ, что человѣкъ, котораго я случайно замѣтилъ въ трамваѣ, — непріятный блондинъ съ бѣгающими глазами, — былъ въ тотъ же день встрѣченъ мною опять: онъ стоялъ на углу моей улицы и дѣлалъ видъ, что читаетъ газету. Съ той поры я началъ побаиваться. Я сердился на себя, издѣвался мысленно надъ Вайнштокомъ, но ничего не могъ подѣлать со своимъ воображеніемъ. По ночамъ мнѣ чудилось, что кто-то лѣзетъ ко мнѣ въ окно. Наконецъ я

купилъ револьверъ и совершенно успокоился. На этотъ расходъ (тѣмъ болѣе нелѣпый, что «ваффеншайнъ» у меня отняли), я теперь и намекалъ Вайнштоку. «На что вамъ оружіе? — отвѣтилъ онъ. — Они хитрые, какъ бестіи. Противъ нихъ возможна только одна защита — мозги. Моя организація —» Онъ вдругъ подозрительно вскинулъ на меня глаза, какъ будто сказалъ лишнее. Тогда я рѣшился, — объяснилъ, стараясь говорить шутливо, что мое положеніе странное, занимать денегъ больше негдѣ, а жить и курить нужно, — и, говоря все это, я вспоминалъ развязнаго незнакомца съ выбитымъ переднимъ зубомъ, который какъ то явился къ матери моихъ воспитанниковъ и совершенно такимъ же шутливымъ тономъ разсказалъ, что ему нужно ѣхать вечеромъ въ Висбаденъ, и не хватаетъ ровно девяноста пфенниговъ. («Ну, насчетъ Висбаденовъ вы оставьте, — спокойно сказала она. — А двадцать пфенниговъ я вамъ такъ и быть дамъ. Больше не могу изъ чисто принципіальныхъ соображеній»). Впрочемъ теперь при этомъ сопоставленіи я не ощутилъ ни малѣйшаго стыда. Послѣ выстрѣла, выстрѣла, по моему мнѣнію, смертельнаго, я съ любопытствомъ глядѣлъ на себя со стороны, и мучительное прошлое мое — до выстрѣла — было мнѣ какъ то чуждо. Этотъ разговоръ съ Вайнштокомъ оказался началомъ новой для меня жизни. Я былъ теперь по отношенію къ самому себѣ постороннимъ. Вѣра въ призрачность моего существованія давала мнѣ право на нѣкоторыя развлеченія.

Глупо искать закона, еще глупѣе его найти. Надумаетъ нищій духомъ, что весь путь человѣчества можно объяснить каверзной игрою планетъ или борьбой пустого съ тугонабитымъ желудкомъ, пригласитъ къ богинѣ Кліо аккуратнаго секретарчика изъ мѣщанъ, откроетъ оптовую торговлю эпохами, народными массами, и тогда не сдобровать отдѣльному индивидууму, съ его двумя бѣдными «у», безнадежно аукающимися въ чащобѣ экономическихъ причинъ. Къ счастью закона никакого нѣтъ, — зубная боль проигрываетъ битву, дождливый денекъ отмѣняетъ намѣченный мятежъ, — все зыбко, все отъ случая, и напрасно старался тотъ расхлябанный и брюзгливый буржуа въ клѣтчатыхъ штанахъ временъ Викторіи, написавшій темный трудъ «Капиталъ», — плодъ безсонницы и мигрени. Есть острая забава въ томъ, чтобы, оглядываясь на прошлое, спрашивать себя, — что было бы, если бы..., замѣнять одну случайность другой, наблюдать, какъ изъ какой-нибудь сѣрой минуты жизни, прошедшей незамѣтно и безплодно, вырастаетъ дивное розовое событіе, которое въ свое время такъ и не вылупилось, не просіяло. Таинственна эта вѣтвистость жизни: въ каждомъ быломъ мгновеніи чувствуется распутіе, — было такъ, а могло бы быть иначе, — и тянутся, двоятся, троятся несмѣтныя огненныя извилины по темному полю прошлаго.

Всѣ эти простыя мысли — о зыбкости жизни — приходятъ мнѣ на умъ, когда я думаю о томъ, какъ легко могло случиться, что я никогда

бы не попалъ въ домъ номеръ пять на Павлиньей улицѣ, никогда бы не узналъ ни Вани, ни ваниной сестры, ни Романа Богдановича, ни многихъ другихъ людей, такъ неожиданно и непривычно заживших вокругъ меня. И наоборотъ... Поселись я послѣ призрачнаго выхода изъ больницы въ другомъ домѣ, быть можетъ немыслимое счастье запросто бы со мной разговорилось, — какъ знать... какъ знать...

Надо мной, въ верхнемъ, надстроенномъ, этажѣ жили русскіе. Познакомилъ меня съ ними Вайнштокъ, у котораго они брали книги, — тоже очаровательный пріемъ со стороны фантазіи, управляющей жизнью. До настоящаго знакомства были, впрочемъ, постоянныя встрѣчи на лѣстницѣ и тѣ слегка тревожные взгляды, которыми заграницей обмѣниваются русскіе. Ваню я отмѣтилъ сразу, и сразу почувствовалъ сердцебіеніе, какъ во снѣ, когда добыча мечты тутъ, у тебя въ комнатѣ, — подойди и схвати. Молодая дама съ милымъ бульдожьимъ лицомъ оказалась впослѣдствіи ваниной сестрой, Евгеніей Евгеньевной. Мужъ Евгеніи Евгеньевны, веселый господинъ съ толстымъ носомъ, тоже былъ порожденіемъ лѣстницы. Я ему придержалъ какъ-то дверь, и его нѣмецкое — «спасибо» въ точности прориѳмовало съ предложнымъ падежомъ банка, въ которомъ онъ, кстати сказать, служилъ.

У нихъ жила родственница, Маріанна Николаевна, и по вечерамъ бывали гости, почти всегда одни и тѣ же. Хозяйкой дома считалась Евгенія Евгеньевна. У нея былъ пріятный

юморъ, — она то и прозвала сестру Ваней, въ тѣ годы, когда меньшая требовала, чтобы ее звали Монна-Ванной, находя въ звукѣ своего имени — Варвара — что-то толстое и рябое. Я не сразу привыкъ къ этому мужскому уменьшительному; постепенно же оно приняло для меня какъ разъ тотъ оттѣнокъ, который грезился Ванѣ въ томныхъ женскихъ именахъ. Сестры были похожи другъ на дружку, но откровенная бульдожья тяжеловатость лица старшей была у Вани только чуть-чуть намѣчена, и была иначе, и какъ бы придавала значительность и своеродность общей красотѣ ея лица. Похожи у сестеръ были и глаза, черно-каріе, слегка ассиметричные, слегка раскосые, съ забавными складками на темныхъ вѣкахъ. У Вани глаза были еще бархатнѣе, и, въ отличіе отъ сестриныхъ, нѣсколько близоруки, точно ихъ красота дѣлала ихъ несовсѣмъ пригодными для употребленія. Обѣ были темноволосы и носили одинаковыя прически, — проборъ посрединѣ и большой, плотный узелъ низко на затылкѣ. Но у старшей волосы не лежали съ такой небесной гладкостью, лишены были драгоцѣннаго отлива... Мнѣ хочется стряхнуть Евгенію Евгеньевну, отставить ее совсѣмъ, чтобы сестеръ не приходилось сравнивать, и вмѣстѣ съ тѣмъ я знаю, что, не будь этого сходства, чего-то бы недоставало ваниному обаянію. Вотъ только руки у нея были неизящныя, — блѣдная ладонь какъ-то не соотвѣтствовала верхней сторонѣ, красноватой, съ больши-

ми костяшками. И на круглыхъ ногтяхъ были всегда бѣлесыя пятнышки.

Какое еще нужно напряженіе, до какой еще пристальности дойти, чтобы словами передать зримый образъ человѣка? Вотъ обѣ сестры сидятъ на диванѣ, Евгенія Евгеньевна въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ большими бусами на бѣлой шеѣ, Ваня въ малиновомъ, съ мелкими жемчугами вмѣсто бусъ, глаза у нея сіяютъ, переносица между черныхъ бровей почему то запудрена. Сестры въ одинаковыхъ новыхъ туфляхъ и вотъ, то и дѣло поглядываютъ другъ дружкѣ на ноги, — и на чужой ногѣ вѣрно выглядитъ лучше, чѣмъ на своей. Ихъ родственница, Маріанна Николаевна, бѣлокурая женщина-врачъ съ интенсивной манерой говорить, разсказываетъ Смурову и Роману Богдановичу объ ужасахъ гражданской войны. Мужъ Евгеніи Евгеньевны, Хрущовъ, — веселый господинъ съ толстымъ, блѣднымъ носомъ, который онъ постоянно тискаетъ, потягиваетъ, пытается отвернуть сбоку, уцѣпившись за ноздрю, — говоритъ на порогѣ сосѣдней комнаты съ Мухинымъ, молодымъ человѣкомъ въ пенснэ. Оба стоятъ по бокамъ двери, другъ противъ друга, какъ каріатиды.

Мухинъ и величавый Романъ Богдановичъ давно уже бываютъ здѣсь, Смуровъ же появился сравнительно недавно, но этого сразу не скажешь. Не было застѣнчивости, которая такъ выдѣляетъ человѣка среди людей, хорошо другъ друга знающихъ, связанныхъ между собой условными отзвуками бывшихъ шутокъ, живыми для

нихъ именами, такъ что новопоявившійся чувствуетъ себя, какъ если бы онъ вдругъ спохватился, что повѣсть, которую онъ принялся читать въ журналѣ, началась уже давно, въ какихъ то предыдущихъ, неизвѣстныхъ номерахъ, и, слушая общій разговоръ, богатый намеками на невѣдомое, онъ молчитъ, переводитъ взглядъ съ одного на другого, смотря по тому, кто говоритъ, и чѣмъ быстрѣе реплики, тѣмъ подвижнѣе его глаза; вскорѣ незримый міръ, живущій въ словахъ окружающихъ, начинаетъ его тяготить, ему кажется, что нарочно затѣянъ разговоръ, куда онъ не вхожъ. Но, если порой Смуровъ и чувствовалъ себя неловко, онъ во всякомъ случаѣ не показывалъ этого. Признаюсь, въ тѣ первые вечера онъ на меня произвелъ довольно пріятное впечатлѣніе. Былъ онъ роста небольшого, но ладенъ и ловокъ, его скромный черный костюмъ и черный галстукъ бантикомъ, казалось, сдержанно намекаютъ на какой-то тайный трауръ. Его блѣдное, тонкое лицо было молодо, но чуткій наблюдатель могъ бы въ его чертахъ найти слѣды печали и опыта. Онъ держался прекрасно, улыбался спокойной, немного грустной улыбкой, медлившей у него на губахъ. Говорилъ онъ мало, но все высказываемое имъ было умно и умѣстно, а рѣдкія шутки его, слишкомъ изящныя, чтобы вызвать бурный смѣхъ, открывали въ разговорѣ потайную дверцу, впуская неожиданную свѣжесть. Казалось, что онъ не могъ сразу же не понравиться Ванѣ, — именно этой благородной, загадочной скромностью, блѣдностью

лба и узостью рукъ... Кое-что, — напримѣръ слово «благодарствуйте», произносимое полностью, съ сохраненіемъ букета согласныхъ, — должно было непремѣнно открыть чуткому наблюдателю, что Смуровъ принадлежитъ къ лучшему петербургскому обществу.

Маріанна Николаевна, говорившая объ ужасахъ войны, на мгновеніе умолкла, почувствовавъ наконецъ, что бородатый и пышный Романъ Богдановичъ давно хочетъ вставить свое словцо, которое онъ держалъ во рту, какъ большую карамель; но ему не повезло, Смуровъ оказался проворнѣе.

«Внимая ужасамъ войны, — сказалъ съ улыбкой Смуровъ, — мнѣ не жаль ни друга, ни матери друга, а жаль мнѣ тѣхъ, кто на войнѣ не побывалъ. Трудно передать, какое музыкальное наслажденіе въ жужжаніи пуль, — или когда летишь карьеромъ въ атаку»...

«Война всегда отвратительна, — сухо перебила Маріанна Николаевна. — Я вѣроятно иначе воспитана, чѣмъ вы. Человѣкъ, отнимающій жизнь у другого, всегда убійца, будь онъ палачъ или кавалеристъ».

«Я лично...» — сказалъ Смуровъ, но она опять перебила:

«Военная доблесть, это пережитокъ прошлаго. Въ теченіе моей врачебной практики мнѣ часто приходилось видѣть людей, искалѣченныхъ и выбитыхъ изъ жизни войной. Человѣчество теперь стремится къ другимъ идеаламъ. Нѣтъ ничего

унизительнѣе, чѣмъ быть пушечнымъ мясомъ. Можетъ быть другое воспитаніе...»

«Я лично...» — сказалъ Смуровъ.

«Другое воспитаніе, — быстро продолжала она, — въ идеяхъ гуманности и общекультурныхъ интересовъ, заставляетъ меня на это смотрѣть другими глазами, чѣмъ вы. Я ни въ кого не палила и никого не закалывала. Будьте покойны — среди врачей, моихъ коллегъ, больше найдется героевъ, чѣмъ на полѣ битвы...»

«Я лично...» — сказалъ Смуровъ.

«Но довольно объ этомъ, — отрѣзала Маріанна Николаевна. — Я вижу, что ни вы меня не убѣдите, ни я васъ. Пренія закончены».

Наступило легкое молчаніе. Смуровъ спокойно размѣшивалъ ложечкой чай. Да, очевидно онъ бывшій офицеръ, смѣльчакъ, партнеръ смерти, и только изъ скромности ничего не говоритъ о своихъ приключеніяхъ.

«А я вотъ что хотѣлъ разсказать, — грянулъ Романъ Богдановичъ. — Вы упомянули о Константинополѣ, Маріанна Николаевна. Былъ у меня тамъ одинъ хорошій знакомый, — нѣкій Кашмаринъ, впослѣдствіи я съ нимъ поссорился, онъ былъ страшно рѣзокъ и вспыльчивъ, хотя отходчивъ и по своему добръ. Онъ, между прочимъ, одного француза избилъ до полусмерти — изъ ревности. Ну вотъ, онъ мнѣ разсказалъ слѣдующую исторію. Рисуетъ нравы Турціи. Представьте себѣ...»

«Неужели избилъ? — прервалъ Смуровъ съ улыбкой. — Вотъ это здорово, люблю...»

«До полусмерти», — сказалъ Романъ Богдановичъ, и пустился въ повѣствованіе.

Смуровъ, слушая, одобрительно кивалъ, и было видно, что такой человѣкъ, какъ онъ, несмотря на внѣшнюю скромность и тихость, таитъ въ себѣ нѣкій пылъ и способенъ въ минуту гнѣва сдѣлать изъ человѣка шашлыкъ, а въ минуту страсти женщину умыкнуть подъ плащомъ, вѣтреной ночью, какъ сдѣлалъ кто-то въ разсказѣ Романа Богдановича. Ваня, если разбиралась въ людяхъ, должна была это замѣтить.

«У меня все подробно въ дневникѣ изложено», — самодовольно закончилъ Романъ Богдановичъ, и хлебнулъ чаю.

Мухинъ и Хрущовъ опять застыли по косякамъ; Ваня и Евгенія Евгеньевна оправили платья на колѣняхъ совершенно одинаковымъ жестомъ; Маріанна Николаевна, ни съ того, ни съ сего, уставилась на Смурова, который сидѣлъ къ ней въ профиль и, по рецепту мужественныхъ тиковъ, игралъ желваками скулъ подъ ея недоброжелательнымъ взглядомъ. Онъ мнѣ нравился, да, онъ мнѣ нравился, — и я чувствовалъ, что, чѣмъ пристальнѣе смотритъ Маріанна Николаевна, культурная женщина-врачъ, тѣмъ отчетливѣе и стройнѣе растетъ образъ молодого головорѣза, съ желѣзными нервами, блѣднаго отъ прежнихъ безсонныхъ ночей въ степныхъ балкахъ, на разрушенныхъ снарядами станціяхъ. Казалось, все обстоитъ благополучно.

Викентій Львовичъ Вайнштокъ, у котораго Смуровъ служилъ въ приказчикахъ (смѣнивъ негоднаго старика), зналъ о немъ меньше, чѣмъ кто-либо. Въ характерѣ у Вайнштока была доля пріятной азартности. Этимъ вѣроятно объясняется, что онъ далъ у себя мѣсто мало знакомому человѣку. Его подозрительность требовала постоянной пищи. Какъ у иныхъ нормальныхъ и совершенно почтенныхъ людей вдругъ оказывается страсть къ собиранію стрекозъ или гравюръ, такъ и Вайнштокъ, внукъ старьевщика, сынъ антиквара, солидный, уравновѣшенный Вайнштокъ, всю свою жизнь занимавшійся книжнымъ дѣломъ, устроилъ себѣ нѣкій отдѣльный маленькій міръ. Тамъ, въ полутьмѣ, происходили таинственныя событія.

Индія вызывала въ немъ мистическое уваженіе: онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кто, при упоминаніи Бомбея, представляетъ себѣ не англійскаго чиновника, багроваго отъ жары, а непремѣнно факира. Онъ вѣрилъ въ чохъ и въ жохъ, въ четъ и въ чорта, вѣрилъ въ символы, въ силу начертаній и въ бронзовыя, голопузыя изображенія. По вечерамъ онъ клалъ руки, какъ застывшій піанистъ, на легонькій столикъ о трехъ ножкахъ: столикъ начиналъ нѣжно трещать, цыкать кузнечикомъ, и затѣмъ, набравшись силъ, медленно поднимался однимъ краемъ и неуклюже, но сильно ударялъ ножкой объ полъ. Вайнштокъ вслухъ читалъ азбуку. Сто-

ликъ внимательно слѣдилъ и на нужной буквѣ стучалъ. Являлся Цезарь, Магометъ, Пушкинъ и двоюродный братъ Вайнштока. Иногда столикъ начиналъ шалить, поднимался и повисалъ въ воздухѣ, а не то предпринималъ атаку на Вайнштока, бодалъ его въ животъ, и Вайнштокъ, добродушно успокаивая духа, словно укротитель, нарочно поддающійся игривости звѣря, отступалъ по всей комнатѣ, продолжая держать пальцы на столикѣ, шедшемъ вперевалку. Употреблялъ онъ для разговоровъ также и блюдечко съ мѣткой, и еще какое-то сложное приспособленьице, съ торчавшимъ внизъ карандашомъ. Разговоры записывались въ особыя тетрадки. Это были діалоги такого рода:

Вайнштокъ.

Нашелъ ли ты успокоеніе?

Ленинъ.

Нѣтъ. Я страдаю.

Вайнштокъ.

Желаешь ли ты мнѣ разсказать о загробной жизни?

Ленинъ (послѣ паузы).

Нѣтъ...

Вайнштокъ.

Почему?

Ленинъ.

Тамъ ночь.

Тетрадокъ было множество, и Вайнштокъ говорилъ, что когда-нибудь опубликуетъ наиболѣе

значительные разговоры. И очень былъ забавенъ нѣкій духъ Абумъ, неизвѣстнаго происхожденія, глуповатый и безвкусный, который игралъ роль посредника, устраивая Вайнштоку свиданія съ разными знаменитыми покойниками. Къ самому Вайнштоку онъ относился съ нѣкоторымъ амикошонствомъ:

Вайнштокъ.

Духъ, кто ты?

Отвѣтъ.

Иванъ Сергѣевичъ.

Вайнштокъ.

Какой Иванъ Сергѣевичъ?

Отвѣтъ.

Тургеневъ.

Вайнштокъ.

Продолжаешь ли ты творить?

Отвѣтъ.

Дуракъ.

Вайнштокъ.

За что ты меня ругаешь?

Отвѣтъ (столикъ буйствуетъ).

Надулъ. Я — Абумъ.

Иногда отъ Абума, начавшаго озорничать, нельзя было отдѣлаться во весь сеансъ. «Прямо какая то обезьяна», — жаловался Вайнштокъ.

Партнершей Вайнштока въ этихъ играхъ была маленькая розово-рыжая дама съ пухлыми ручками, крѣпко надушенная и всегда простуженная. Позже я узналъ, что у нихъ давнымъ давно связь, но странно откровенный въ иныхъ

вещахъ Вайнштокъ ни разу не проговорился объ этомъ, называли они другъ друга по имени-отчеству, держались, какъ хорошіе знакомые, она часто приходила въ магазинъ и, грѣясь у печки, читала теософскій журналъ, выходившій въ Ригѣ. Она поощряла Вайнштока въ его опытахъ съ потустороннимъ, при чемъ разсказывала, что у нея періодически оживаетъ въ комнатѣ мебель, колода картъ перелетаетъ съ одного мѣста на другое или разсыпается по ковру, а однажды лампочка, спрыгнувъ съ ночного столика на полъ, стала подражать собачкѣ, нетерпѣливо натягивающей поводокъ, шнуръ въ концѣ концовъ выскочилъ, въ темнотѣ что-то убѣжало, и лампочка была найдена въ передней у самой двери. Вайнштокъ говорилъ, что ему, къ сожалѣнію, «сила» не дана, что у него нервы, какъ подтяжки, а у медіумовъ не нервы, а прямо какія-то струны. Въ матеріализацію онъ, впрочемъ, не вѣрилъ и только въ видѣ курьеза хранилъ у себя фотографію, подаренную ему спиритомъ, на которой изо-рта рыхлой, блѣдной женщины съ закрытыми глазами выливалась текучая, облачная масса.

Онъ любилъ Эдгара По, приключенія, разоблаченія, пророческіе сны и паутинный ужасъ тайныхъ обществъ. Масонскія ложи, клубы самоубійцъ, мессы демонопоклонниковъ и особенно агенты, присланные «оттуда» (и какъ краснорѣчиво и жутко звучало это «оттуда») для слѣжки за русскимъ человѣчкомъ заграницей, превращали Берлинъ для Вайнштока въ городъ чу-

десъ, среди которыхъ онъ себя чувствовалъ, какъ дома. Онъ намекалъ, что состоитъ членомъ большой организаціи, призванной будто бы распутывать и разрывать тонкія ткани, которыя плететъ нѣкій ярко-алый паукъ, изображенный у Вайнштока на ужасно безвкусномъ перстнѣ, придававшемъ его волосатой рукѣ что-то экзотическое. «Они всюду, — говорилъ онъ вѣско и тихо. — Они всюду. Я прихожу въ домъ, тамъ пять, десять, ну двадцать человѣкъ... И среди нихъ безъ всякаго сомнѣнія, ахъ, безъ всякаго сомнѣнія, хоть одинъ агентъ. Вотъ я говорю съ Иванъ Иванычемъ, и кто можетъ побожиться, что Иванъ Иванычъ чистъ? Вотъ у меня человѣкъ служитъ въ конторѣ, — да, скажемъ, не въ книжной лавкѣ, а въ какой-то конторѣ, я хочу все это безъ всякихъ личностей, вы меня понимаете, — ну и развѣ я могу знать, что онъ не агентъ? Всюду, господа, всюду... Это такая тонкая слѣжка... Я прихожу въ домъ, тамъ гости, всѣ другъ друга знаютъ, и все-таки вы не гарантированы, что вотъ этотъ скромный и деликатный Иванъ Иванычъ не является...» — и Вайнштокъ многозначительно кивалъ.

У меня вскорѣ возникло подозрѣніе, что Вайнштокъ, правда, очень осторожно, намекаетъ на кого-то опредѣленнаго. Вообще же говоря, всякій, кто съ нимъ бесѣдовалъ, всегда выносилъ впечатлѣніе, что Вайнштокъ не то въ него самого мѣтитъ, не то въ общаго знакомаго. Самое замѣчательное, что однажды, — и этотъ случай Вайнштокъ вспоминалъ съ гордостью, — нюхъ

его не обманулъ: человѣкъ съ которымъ онъ былъ довольно близко знакомъ, привѣтливый, простой, «рубашка нараспашку», какъ выразился Вайнштокъ, оказался дѣйствительно ядовитой совѣтской ягодкой. Мнѣ кажется, ему не такъ ужъ было бы обидно упустить шпіона, но страшно было бы обидно не успѣть намекнуть шпіону, что онъ, Вайнштокъ, его раскусилъ.

Пускай отъ Смурова вѣяло нѣкоторой загадочностью, пускай прошлое его было довольно туманно, — но неужели же...? Вотъ онъ, напримѣръ, за прилавкомъ въ своемъ аккуратномъ черномъ костюмѣ, гладко причесанный, съ чистымъ, блѣднымъ лицомъ. Когда входитъ покупатель, онъ осторожно приставляетъ дымящуюся папиросу къ краю пепельницы и, потирая тонкія руки, внимательно выслушиваетъ желаніе вошедшаго. Иногда, — особенно если покупаетъ дама, — онъ съ легкой улыбкой, выражающей не то снисхожденіе къ книгамъ вообще, не то насмѣшечку надъ самимъ собой въ роли простого приказчика, даетъ цѣнные совѣты, — вотъ это стоитъ прочесть, а вотъ это немного слишкомъ серьезно; вотъ тутъ очень увлекательно описана вѣковѣчная борьба половъ, а вотъ этотъ романъ неглубокій, но очень блестящій, быстрый, прямо, знаете, какъ шампанское. И дама, купившая книгу, красногубая дама въ котиковой шубѣ, уноситъ съ собой его привлекательный образъ: тонкость рукъ, немного неловко берущихъ деньги, матовый голосъ, скользящую улыбочку, прекрасныя манеры. Но въ гостяхъ у Ев-

геніи Евгеньевны Смуровъ уже начиналъ производить на кое-кого нѣсколько другое впечатлѣніе.

Жизнь этой семьи въ пятомъ домѣ по Павлиньей улицѣ была исключительно счастливой. Отецъ, жившій большую часть года въ Лондонѣ, былъ повидимому щедръ, да и самъ Хрущовъ зарабатывалъ отлично, — но не въ томъ дѣло: будь они нищіе, все равно ничего бы не измѣнилось, обвѣвалъ бы сестеръ такой же вѣтерокъ счастья, непонятно откуда дувшій, но чувствуемый самымъ угрюмымъ и толстокожимъ посѣтителемъ. Было похоже, что онѣ совершаютъ какое-то веселое путешествіе: этотъ надстроенный этажъ плылъ, какъ дирижабль. Невозможно было точно опредѣлить, гдѣ именно находится источникъ счастья. Я глядѣлъ на Ваню, и вотъ, мнѣ уже казалось, что источникъ найденъ... Ея счастье было молчаливо. Иногда она вдругъ начинала задавать вопросы и, получивъ отвѣтъ, тотчасъ умолкала, и пристально смотрѣла на человѣка своими удивленными, чудесными, плохо видящими глазами. «Гдѣ ваши родители?» — спросила она какъ то у Смурова. «Въ лучшемъ мірѣ», — отвѣтилъ Смуровъ и почему то слегка поклонился. Ваня опять замерла на диванѣ, а Евгенія Евгеньевна, подбрасывая на ладони маленькій целлулоидовый мячикъ для игры въ пингъ-понгъ, сказала, что она помнитъ мать, а Ваня не помнитъ. Въ тотъ вечеръ, кромѣ Смурова и неизмѣннаго Мухина, никого не было: Маріанна Николаевна была на концертѣ, Хру-

щовъ работалъ у себя въ комнатѣ, не пришелъ и Романъ Богдановичъ, какъ всегда по пятницамъ, занятый своимъ дневникомъ. Мухинъ, тихій и чинный, молчалъ, изрѣдка поправляя зажимчикъ легкаго пенснэ на узкомъ своемъ носу. Онъ былъ очень хорошо одѣтъ и курилъ настоящія англійскія папиросы.

Смуровъ, пользуясь его молчаніемъ, вдругъ разговорился, какъ еще никогда раньше. Обращаясь преимущественно къ Ванѣ, онъ сталъ разсказывать, какъ спасся отъ смерти.

«Это было въ Ялтѣ, — разсказывалъ Смуровъ, — послѣ ухода бѣлыхъ. Я отказался эвакуироваться съ остальными, такъ какъ предполагалъ организовать партизанскій отрядъ и продолжать борьбу. Мы сперва скрывались въ горахъ. Во время одной перестрѣлки я былъ раненъ. Пуля, не задѣвъ легкаго, прошла навылетъ. Когда я очнулся, то лежалъ навзничь, и надо мной плыли звѣзды. Что дѣлать? Былъ я одинъ въ горномъ ущельѣ и истекалъ кровью. Я рѣшилъ добраться до Ялты, — страшно рискованно, но ничего другого я не могъ придумать. Я шелъ всю ночь, съ невѣроятными усиліями, большей частью ползкомъ. На разсвѣтѣ я, наконецъ, очутился въ Ялтѣ. Улицы еще спали мертвымъ сномъ. Только со стороны вокзала доносились выстрѣлы. Вѣроятно тамъ кого-нибудь разстрѣливали.

У меня былъ хорошій знакомый, дантистъ. Къ нему то я и направился и захлопалъ въ ладони подъ его окномъ. Онъ выглянулъ, узналъ

меня и сразу впустилъ. Я скрывался у него, пока не зажила рана. Ясно, что моимъ присутствіемъ я навлекалъ на него страшную опасность, и потому мнѣ не терпѣлось уйти. Но куда? Хорошенько подумавъ, я рѣшилъ поѣхать на сѣверъ, гдѣ по слухамъ опять вспыхнула борьба. Какъ-то вечеромъ я облобызался съ моимъ милымъ спасителемъ, онъ далъ мнѣ денегъ, которыя — дастъ Богъ — я когда-нибудь ему верну, — и вотъ я опять иду по знакомымъ ялтинскимъ улицамъ, въ очкахъ, съ бородкой, одѣтый въ старый френчъ. Я прямо направился къ вокзалу. У входа на перронъ стоялъ красноармеецъ и провѣрялъ документы. У меня былъ паспортъ на имя фельдшера Соколова. Красноармеецъ посмотрѣлъ, сунулъ мнѣ обратно бумаги, и все сошло бы благополучно, если бы не дурацкая случайность. Я вдругъ слышу женскій голосъ, который спокойно говоритъ: это бѣлый, я его хорошо знаю. Я сохранилъ самообладаніе, не обернулся, и хотѣлъ пройти на перронъ. Но не успѣлъ я сдѣлать и трехъ шаговъ, какъ голосъ — на этотъ разъ мужской — крикнулъ: стой! Я сталъ. Двое солдатъ и полная, рыхлая женщина въ папахѣ быстро подошли ко мнѣ. Да, это онъ, — сказала женщина. — Взять его. Я узналъ въ этой коммунисткѣ горничную, прежде служившую у однихъ моихъ друзей. Шутили, что она ко мнѣ неравнодушна. Своей тучностью и плотоядными губами она была мнѣ чрезвычайно противна. Присоединилось еще трое солдатъ и человѣкъ

въ полувоенной одеждѣ комиссарскаго типа. Пошевеливайся, — сказалъ онъ. Я пожалъ плечами и хладнокровно замѣтилъ, что произошла ошибка. Тамъ разберемъ, — сказалъ комиссаръ. — Маршъ.

Я думалъ, что меня поведутъ на допросъ. Оказалось, что пахнетъ кое-чѣмъ похуже. Когда мы дошли до пакгауза и мнѣ было велѣно раздѣться и стать къ стѣнѣ, то я сунулъ руку за пазуху, дѣлая видъ, что разстегиваю френчъ, и въ слѣдующій мигъ уложилъ изъ браунинга одного, другого и бросился бѣжать. Остальные, конечно, открыли по мнѣ стрѣльбу. Пуля сбила съ меня фуражку. Я обогнулъ пакгаузъ, прыгнулъ черезъ какой-то заборъ, застрѣлилъ человѣка, который бросился ко мнѣ съ лопатой, затѣмъ взбѣжалъ на желѣзнодорожную насыпь, проскочилъ передъ носомъ поѣзда на другую сторону и, пока длинный составъ отдѣлялъ меня отъ преслѣдованія, успѣлъ благополучно скрыться».

Далѣе Смуровъ разсказывалъ, какъ онъ, подъ прикрытіемъ темноты, пошелъ по направленію къ морю, какъ ночевалъ въ порту, среди какихъ то бочекъ, а на утро, въ рыбачьей лодкѣ, пустился въ одинокое плаваніе и на пятый день, изможденный, въ полуобморочномъ состояніи, былъ спасенъ греческой шхуной. Онъ разсказывалъ все это ровнымъ, спокойнымъ, даже скучновато голосомъ, будто шла рѣчь о вещахъ незначительныхъ. Евгенія Евгеньевна сочувственно цокала языкомъ, Мухинъ слушалъ внимательно и

вдумчиво, и раза два тихонько прочистилъ горло, словно, помимо своей воли, былъ взволнованъ разсказомъ и чувствовалъ уваженіе, даже нѣкоторую — хорошую такую — зависть къ человѣку, безстрашно и просто заглянувшему въ лицо смерти. А Ваня... Да, теперь все было кончено, она не могла не увлечься Смуровымъ, — и какъ прелестно ея рѣсницы разставляли пунктуацію въ его рѣчахъ, какое было трепетное многоточіе, когда Смуровъ остановился, какъ она покосилась на сестру, — влажный блескъ въ сторону, — чтобы вѣроятно убѣдиться, что та не замѣтила ея возбужденія.

Молчаніе. Мухинъ открылъ портсигаръ. Евгенія Евгеньевна суетливо спохватилась, что пора звать мужа чай пить. Въ дверяхъ она обернулась и сказала что-то невнятное о пирогѣ. Ваня вскочила съ дивана и послѣдовала за ней. Мухинъ поднялъ съ полу и осторожно положилъ на столъ ея платочекъ.

«Дайте мнѣ одну изъ вашихъ», — сказалъ Смуровъ.

«Пожалуйста», — сказалъ Мухинъ.

«Ахъ, у васъ всего одна осталась», — сказалъ Смуровъ.

«Берите, берите, — сказалъ Мухинъ. — У меня еще есть въ пальто».

«Англійскія всегда пахнутъ медомъ», — сказалъ Смуровъ.

«Или черносливомъ, — сказалъ Мухинъ. — Къ сожалѣнію, — добавилъ онъ тѣмъ же голосомъ, — въ Ялтѣ вокзала нѣтъ».

Это было неожиданно и ужасно. Чудесный мыльный пузырь, сизо-радужный, съ отраженіемъ окна на глянцевитомъ боку, растетъ, раздувается — и вдругъ нѣтъ его, — только немного щекочущей сырости прямо въ лицо.

«До революціи, — сказалъ Мухинъ, прерывая невозможное молчаніе, — былъ, кажется, проектъ соединить желѣзной дорогой Ялту и Симферополь. Я хорошо знаю Ялту, не разъ тамъ бывалъ. Скажите, почему вы сочинили всю эту абракадабру?»

О, да, Смуровъ могъ бы еще спасти положеніе, какъ-нибудь вывернуться, новымъ остроумнымъ вымысломъ или, наконецъ, просто добродушной шуткой поддержать то, что рушилось съ такой тошнотворной скоростью. Но Смуровъ не только не нашелся, — онъ сдѣлалъ худшее, что могъ сдѣлать. Понизивъ голосъ, онъ хрипло проговорилъ: «я васъ очень прошу... пусть это останется между нами». Мухину стало неловко, онъ поправилъ пенснэ, хотѣлъ что-то спросить, но запнулся, такъ какъ въ это мгновеніе сестры вернулись. За чаемъ Смуровъ мучительно старался казаться веселымъ. Но его черный костюмъ былъ потрепанъ и пятнистъ, галстучекъ, обычно завязанный такъ, чтобы въ узлѣ скрыть протертое мѣсто, показывалъ сегодня жалкую зазубрину, прыщикъ на подбородкѣ непріятно горѣлъ сквозь лиловатые остатки пудры... Такъ вотъ въ чемъ дѣло... Неужто и вправду у Смурова нѣтъ загадки, и онъ просто мелкій враль, уже разоблаченный? Такъ вотъ въ чемъ дѣло...

Нѣтъ, загадка осталась. Какъ то вечеромъ, въ другомъ домѣ, образъ Смурова получилъ новое, необыкновенное развитіе, которое прежде только едва-едва намѣчалось. Въ комнатѣ было тихо и темно. Маленькая лампа въ углу была прикрыта газетой, и отъ этого простой газетный листъ пріобрѣталъ удивительную прозрачнѣйшую красоту. И вотъ, въ этомъ полусумракѣ вдругъ заговорили о Смуровѣ.

Началось съ пустяковъ. Сперва оборванныя, смутныя рѣчи, затѣмъ назойливые намеки на какого то инженера, затѣмъ страшное имя и отдѣльныя слова: кровь... хлопоты... довольно... Понемногу рѣчь стала связной, и послѣ краткаго разсказа о тихой кончинѣ отъ вполнѣ приличной болѣзни, странно завершившей рѣдкую по своей мерзости жизнь, — сказано было слѣдующее: «Теперь я предупреждаю. Бойтесь нѣкоего человѣка. Онъ идетъ по моимъ стопамъ. Онъ слѣдитъ, заманиваетъ, предаетъ. Изъ-за него уже погибли многіе. Молодой вождь собирается перейти границу. Боевая группа. Но сѣти будутъ разставлены, группа погибнетъ. Онъ слѣдитъ, заманиваетъ, предаетъ. Будьте на чеку. Бойтесь маленькаго человѣка въ черномъ. Не довѣряйте скромности вида. Я говорю правду...»

«Кто же этотъ человѣкъ?» — спросилъ Вайнштокъ.

Отвѣтъ медлилъ...

«Я прошу тебя, Азефъ, скажи намъ, кто этотъ человѣкъ?»

Блюдечко снова побѣжало по буквамъ алфа-

вита, скачками, зигзагами. Вайнштокъ записалъ, прочелъ вслухъ знакомое имя. «Слышите? — сказалъ онъ, обращаясь въ самый темный уголъ комнаты. — Хорошенькое дѣло! Вы понимаете, что я этому ни секунды не повѣрю. Вы не обидѣлись, надѣюсь? И почему бы вы обидѣлись? Это иногда не исключено на сеансахъ, что носятъ чушь», — и Вайнштокъ неестественно разсмѣялся.

4

Положеніе становилось любопытнымъ. Я уже могъ насчитать три варіанта Смурова, а подлинникъ оставался неизвѣстнымъ. Такъ бываетъ въ научной систематикѣ. Давнымъ-давно, съ лаконическимъ примѣчаніемъ «in pratis Westmanniae», Линней описалъ распространенный видъ дневной бабочки. Проходитъ время, и, въ похвальномъ стремленіи къ точности, новые изслѣдователи даютъ названія расамъ и разновидностямъ этого распространеннаго вида, такъ что вскорѣ нѣтъ ни одного мѣста въ Европѣ, гдѣ бы леталъ типическій видъ, а не разновидность, форма, субспеція. Гдѣ типъ, гдѣ подлинникъ, гдѣ первообразъ? И вотъ, наконецъ, проницательный энтомологъ приводитъ въ продуманномъ трудѣ весь списокъ названныхъ формъ и принимаетъ за типъ двухсотлѣтній, выцвѣтшій, скандинавскій экземпляръ, пойманный Линнеемъ, и этой условностью все какъ будто улажено.

Вотъ такъ и я рѣшилъ докопаться до сущности Смурова, уже понимая, что на его образъ вліяютъ климатическія условія въ различныхъ душахъ, что въ холодной душѣ онъ одинъ, а въ цвѣтущей душѣ окрашенъ иначе... Я начиналъ этой игрой увлекаться. Самъ я относился къ Смурову спокойно. Нѣкоторая пристрастность, которая была вначалѣ, уже смѣнялась просто любопытствомъ. Зато я позналъ новое для меня волненіе. Какъ ученому все равно, красивъ ли или нѣтъ цвѣтъ крыла, изященъ ли или грубъ рисунокъ на немъ, а важны только видовыя примѣты, — такъ и я смотрѣлъ на Смурова безъ эстетическихъ содроганій, но зато находилъ острѣйшее ощущеніе въ той систематизаціи смуровскихъ личинъ, которую я безпечно предпринялъ.

Работа была далеко не легкая. Напримѣръ, я отлично зналъ, что прѣсная Маріанна Николаевна видитъ въ Смуровѣ блестящаго и жестокаго воина, «одного изъ тѣхъ, кто вѣшалъ направо и налѣво», какъ, подъ большимъ секретомъ, въ минуту откровенности передала мнѣ Евгенія Евгеньевна. Но чтобы точно опредѣлить этотъ образъ, мнѣ бы нужно было знать всю жизнь Маріанны Николаевны, все то побочное, что оживало въ ея душѣ, когда она смотрѣла на Смурова, другія воспоминанія, другія случайныя впечатлѣнія и всѣ тѣ свѣтовые эффекты, которые во всѣхъ душахъ разные. Разговоръ съ Евгеніей Евгеньевной происходилъ вскорѣ послѣ отъѣзда Маріанны Николаевны, — говорили, что

она уѣхала въ Варшаву, но подразумѣвалось что-то другое, были глухія недомолвки, и вотъ, значитъ, Маріанна Николаевна увезла съ собой и будетъ хранить до конца жизни, если никто ея не разувѣритъ, совершенно особое представленіе о Смуровѣ. «Ну, а вы, — спросилъ я у Евгеніи Евгеньевны, — вы какъ думаете?» «Ахъ, развѣ можно такъ сразу сказать?» — отвѣтила она, и ея милое бульдожье лицо съ бархатными глазами еще болѣе выкучилось отъ улыбки. «Ну, а все-таки?» — настаивалъ я. «Во-первыхъ, застѣнчивость, — быстро произнесла она. — Да-да, большая доля застѣнчивости. У меня былъ двоюродный братъ, очень смирный и симпатичный юноша, но, когда онъ входилъ въ гостиную, гдѣ сидѣло много новыхъ людей, онъ вдругъ начиналъ посвистывать, чтобы придать себѣ такой независимый видъ, — неглиже съ отвагой». «Ну, а еще?» «Что же еще... Я думаю, впечатлительность, большая впечатлительность, и затѣмъ, конечно, молодость, незнаніе людей...»

Больше ничего нельзя было изъ нея вытянуть, и образъ получался довольно блѣдный, мало привлекательный. Сильнѣе же всего меня занимала ванина версія Смурова. Я думалъ объ этомъ постоянно. И вотъ, помню, мы всѣ вмѣстѣ вышли какъ-то вечеромъ на улицу, а вечеръ выдался неудачный: оказалось, что они собираются въ театръ, и напрасно я лѣзъ къ нимъ на шестой этажъ. Отъ нечего дѣлать я и вышелъ ихъ проводить до таксомоторной стоянки. Вдругъ замѣчаю, что забылъ дома ключи. «Ахъ, у насъ двѣ

связки, — сказала Евгенія Евгеньевна, — повезло вамъ, что мы живемъ въ одномъ домѣ. Берите, завтра вернете. Спокойной ночи».

Я пошелъ домой, и по дорогѣ мнѣ явилась чудесная мысль. Мнѣ представился лощеный фильмовый хищникъ, читающій тайный договоръ или письмо, найденное на чужомъ столѣ. Мой замыселъ, правда, былъ очень нечетокъ. Какъ то давно Смуровъ принесъ Ванѣ желтую, пятнистую, чѣмъ то похожую на лягушку, орхидею, — и вотъ, можно было выяснить, не сохранила ли Ваня завѣтные останки цвѣтка въ завѣтномъ ящикѣ. Какъ то разъ Смуровъ принесъ Ванѣ томикъ Гумилева, пѣвца мужественности, — хорошо посмотрѣть, разрѣзаны ли страницы, и не лежитъ ли книжка на ночномъ столикѣ. И была фотографія, снятая при вспышкѣ магнія, гдѣ Смуровъ вышелъ великолѣпно, — очень блѣднымъ, съ поднятой бровью, слегка въ профиль, — и рядомъ Ваня, а Мухинъ — на заднемъ планѣ. Да и вообще, мало ли что можно открыть... Рѣшивъ, что, если встрѣчу горничную, очень, кстати сказать, хорошенькую дѣвицу, — объясню, что пришелъ отдать ключи, я тихохонько отперъ дверь и на цыпочкахъ свернулъ въ знакомую гостиную.

Забавно застать чужую комнату врасплохъ. Мебель, когда я включилъ свѣтъ, оцѣпенѣла отъ удивленія. На столѣ лежало письмо, — опустошенный конвертъ, — какъ старая ненужная мать — и листокъ, въ сидячемъ положеніи, какъ большое дитя. Но жадность, трепетъ, стреми-

тельное движеніе руки, — все это оказалось не къ мѣсту. Письмо было отъ неизвѣстнаго мнѣ лица, отъ какого то дяди Паши. Ни одного намека на Смурова. И если это былъ шифръ, то все равно ключа я не зналъ... Я перепорхнулъ въ столовую. Изюмъ и орѣхи въ вазѣ, и рядомъ, на буфетѣ же распластанная, ничкомъ лежащая книга, — приключенія какой то русской дѣвицы Аріадны. Дальше, въ ваниной спальнѣ, было холодно отъ раскрытаго окна, и странно было глядѣть на кружевной уборъ постели и на туалетный алтарь, гдѣ мистически блестѣло граненое стекло. Орхидеи нигдѣ не оказалось, но зато къ столбику лампы была прислонена фотографія. Ее снялъ Романъ Богдановичъ при вспышкѣ магнія: Ваня со свѣтлыми скрещенными ногами, за ней узкое лицо Мухина, а слѣва отъ Вани черный локоть, — все, что осталось отъ срѣзаннаго Смурова. Улика поразительная! На ваниной кружевной подушкѣ вдругъ появилась звѣздообразная мягкая впадина, — слѣдъ отъ удара моего кулака, и вотъ, я уже былъ въ столовой и, еще вздрагивая, пожиралъ изюмъ. Тутъ я вспомнилъ секретерчикъ въ гостиной и беззвучно къ нему подбѣжалъ. Но въ это мгновеніе донеслось съ парадной двери металлическое ерзаніе ключа. Я сталъ поспѣшно отступать, поворачивая за собой выключатели, и вотъ — оказался въ маленькой, шелковой комнаткѣ, смежной со столовой. Попаривъ въ темнотѣ, я натолкнулся на оттоманку и легъ плашмя, словно зашелъ и вздремнулъ.

Межъ тѣмъ изъ прихожей зазвучали голоса, — обѣихъ сестеръ и Хрущова. Неужели мое безплотное порханіе по комнатамъ продолжалось три часа? Тамъ успѣли сыграть пьесу, а тутъ человѣкъ только пробѣжался черезъ три комнаты... Неужели же цѣлый часъ я думалъ надъ письмомъ въ гостиной, цѣлый часъ надъ книгой въ столовой, цѣлый часъ надъ снимкомъ въ странной прохладѣ спальни?.. Ничего не было общаго между моимъ временемъ и чужимъ.

Хрущовъ вѣроятно сразу пошелъ спать, такъ какъ въ столовую сестры вошли однѣ. Дверь изъ моей шелковой тьмы была неплотно прикрыта: яркая щель. Я вѣрилъ, что сейчасъ узнаю о Смуровѣ все, что хочу.

«...но довольно утомительно», — сказала Ваня и тихо заохала, выражая для меня въ звукахъ зѣвоту. — «Дай мальцбиру, чаю не нужно». Легко шаркнулъ стулъ, придвигаемый къ столу.

Долгое молчаніе. Потомъ голосъ Евгеніи Евгеньевны, — такъ близко, что я съ опаской покосился на свѣтовую щель. «...Главное, пускай онъ поставитъ свои условія. Это главное. Не знаю, мнѣ эта пастила не нравится»,

Опять молчаніе. «Хорошо, я ему скажу», — сказала Ваня. Зазвенѣло что-то, упала, что-ли, ложечка, и снова — длинная пауза.

«Посмотри», — сказала Ваня и усмѣхнулась. «Что это, изъ дерева?» — спросила сестра. «Не знаю», — сказала Ваня и усмѣхнулась опять.

Погодя зѣвнула Евгенія Евгеньевна, еще уютнѣе, чѣмъ Ваня.

«Часы стали», — сказала она.

И все. Онѣ сидѣли еще довольно долго, чѣмъ то звякали, щелкали щипцы и со стукомъ ложились на скатерть, но разговоровъ больше не было. Затѣмъ опять задвигались стулья, Евгенія Евгеньевна вяло проговорила: «Ахъ, это можно такъ оставить», — и дивная щель, отъ которой я столь многаго ждалъ, внезапно погасла. Гдѣ то стукнула дверь, далекій ванинъ голосъ что-то сказалъ, уже неразборчиво, — и затѣмъ тишина, темнота. Я еще полежалъ на оттоманкѣ и вдругъ замѣтилъ, что уже разсвѣтъ, и тогда осторожно выбрался на лѣстницу, вернулся къ себѣ.

Я представлялъ себѣ довольно живо, какъ Ваня маленькими ножницами отхватывала ненужнаго ей Смурова. Но могло быть и другое: иногда отрѣзаютъ, чтобы обрамить отдѣльно. И вотъ — чтобы подтвердить эту послѣднюю догадку — совершенно неожиданно явился изъ Мюнхена дядя Паша. Онъ ѣхалъ въ Лондонъ къ брату и пробылъ въ Берлинѣ всего два дня. Племянницъ своихъ онъ очень давно не видѣлъ и былъ склоненъ вспоминать, какъ Ваня будто бы ходила подъ столомъ, и какъ онъ — за это хожденіе вѣроятно — перекидывалъ ее черезъ колѣно и шлепалъ. На первый взглядъ этотъ дядя Паша казался бодрымъ пятидесятилѣтнимъ мужчиной, но стоило только вглядѣться попристальнѣе, и онъ у васъ на глазахъ разрушался. Было ему не пятьдесятъ, а семьдесятъ, и ничего нельзя было себѣ представить ужаснѣе,

чѣмъ эта смѣсь моложавости и дряхлости. Веселенькій, говорливый трупъ въ синемъ костюмѣ, съ перхотью на плечахъ, очень бровастый, съ бритымъ подбородкомъ и съ замѣчательными кустами въ ноздряхъ, — дядя Паша былъ подвиженъ, шуменъ и любознателенъ. Въ первое свое появленіе онъ громкимъ шопотомъ разспрашивалъ Евгенію Евгеньевну про каждаго гостя и не стѣсняясь тыкалъ то туда, то сюда указательнымъ пальцемъ съ блѣдно-лиловымъ, чудовищно длиннымъ ногтемъ. А на слѣдующій день произошло одно изъ тѣхъ совпаденій, которыя почему то такъ часты, ибо есть какой то безвкусный, озорной рокъ вродѣ вайнштоковскаго Абума, который васъ заставляетъ въ первый день пріѣзда домой встрѣтить человѣка, бывшаго вашимъ случайнымъ спутникомъ въ вагонѣ. Чувствуя уже нѣсколько дней странное неудобство въ простреленной груди, словно сквознякъ, я отправился къ русскому доктору, и въ пріемной сидѣлъ, конечно, дядя Паша. Пока я раздумывалъ, подойти ли къ нему или нѣтъ (полагая, что со вчерашняго вечера онъ успѣлъ забыть и лицо мое, и фамилью), этотъ дряхлый болтунъ, боявшійся утаить крупицу зерна изъ закромовъ опыта, разговорился съ незнакомой ему пожилой дамой, падкой очевидно до всякой чужой души. Сначала я за разговоромъ не слѣдилъ, но вдругъ имя Смурова заставило меня встрепенуться. То, что я узналъ изъ торжественныхъ и пошлыхъ словъ дяди Паши, было такъ важно, что, когда онъ наконецъ исчезъ за док-

торской дверью, я сразу ушелъ, не дожидаясь очереди, и притомъ совершенно безсознательно — словно я къ доктору пришелъ только для того, чтобы послушать дядю Пашу: окончилось представленіе, и я ушелъ. «Вообразите, — разсказывалъ дядя Паша. — Изъ малютки вышла настоящая роза. Я старый воробей и сразу смекнулъ: есть кавалеръ. Вотъ Женечка мнѣ и говоритъ: это большой, дядя Паша, секретъ, не нужно разглашать, но она давно влюблена въ этого самаго Смурова. Ну, мое дѣло, конечно, сторона. Смуровъ, такъ Смуровъ. Но смѣшно подумать: я бывало эту дѣвчонку разъ-разъ! по голенькимъ ягодицамъ, а теперь — глядь и невѣста. Прямо молится на него. Ну, что жъ, мы съ вами, сударыня, пожили, — пускай и другіе...»

Итакъ — свершилось. Смуровъ любимъ. Очевидно Ваня, близорукая, но чуткая Ваня, разглядѣла что-то необычное въ Смуровѣ, поняла что-то въ немъ, его тихость ее не обманула. Вечеромъ того же дня Смуровъ былъ особенно тихъ и скроменъ. Но теперь, когда наблюдателю было ясно, какое счастье надъ Смуровымъ стряслось,— именно стряслось, — ибо есть такое счастье, которое по силѣ своей, по ураганному гулу, похоже на катастрофу, — теперь можно было разглядѣть нѣкій трепетъ въ его тихости, нѣкій румянецъ радости сквозь его загадочную блѣдность. И Боже мой, какъ онъ смотрѣлъ на Ваню! Она опускала рѣсницы, ноздри у нея вздрагивали, она даже покусывала губы, скрывая отъ

всѣхъ свои прелестныя чувства. Въ этотъ вечеръ, казалось, что-то должно разрѣшиться.

Бѣднаго Мухина не было. Хрущовъ тоже отсутствовалъ. Зато Романъ Богдановичъ (набиравшій матерьялъ для дневника, который онъ еженедѣльно, со стародѣвичьей аккуратностью, посылалъ въ видѣ писемъ пріятелю въ Ревель), былъ въ тотъ вечеръ звученъ и навязчивъ. Сестры, какъ всегда, сидѣли на диванѣ. Смуровъ стоялъ, облокотившись о рояль, и смотрѣлъ, смотрѣлъ на гладкій ванинъ проборъ, на смуглорозовыя щеки... Евгенія Евгеньевна нѣсколько разъ вскакивала и высовывалась въ окно: долженъ былъ придти попрощаться дядя Паша, и она хотѣла непремѣнно поднять его на лифтѣ. «Я его обожаю, — смѣясь говорила она. — Онъ ужасный чудакъ. Вотъ вы увидите, онъ ни за что не позволитъ, чтобы его поѣхали провожать». «Вы играете?» — любезно спросилъ Смурова Романъ Богдановичъ, многозначительно косясь на рояль. «Игралъ когда то», — спокойно отвѣтилъ Смуровъ, поднялъ крышку, мечтательно посмотрѣлъ на оскалъ клавіатуры и опустилъ крышку опять. «Я люблю музыку, — конфиденціально сообщилъ Романъ Богдановичъ. — Помнится, когда я былъ студентомъ — — » «Музыка, — сказалъ Смуровъ, повысивъ голосъ, — иногда выражаетъ то, что въ словахъ невыразимо. Въ этомъ смыслъ и тайна музыки». «Вотъ онъ», — крикнула Евгенія Евгеньевна и выбѣжала изъ комнаты.

«А вы, Варвара Евгеньевна? — грубымъ и тучнымъ своимъ голосомъ спросилъ Романъ Богдановичъ. — Вы — перстами легкими, какъ сонъ — а? Ну, что-нибудь... Какую-нибудь ритурнеллу». Ваня замотала головой и какъ бы нахмурилась, но тотчасъ прыснула со смѣху и склонила лицо. Она смѣялась, вѣрно, надъ тѣмъ, что вотъ — какой-то чурбанъ предлагаетъ ей сѣсть за рояль, когда и такъ вся ея дупа гремитъ и переливается. Въ эту минуту можно было видѣть на лицѣ у Смурова совершенно неистовое желаніе, чтобы лифтъ съ Евгеніей Евгеньевной и дядей Пашей навѣки застрялъ, чтобы Романъ Богдановичъ провалился прямо въ пасть къ синему персидскому льву, вытканному на коврѣ, и главное, чтобы исчезъ я, — этотъ холодный, настойчивый, неутомимый наблюдатель.

Но уже въ прихожей сморкался и посмѣивался дядя Паша; вотъ онъ вошелъ и остановился на порогѣ, глупо улыбаясь и потирая руки. «Жсничка, — сказалъ онъ, — а я вѣдь здѣсь, кажется, никого не знаю. Познакомь, познакомь». «Ахъ ты, Господи, — сказала Евгенія Евгеньевна, — да вѣдь это ваша племянница». «Какъ же, какъ же», — сказалъ дядя Паша и добавилъ что-то возмутительное о бархатныхъ щечкахъ. «Остальныхъ онъ вѣроятно тоже не узнаетъ», — вздохнула Евгенія Евгеньевна и громко стала насъ представлять. «Смуровъ! — воскликнулъ дядя Паша, и брови его защетинились. — Ну, Смурова то я уже хорошо знаю. Счастливецъ,

счастливецъ, — лукаво продолжалъ онъ, ощупывая Смурову руки и плечи, — какъ не знать... Мы знаемъ все... Одно скажу: береги ее! Это даръ небесъ. Будьте счастливы, мои дѣти...»

Онъ повернулся къ Ванѣ, но та, прижавъ скомканный платочекъ ко рту, выбѣжала изъ комнаты. Евгенія Евгеньевна, издавъ странный звукъ, поспѣшно послѣдовала за ней. Дядя Папа однако не замѣтилъ, какъ неосторожной своей выходкой, непереносимой для нѣжной души, довелъ Ваню до слезъ. Романъ Богдановичъ вытаращилъ глаза и съ большимъ любопытствомъ разглядывалъ Смурова, который — какія бы чувства онъ ни испытывалъ — держался прекрасно.

«Любовь — большая вещь», — сказалъ дядя Папа, и Смуровъ вѣжливо улыбнулся. «Эта дѣвушка кладъ. Вы вѣдь молодой инженеръ, неправда ли? Работа клеится?» Смуровъ, не вдаваясь въ подробности, сказалъ, что зарабатываетъ хорошо. Романъ Богдановичъ вдругъ хлопнулъ себя по колѣнкамъ и побагровѣлъ. «Я вотъ поговорю о васъ въ Лондонѣ, — сказалъ дядя Паша. — У меня много связей. Да, я ѣду, я ѣду. И даже сейчасъ».

И необыкновенный этотъ старикъ, посмотрѣвъ на часы, протянулъ намъ руки, и Смуровъ, отъ избытка счастья, неожиданно съ нимъ обнялся.

«Ну и дѣла... Вотъ чудной!» — сказалъ Романъ Богдановичъ, когда дверь за дядей Пашей захлопнулась.

Въ гостиную вернулась Евгенія Евгеньевна. «Гдѣ онъ?» — спросила она съ недоумѣніемъ и, узнавъ, что онъ скрылся, забезпокоилась о томъ, что дверь внизу заперта. Она побѣжала на лѣстницу, но дядя Паша исчезъ, — и было что-то магическое въ его исчезновеніи.

Евгенія Евгеньевна быстро подошла къ Смурову. «Пожалуйста, простите моего дядю, — заговорила она. — Я имѣла глупость разсказать ему про Ваню и Мухина. Онъ очевидно перепуталъ фамиліи. Я сперва совершенно не думала, что онъ такой гага...»

«А я слушалъ и думалъ, что съ ума схожу», — вставилъ Романъ Богдановичъ, разводя руками.

«Ну, перестаньте, Смуровъ, перестаньте, — продолжала Евгенія Евгеньевна. — Что съ вами? Не надо такъ принимать это къ сердцу. Вѣдь тутъ ничего нѣтъ обиднаго для васъ».

«Я ничего, я просто не зналъ», — хрипло сказалъ Смуровъ.

«Ну какъ — не знали! Всѣ знаютъ... Это уже сколько времени длится. Да-да, они обожаютъ другъ друга. Почти уже два года. Слушайте, что я вамъ разскажу про дядю Пашу: однажды — еще когда онъ былъ сравнительно молодъ — нѣтъ, вы не отворачивайтесь, это очень интересно, — когда онъ былъ сравнительно молодъ — шелъ онъ какъ то по Невскому — —».

Далѣе слѣдуетъ короткая пора, когда я пересталъ наблюдать за Смуровымъ, отяжелѣлъ, одѣлся прежнею плотью, — словно дѣйствительно вся эта жизнь вокругъ меня была не игрой моего воображенія, а самъ я въ ней участвовалъ тѣломъ и душой. Если ты не любимъ, но не знаешь въ точности, любимъ ли возможный соперникъ, — а если ихъ нѣсколько, не знаешь, который изъ нихъ счастливѣе тебя; — если находишься въ томъ исполненномъ надеждъ невѣдѣніи, когда расточаешь на догадки невыносимое иначе волненіе, — тогда все хорошо, можно жить. Но бѣда, когда имя наконецъ названо, и это имя не твое. Вѣдь она была очаровательна до слезъ, во мнѣ поднималась со стономъ ужасная соленая ночь при всякой мысли о ней. Ея бархатное лицо, близорукіе глаза, нѣжныя губы, которыя на морозѣ сохли и припухали, и какъ бы линяли по краямъ, расплываясь лихорадочной розоватостью, требовавшей прохлады кольдъ-крема, ея яркія платья и крупныя колѣни, которыя нестерпимо тѣсно сдвигались, когда она, играя съ нами въ дурачки, наклоняла черную шелковую голову надъ картами, и руки ея, грубоватыя и холодныя, которыя особенно сильно хотѣлось трогать и цѣловать, — да, все въ ней было мучительно и какъ то непоправимо... И только во снѣ, обливаясь слезами, я ее наконецъ обнималъ и чувствовалъ подъ губами ея шею и впадину у плеча, — но она всегда выры-

валась, и я просыпался, еще всхлипывая. Что мнѣ было до того, глупа ли она, или умна, — и какое у нея было дѣтство, и какія она читала книги, и что она думаетъ о мірѣ, — я ничего толкомъ не зналъ, ослѣпленный той жгучей прелестью, которая все замѣняетъ и все оправдываетъ, и которую, въ отличіе отъ души человѣка, часто доступной нашему обладанію, никакъ нельзя себѣ присвоить, какъ нельзя къ имуществу своему пріобщить яркость облаковъ въ вѣтреный вечеръ, или запахъ цвѣтка, который тянешь, тянешь до одури напряженными ноздрями, и никогда не можешь до конца вытянуть изъ вѣнчика. Какъ то, на Рождествѣ, передъ баломъ, на который они всѣ шли безъ меня, я увидѣлъ между двухъ дверей въ зеркальномъ просвѣтѣ, какъ сестра пудритъ ей обнаженныя лопатки, а въ другой разъ я замѣтилъ у нихъ въ ванной комнатѣ особую такую дамскую сѣточку для поддержки груди, и это были для меня изнурительныя событія, которыя страшно и сладко вліяли на мои сны. Но долженъ признаться: ни разу во снѣ я не пошелъ дальше безнадежнаго поцѣлуя (я самъ не понимаю, почему я такъ всегда плакалъ, когда мы встрѣчались во снѣ). То, что мнѣ нужно было отъ Вани, я все равно никогда бы не могъ взять себѣ въ вѣчное свое пользованіе и обладаніе, какъ нельзя обладать окраской облака или запахомъ цвѣтка. И только, когда я наконецъ понялъ, что все равно мое желаніе неутолимо, и что Ваня всецѣло создана мной, я успокоился, привыкнувъ къ своему

волненію и отыскавъ въ немъ всю ту сладость, которую вообще можетъ человѣкъ взять отъ любви.

Постепенно я началъ снова заниматься Смуровымъ. Между прочимъ оказалось, что, несмотря на свое неравнодушіе къ Ванѣ, Смуровъ подъ шумокъ облюбовалъ горничную Хрущовыхъ, — восемнадцатилѣтнюю дѣвицу, очень привлекательную соннымъ выраженіемъ глазъ. Сама то она вовсе не была сонной: смѣшно подумать до какихъ развратныхъ и игривыхъ ухищреній доходила эта скромная дѣвица — Гретхенъ или Гильда, не помню, — когда дверь была заперта на ключъ, и почти голая лампочка на висячемъ шнурѣ озаряла фотографію молодца въ тирольской шляпѣ и яблоко съ барскаго стола. Объ этомъ Смуровъ подробно и не безъ нѣкоторой гордости разсказывалъ Вайнштоку, который, ненавидя игривыя исторіи, краснорѣчиво испускалъ сильное «фу!», когда слышалъ сальность. Потому то ему особенно охотно такія вещи и разсказывали.

Смуровъ проникалъ къ ней чернымъ ходомъ, оставался у нея долго, — и повидимому Евгенія Евгеньевна однажды что-то замѣтила, — поспѣшное движеніе въ глубинѣ коридора, или глухой смѣхъ за дверью, — ибо сердито поговаривала о томъ, что Гильда (или Гретхенъ) завела себѣ пожарнаго. Смуровъ при этомъ самодовольно покашливалъ, — а, когда горничная, опустивъ прелестные, мутные глаза, проходила по комнатѣ съ подносомъ, который медленно и осто-

рожно ставила на столъ, послѣ чего сонно поправляла на вискѣ прядь и сонно удалялась, онъ потиралъ руки, словно готовясь сказать рѣчь, и невпопадъ улыбался. Разсказы о томъ, какое это удовольствіе смотрѣть, какъ прислуживаетъ горничная, съ которой такъ недавно, мягко топая босыми ногами, танцовалъ въ узкой ея комнаткѣ подъ отдаленный звукъ граммофона, доносившійся съ господской половины, заставляли Вайнштока морщиться и отплевываться. «Авантюристъ, — говорилъ онъ, — авантюристъ. Донъ-Жуанъ, Казанова...» Про себя же онъ несомнѣнно называлъ Смурова темной личностью и ждалъ отъ легкаго столика, въ которомъ ерзалъ духъ Азефа, новыхъ важныхъ откровеній. Но этотъ образъ Смурова уже мало меня интересовалъ, онъ былъ обреченъ на медленное остываніе, по отсутствію уликъ, любезныхъ сердцу Вайнштока. Загадочность, конечно, оставалась, и можно себѣ представить, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, въ другомъ городѣ, Вайнштокъ будетъ вскользь упоминать о странномъ человѣкѣ, который нѣкогда служилъ у него въ приказчикахъ, а теперь Богъ вѣсть, куда дѣлся. «Да, странная фигура, — задумчиво будетъ говорить Вайнштокъ. — Это былъ человѣкъ, сотканный изъ недомолвокъ и скрывающій какую то тайну. Онъ могъ обезчестить дѣвушку... Кѣмъ онъ былъ посланъ и за кѣмъ слѣдилъ — трудно сказать. Но изъ одного вѣрнаго источника... Впрочемъ я ничего не хочу говорить».

Гораздо занимательнѣе былъ образъ Смурова въ представленіи Гретхенъ (или Гильды). Какъ то въ январѣ исчезли изъ ванинаго шкапа новые шелковые чулки, и тотчасъ всѣ вспомнили множество мелкихъ пропажъ, — марку сдачи, оставленную на столѣ и, какъ шашку, фукнутую; стеклянную пудреницу, «бѣжавшую изъ несессера», какъ сострилъ Хрущовъ; шелковый платокъ, очень почему то любимый, — «и куда ты могла его сунуть?»... А однажды Смуровъ явился въ синемъ галстукѣ, ярко-синемъ съ павлиньимъ переливомъ, — и Хрущовъ заморгалъ и сказалъ, что у него былъ точь-въ-точь такой же галстукъ, на что Смуровъ нелѣпо смутился и больше никогда этого галстука не носилъ. Но, конечно, никому не пришло въ голову, что эта дура, укравъ галстукъ (она кстати говорила, что «галстукъ лучшее украшеніе мужчины»), подарила его — по машинальной привычкѣ — очередному своему другу, о чемъ съ горечью Смуровъ повѣствовалъ Вайнштоку. И не на этомъ она попалась, — а попалась, когда Евгенія Евгеньевна, въ ея отсутствіе зайдя къ ней въ комнату, нашла у нея въ комодѣ коллекцію знакомыхъ вещей, воскресшихъ изъ мертвыхъ. И вотъ Гретхенъ (или Гильда) выѣхала въ неизвѣстномъ направленіи, и Смуровъ нѣкоторое время ее разыскивалъ, но потомъ бросилъ и признался Вайнштоку, что хорошенькаго понемножку. И вечеромъ Евгенія Евгеньевна разсказывала, что узнала отъ швейцарихи необыкновенныя вещи. «Не пожарный, вовсе не

пожарный, — смѣясь говорила Евгенія Евгеньевна, — а иностранный поэтъ, какъ это прелестно... У иностранца-поэта была несчастная любовь и родовое помѣстье величиной съ Германію, но ему было запрещено вернуться восвояси, какъ это прелестно... Жалко, швейцариха не спросила фамилью, навѣрное русскій, я даже подозрѣваю, что это кто-нибудь, кто бываетъ у насъ, — вотъ напримѣръ этотъ прошлогодній, ну, этотъ же, — роковой брюнетъ, какъ его ——». «Я знаю, кого ты думаешь, — вставила Ваня. — Ты думаешь, — Корфъ». «А можетъ быть кто-нибудь другой, — продолжала Евгенія Евгеньевна. — Нѣтъ, господа, это такъ прелестно! Полный души мужчина, духовный мужчина, говоритъ швейцариха. Съ ума сойти...» «Я все это непремѣнно запишу, — сказалъ сдобнымъ голосомъ Романъ Богдановичъ. — Мой ревельскій пріятель получитъ на этотъ разъ интереснѣйшее письмо». «Неужели вамъ не пріѣдается, — спросила Ваня. — Я нѣсколькс разъ начинала писать и потомъ всегда бросала, и потомъ перечитывала, и потомъ было стыдно за написанное». «Нѣтъ, почему же, — протянулъ Романъ Богдановичъ. — Если писать обстоятельно и постоянно, то дѣлается пріятное чувство, чувство самосохраненія, такъ сказать, всю свою жизнь сохраняешь, и впослѣдствіи чтеніе не лишено любопытства. Васъ я, напримѣръ. описалъ, какъ дай Богъ описать кадровому писателю. Тутъ черточку, тамъ черточку, — и получилась полная картина...» «Ахъ, покажи-

те», — сказала Ваня. «Не могу», — съ улыбкой отвѣтилъ Романъ Богдановичъ. «Ну покажите Женичкѣ», — сказала Ваня. «Не могу, — хотѣлъ бы, да не могу. Мой ревельскій пріятель складываетъ у себя рукописи по мѣрѣ ихъ полученія, и копій я нарочно не оставляю, чтобы не было соблазна постфактумъ подправлять, вычеркивать и такъ далѣе. И когда-нибудь, когда Романъ Богдановичъ будетъ очень старъ, сядетъ Романъ Богдановичъ за столъ и начнетъ перечитывать свою жизнь. Вотъ для кого я пишу, — для будущаго старика съ рождественской бородой... И, если я тогда найду, что жизнь была богатая, цѣнная, то оставлю эти мемуары потомкамъ въ назиданіе». «А если все ерунда?» — спросила Ваня. «Кому ерунда, кому нѣтъ», — довольно кисло отвѣтилъ Романъ Богдановичъ.

Меня уже давно занимала и нѣсколько тревожила мысль объ этомъ эпистолярномъ дневникѣ. Постепенно желаніе прочесть хоть одинъ отрывокъ стало страстнымъ терзаніемъ, ежеминутной моей заботой. Я не сомнѣвался, что въ этихъ записяхъ изображенъ Смуровъ. Я зналъ, что очень часто пустой дневникъ о бесѣдахъ, о прогулкахъ, о попугаяхъ сосѣда и о томъ, что было къ завтраку въ тотъ пасмурный день, когда, скажемъ, казнили короля, — я зналъ, что такія пустыя записи часто живутъ сотни лѣтъ, и что читаешь ихъ съ удовольствіемъ, — ради привкуса старины, ради названія блюда, ради фестивальнаго простора тамъ, гдѣ нынѣ тѣсно отъ большихъ домовъ. Да и кромѣ того нерѣдко слу-

чается, что самъ авторъ, при жизни своей незамѣченный, оказывается черезъ двѣсти лѣтъ прекраснымъ писателемъ, умѣющимъ старомодно легкимъ прикосновеніемъ пера увѣковѣчить какой-нибудь воздушный пейзажъ, дремоту въ дилижансѣ, причуды знакомаго... Отъ одной мысли, что образъ Смурова можетъ быть такъ прочно, такъ надолго запечатлѣнъ, меня прохватывалъ ознобъ, я шалѣлъ отъ желанія, надо было мнѣ во что бы то ни стало просунуться призракомъ между Романомъ Богдановичемъ и его ревельскимъ другомъ. Богатый нѣкоторымъ опытомъ, я вполнѣ былъ готовъ къ тому, что образъ Смурова, предназначенный быть можетъ жить безсмертно, на радость книгочимъ, окажется для меня сюрпризомъ, но самое желаніе обладать этой тайной, увидѣть Смурова въ будущихъ вѣкахъ, такъ меня ослѣпляло, что никакое разочарованіе не было страшно, и я только боялся одного, — длительной и кропотливой перлюстраціи, ибо трудно было предположить, что въ первомъ же письмѣ, которое я перехвачу, Романъ Богдановичъ сразу начнетъ краснорѣчиво разсказывать (какъ тотъ голосъ, который въ полномъ расцвѣтѣ силъ врывается въ слухъ, когда на минуту включишь радіо) именно о Смуровѣ.

Я помню темную улицу и бурную мартовскую ночь. Облака, принимая различныя позы, какъ пьяные на розвальняхъ, мчались по небу, а я, сгорбившись, придерживая котелокъ, который, казалось, взорвется, какъ бомба, если отпущу его край, стоялъ у дома, гдѣ жилъ Романъ Бог-

дановичъ, и единственными свидѣтелями моего ожиданія были фонарь, какъ будто мигавшій отъ вѣтра, да листъ оберточной бумаги, который то бѣжалъ по панели, то пытался съ постылой рѣзвостью обернуться вокругъ моихъ ногъ, какъ я его ни отпихивалъ. Никогда прежде я такого вѣтра не испытывалъ, никогда не видалъ такого стремительнаго и простоволосаго неба. И это мнѣ мѣшало. Я пришелъ, чтобы подсмотрѣть таинство, — Романа Богдановича, въ полночь съ пятницы на субботу опускающаго письмо въ почтовый ящикъ, — мнѣ непремѣнно нужно было это увидѣть воочію, прежде чѣмъ приступить къ разработкѣ смутнаго плана, который я задумалъ. Я надѣялся, что, какъ только увижу Романа Богдановича, борющагося съ вѣтромъ за обладаніе почтовымъ ящикомъ, мой безплотный планъ сразу станетъ живымъ и отчетливымъ (онъ состоялъ въ томъ, чтобы смастерить мѣшокъ съ широкимъ отверстіемъ, который я предварительно сунулъ бы въ почтовый ящикъ, такъ его закрѣпивъ, чтобы письмо, опущенное въ щель, попало бы въ мой неводъ). Но теперь мнѣ казалось, что вѣтеръ, то гудѣвшій подъ котелкомъ, то раздувавшій мнѣ штаны, или заворачивавшій ихъ такъ, что мои ноги становились похожи на ноги скелета, — мнѣ казалось, что этотъ вѣтеръ мѣшаетъ мнѣ, мѣшаетъ сосредоточить мысль на картинѣ похищенія. Близилась полночь, я зналъ, что Романъ Богдановичъ пунктуаленъ. Я смотрѣлъ на домъ и старался угадать, за которымъ изъ трехъ-четырехъ освѣщен-

ныхъ оконъ сейчасъ сидитъ человѣкъ, склонившись надъ ярко-бѣлымъ листомъ, и создаетъ, быть можетъ безсмертный, образъ Смурова. Затѣмъ я переводилъ взглядъ на темный кубъ, придѣланный къ чугунной рѣшеткѣ, на темный этотъ ящикъ, куда черезъ минуту канетъ, какъ въ вѣчность, немыслимое письмо. Стоялъ я въ сторонкѣ, сумракъ лихорадочно меня скрывалъ. Я увидѣлъ вдругъ, какъ зажглась желтымъ свѣтомъ парадная дверь, и отъ волненія разжалъ пальцы, державшіе край котелка. Въ слѣдующій мигъ я кружился на мѣстѣ, поднявъ руки, словно сорванная съ меня шляпа еще летала вокругъ моей головы. Но раздался легкій стукъ, — котелокъ колесомъ побѣжалъ по панели, и я кинулся за нимъ, стараясь на него хотя бы наступить, лишь бы какъ-нибудь его удержать. На бѣгу я столкнулся съ Романомъ Богдановичемъ, онъ поднималъ мою шляпу, а въ другой рукѣ держалъ запечатанный конвертъ, показавшійся мнѣ бѣлымъ и огромнымъ. Кажется, его озадачило мое появленіе на его улицѣ въ этотъ поздній часъ. На мгновеніе насъ бурно окружилъ вѣтеръ, я заоралъ привѣтствіе, стараясь перекричать шумъ этой бѣшеной ночи, и затѣмъ двумя пальцами, легкимъ и точнымъ движеніемъ выхватилъ у Романа Богдановича письмо. «Я опущу, опущу, опущу, — закричалъ я. — Мнѣ по дорогѣ, по дорогѣ...» Я успѣлъ замѣтить на его лицѣ выраженіе тревоги и неувѣренности, но сразу бросился прочь, отбѣжалъ на двадцать шаговъ къ ящику, и, дѣлая видъ, что что-то въ

него сую, быстро втиснулъ письмо въ грудной карманъ. Тутъ онъ меня нагналъ. Я замѣтилъ его клѣтчатыя ночныя туфли. «Какія манеры, — сказалъ онъ недовольно. — Можетъ быть, я вовсе не собирался... да берите же вашу шляпу... Ну, и вѣтрище...» «Я спѣшу, — сказалъ я, задыхаясь отъ быстроты ночи. — Всего лучшаго, всего лучшаго». Моя тѣнь, попавъ въ свѣтъ фонаря, вытянулась и меня перегнала, но сразу опять потерялась въ темнотѣ, и, какъ только я покинулъ эту улицу, вѣтеръ прекратился, — было поразительно тихо, и среди этой тишины ярко освѣщенный трамвай со стономъ бралъ поворотъ.

Я вскочилъ въ первый попавшійся номеръ, прельстясь трамвайнымъ праздничнымъ свѣтомъ, мнѣ нуженъ былъ свѣтъ непремѣнно, сейчасъ-же... Найдя уютный уголокъ у передней двери, я съ неистовой поспѣшностью вскрылъ конвертъ. Тутъ кто-то ко мнѣ подошелъ, и я, вздрогнувъ, скомкалъ письмо. Это былъ только кондукторъ. Я дѣланно зѣвнулъ, спокойно сталъ платить, но все время прикрывалъ письмо, опасаясь возможныхъ показаній на судѣ, ибо ничего нѣтъ вреднѣе этихъ незамѣтныхъ свидѣтелей, — кондукторовъ, шоферовъ, швейцаровъ. Онъ удалился, я развернулъ письмо. Оно было длинное, страничекъ десять, исписанныхъ круглымъ почеркомъ, безъ единой помарки. Начало было мало интересно. Я перевернулъ нѣсколько листковъ, и вдругъ, какъ знакомое лицо среди туманной тол-

пы, выскочило имя Смурова, это было поразительно удачно...

«Я предполагаю, мой милый Федоръ Робертовичъ, ненадолго вернуться къ этому субъекту. Боюсь, что будетъ скучно, но, какъ сказалъ Веймарскій Лебедь, — я имѣю въ виду великаго Гете — (тутъ слѣдовала нѣмецкая фраза, написанная готическимъ шрифтомъ). Поэтому позвольте мнѣ остановиться на господинѣ Смуровѣ и попотчевать Васъ небольшимъ психологическимъ этюдомъ...»

Я прикрылъ письмо ладонью. Въ послѣдній разъ мнѣ представлялась возможность отказаться отъ проникновенія въ тайну смуровскаго безсмертія. Что мнѣ до того, если даже и впрямь вотъ это письмо перевалитъ въ будущій вѣкъ, въ этотъ невообразимый вѣкъ, одно начертаніе котораго, — двойка и три нуля, — фантастично до нелѣпости? Что мнѣ до того, какимъ портретомъ давно умершій авторъ попотчуетъ, по гнусному его выраженію, невѣдомыхъ потомковъ? И вообще — не пора ли бросить эту затѣю, не пора ли прервать охоту, соглядатайство, безумную попытку изловить Смурова? Но увы, это были риторическія мысли, — я превосходно зналъ, что никакая сила не можетъ меня заставить отложить письмо...

«Мнѣ сдается, милѣйшій другъ, что я уже писалъ о томъ, что господинъ Смуровъ принадлежитъ къ той любопытной кастѣ людей, которую я какъ то назвалъ «сексуальными лѣвшами». Весь обликъ господина Смурова, его хруп-

кость, декадентство, жеманство жестовъ, любовь къ пудрѣ, а въ особенности тѣ быстрые, страстные взгляды, которые онъ постоянно кидаетъ на Вашего покорнаго слугу, все это давно утвердило меня въ моей догадкѣ. Замѣчательно, что такіе, несчастные въ половомъ смыслѣ, субъекты, часто выбираютъ себѣ предметъ воздыханій — правда, вполнѣ платоническій — среди знакомыхъ, мало знакомыхъ или вовсе незнакомыхъ имъ дамъ. Такъ и господинъ Смуровъ, несмотря на свою извращенность, выбралъ себѣ въ идеалы Варвару: эта смазливая, но достаточно глупая дѣвчонка обручена съ инженеромъ Мухинымъ, такъ что Смуровъ вполнѣ гарантированъ, что его не привлекутъ къ отвѣтственности, — то, бишь, къ вѣнцу, — и не заставятъ исполнить то, что онъ никогда бы ни съ какой женщиной, будь она самой Клеопатрой, не могъ, да и не желалъ бы исполнить. Кромѣ того, «сексуальный лѣвша» — признаюсь, я нахожу это выраженіе исключительно удачнымъ, — часто питаетъ склонность къ нарушенію закона, закона человѣческаго, каковое нарушеніе ему тѣмъ болѣе легко совершить, что нарушеніе законовъ природы уже налицо. И опять же господинъ Смуровъ не является исключеніемъ. Представьте себѣ, что Филиппъ Иннокентьевичъ Хрущовъ на-дняхъ мнѣ конфиденціально повѣдалъ, что Смуровъ — воръ, воръ, въ самомъ вульгарномъ смыслѣ этого слова. Мой собесѣдникъ, оказывается, далъ въ руки господину Смурову серебряную табакерку съ кабаллистическими знаками — очень старин-

ную вещь — и просилъ его показать ее знатоку. Смуровъ взялъ эту красивую и античную вещь, а на слѣдующій день со всѣми признаками растерянности объявилъ Хрущову, что вещь онъ, молъ, потерялъ. Выслушавъ Хрущова, я разъяснилъ ему, что иногда склонность къ кражѣ явленіе чисто патологическое и даже имѣетъ научное названіе: клептоманія. Хрущовъ, какъ многіе милые, но недалекіе люди, сталъ наивно отрицать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ преступникомъ, а съ душевно-больнымъ. Я не сталъ приводить тѣ доводы, которые бы конечно убѣдили его. Для меня все ясно, какъ день. Вмѣсто того, чтобы клеймить Смурова унизительной кличкой вора, я искренно его жалѣю, какъ это ни кажется парадоксально.

Погода измѣнилась къ худшему или вѣрнѣе сказать къ лучшему, — ибо не суть ли эти слякоть и вѣтеръ предзнаменованія весны, милой маленькой весны, которая даже въ сердцѣ пожилого человѣка будитъ неясныя желанія? Мнѣ приходитъ въ голову афоризмъ, который несомнѣнно — —»

Я просмотрѣлъ письмо до конца. Больше ничего не было для меня интереснаго. Легко кашлянувъ, недрожащими руками, я аккуратно сложилъ странички.

«Конечная остановка, сударь», — сказалъ надо мною суровый голосъ.

Ночь, дождь, городская окраина...

Смуровъ, въ замѣчательной черной дохѣ съ дамскимъ воротомъ, сидитъ на ступеняхъ лѣстницы. Вдругъ къ нему спускается Хрущовъ, тоже въ дохѣ, и садится съ нимъ рядомъ. Смурову очень трудно начать, но времени мало, надо рѣшиться. Онъ высвобождаетъ тонкую бѣлую руку съ переливающимися перстнями — все рубины, рубины — изъ мѣхового рукава и, пригладивъ проборъ, говоритъ: «Я хочу кое-что вамъ напомнить, Филиппъ Иннокентьевичъ. Пожалуйста, слушайте внимательно». Хрущовъ киваетъ, сморкается, — у него сильный насморкъ отъ постояннаго сидѣнія на лѣстницѣ, — киваетъ опять, шевеля опухшимъ носомъ. Смуровъ продолжаетъ: «Я буду говорить о небольшомъ инцидентѣ, происшедшемъ недавно. Пожалуйста, слушайте внимательно». «Я къ вашимъ услугамъ», — отвѣчаетъ Хрущовъ. «Мнѣ трудно начать, — говоритъ Смуровъ. — Я могу выдать себя неосторожнымъ словомъ. Слушайте внимательно. Слушайте меня, пожалуйста. Мнѣ важно, чтобы вы поняли, что я возвращаюсь къ этому инциденту безъ всякой задней мысли. Мнѣ и въ голову не можетъ придти, что вы считаете меня воромъ. Согласитесь сами, что знать это я не могу, вѣдь я чужихъ писемъ не читаю. Я хочу, чтобы вы поняли, что нашъ разговоръ совершенно случаенъ... Вы слушаете?» «Продолжайте», — говоритъ Хрущовъ, кутаясь въ доху. «Итакъ, Филиппъ Иннокентьевичъ, да-

вайте вспомнимъ. Вспомнимъ, какъ вы мнѣ дали табакерку. Вы меня просили ее показать Вайнштоку. Слушайте внимательно, Филиппъ Иннокентьевичъ. Уходя отъ васъ, я держалъ ее въ рукахъ. Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста не читайте азбуки, я могу говорить и безъ азбуки... И вотъ — я клянусь, клянусь Ваней, клянусь всѣми женщинами, которыхъ любилъ, клянусь, что каждое слово того, чье имя я произнести не могу, — иначе вы подумаете, что я читаю чужія письма, а потому способенъ и на воровство, — клянусь, что каждое его слово ложь, — я дѣйствительно ее потерялъ. Я припелъ къ себѣ, и ея не было, я не виноватъ, я только очень разсѣянъ, и я такъ люблю ее». Но Хрущовъ не вѣритъ, онъ качаетъ головой, и напрасно Смуровъ клянется, напрасно заламываетъ бѣлыя, сверкающія руки, — все равно, нѣтъ такихъ словъ, чтобы убѣдить Хрущова. (И тутъ мой сонъ растратилъ свой небольшой запасъ логики: лѣстница, на которой происходилъ разговоръ, уже высилась сама по себѣ, среди открытой мѣстности, и внизу были сады террасами, туманный дымъ цвѣтущихъ деревьевъ, и террасы уходили въ даль, и тамъ былъ, кажется, портикъ, въ которомъ горѣло сквозной синевой море). «Да-да, — съ угрозой въ голосѣ тяжело говоритъ Хрущовъ, — въ табакеркѣ кое-что было, и потому она незамѣнима. Въ ней была Ваня, — да, да, это иногда бываетъ съ дѣвушками, — очень рѣдкое явленіе, — но это бываетъ, это бываетъ...»

Я проснулся. Было раннее утро. Стекла дрожали отъ проѣзжавшаго грузовика. Окно давно не бывало покрыто поволокой лиловаго румянца, — ибо приближалась весна. И задумался я надъ тѣмъ, какъ много произошло за это время, — и сколько новыхъ людей я узналъ, и какъ увлекателенъ, какъ безнадеженъ сыскъ, мое стремленіе найти настоящаго Смурова... Что скрывать: всѣ тѣ люди, которыхъ я встрѣтилъ, — не живыя существа, а только случайныя зеркала для Смурова, но одно существо среди нихъ — самое важное для меня, самое ясное зеркало — все еще отказывалось выдать мнѣ смуровское отраженіе. Легко и совершенно безобидно, созданные лишь для моего развлеченія, движутся передо мной изъ свѣта въ тѣнь жители и гости пятаго дома по Павлиньей улицѣ. Опять Мухинъ, приподнявшись съ дивана, тянется черезъ столъ къ пепельницѣ, но ни его лица, ни руки его съ папиросой я не вижу, а вижу только другую руку его, которой онъ — уже, уже безсознательно! — опирается на мгновеніе о ванино колѣно. Опять лицо Романа Богдановича, бородатое, съ двумя красными яблоками вмѣсто скулъ, наливается и дуетъ надъ чаемъ, и опять Маріанна Николаевна закидываетъ ногу на ногу, худую ногу въ абрикосовомъ чулкѣ. И въ шутку, — въ Сочельникъ, кажется, — напяливъ котиковую шубу жены, Хрущовъ передъ зеркаломъ принимаетъ витринныя позы, и ходитъ по комнатѣ при общемъ смѣхѣ, который становится понемногу неестественнымъ,

оттого что балагуръ Хрущовъ всегда слишкомъ растягиваетъ шутку. И прелестная маленькая рука Евгеніи Евгеньевны, съ блестящими, словно мокрыми ногтями, беретъ лопатку для игры въ пингъ-понгъ, и целлулоидовый мячикъ съ трогательнымъ звукомъ пенькаетъ черезъ зеленую сѣтку. И въ полутьмѣ проплываетъ Вайнштокъ, сидя за спиритическимъ столикомъ, какъ за рулемъ; и опять сонно проходитъ изъ двери въ дверь и вдругъ начинаетъ шептать и поспѣшно раздѣваться горничная Гильда или Гретхенъ. По желанію моему я ускоряю или напротивъ довожу до смѣшной медлительности движеніе всѣхъ этихъ людей, группирую ихъ по разному, дѣлаю изъ нихъ разные узоры, освѣщаю ихъ то снизу, то сбоку... Такъ, все ихъ бытіе было для меня только экраномъ.

Но вотъ, въ послѣдній разъ жизнь сдѣлала попытку мнѣ доказать, что она дѣйствительно существуетъ, тяжелая и нѣжная, возбуждающая волненіе и муку, съ ослѣпительными возможностями счастья, со слезами, съ теплымъ вѣтромъ. Я поднялся къ нимъ въ полдень, и комнаты были пусты, и окна были раскрыты, и гдѣ то жаднымъ, страстнымъ жужжаніемъ исходилъ пылесосъ. И вдругъ изъ гостиной, сквозь стеклянную дверь на балконъ, я увидѣлъ склоненную ванину голову; Ваня сидѣла съ книгой на балконѣ, и — какъ ни странно — это было первый разъ, что я заставалъ ее одну. Съ тѣхъ поръ, какъ я заглушалъ свою любовь при помощи мысли, что и Ваня, какъ всѣ другіе, толь-

ко воображеніе мое, только зеркало, — я усвоилъ съ ней особый тончикъ, и теперь, здороваясь, я сказалъ безъ всякаго стѣсненія, что она «какъ принцесса, смотритъ на весну съ высокой башни». Балконъ былъ совсѣмъ маленькій, съ пустыми, зелеными ящиками для цвѣтовъ и съ разбитымъ глинянымъ горшкомъ въ углу, который я мысленно сравнилъ со своимъ сердцемъ, ибо очень часто манера говорить съ человѣкомъ отражается на манерѣ мыслить въ его присутствіи. И было тепло, хоть не очень солнечно, а такъ, что-то мутное, сырое, — разбавленное солнце и вѣтерокъ, пьяненькій, но кроткій, послѣ пребыванія въ какомъ-нибудь скверѣ, гдѣ уже видна молодая трава, зеленый бобрикъ по чернозему. Вдохнувъ этотъ воздухъ, я вспомнилъ, что черезъ недѣлю — ванина свадьба, и вотъ тутъ-то я отяжелѣлъ, опять забылъ Смурова, забылъ, что нужно безпечно говорить, и, отвернувшись, сталъ смотрѣть внизъ, на улицу. Какъ мы были высоко, — и совершенно одни. «Онъ еще не скоро придетъ, — сказала Ваня. — Въ этихъ учрежденіяхъ страшно задерживаютъ». «Ваше романтическое ожиданіе...» — началъ я, снова принуждая себя къ спасительной легкости и стараясь увѣрить себя, что этотъ весенній вѣтеръ тоже какой-то пошленькій, и что мнѣ очень весело... Я еще не взглянулъ хорошенько на Ваню, мнѣ всегда нужно было нѣкоторое время, чтобы освоиться съ ея присутствіемъ прежде, чѣмъ посмотрѣть на нее. Теперь оказалось, что она въ бѣлой вязаной кофточкѣ съ тре-

угольнымъ глубокимъ вырѣзомъ, и прическа особенно гладкая. Она продолжала смотрѣть сквозь лорнетъ въ раскрытую книжку, — и какъ мы были высоко надъ улицей, прямо въ нѣжномъ шершавомъ небѣ, и пылесосъ въ комнатахъ пересталъ жужжать. «Дядя Паша умеръ, — сказала она, поднявъ голову. — Да. Сегодня пришла телеграмма».

Какое мнѣ было дѣло до того, что окончилось существованіе этого веселаго, полоумнаго старика? Но при мысли, что вмѣстѣ съ нимъ умеръ самый счастливый, самый недолговѣчный образъ Смурова, образъ Смурова-жениха, я почувствовалъ, что уже не могу сдержать давно поднимавшееся во мнѣ волненіе. Не знаю точно, съ чего началось, были вѣроятно какія-то подготовительныя движенія, но помню, что я очутился сидящимъ на широкой плетеной ручкѣ ваннаго кресла, и уже сжималъ ей кисть, — давно снившееся, запретное прикосновеніе. Она сильно покраснѣла, и вдругъ ея глаза загорѣлись слезами, — я такъ явственно видѣлъ, какъ темное нижнее вѣко налилось блестящей влагой. Одновременно она улыбалась, — какъ будто хотѣла сразу мнѣ дать съ невиданной щедростью всѣ выраженія своей красоты. «Да, ужасно жалко его», — говорила она, но я ее перебилъ: «Такъ дальше нельзя, нельзя выдержать, — забормоталъ я, то хватая ее за кисть, сразу напрягавшуюся, то поворачивая покорный листъ книги у нея на колѣняхъ, — я долженъ вамъ сказать... Теперь все равно, я уйду и больше никогда васъ

не увижу. Я долженъ вамъ сказать. Вѣдь вы меня не знаете... Но право же, я ношу маску, я всегда подъ маской...» «Господь съ вами, — сказала Ваня. — Я очень васъ хорошо знаю, и все вижу, и все понимаю. Вы — хорошій, умный человѣкъ. Подождите, я возьму платочекъ. Вы на него сѣли. Нѣтъ, онъ упалъ. Спасибо. Пожалуйста, оставьте мою руку, не надо меня такъ трогать. Ну, пожалуйста».

И она опять улыбалась, старательно и смѣшно поднимая брови, словно приглашая меня улыбнуться тоже, но я уже былъ самъ не свой, вокругъ меня летала какая-то немыслимая надежда, я продолжалъ быстро говорить и все время двигалъ руками, плечами, такъ что скрипѣла подо мной плетеная ручка кресла, и мгновеніями ванинъ шелковый проборъ оказывался у самыхъ моихъ губъ, и тогда она осторожно отклоняла голову.

«Больше жизни, — говорилъ я поспѣшно. — Больше жизни, и уже давно — съ первой минуты. И вы первый человѣкъ, который сказалъ мнѣ, что я хорошій...»

«Пожалуйста, не надо, — просила Ваня. — Вы только себѣ дѣлаете больно, и мнѣ тоже. Я вамъ лучше разскажу, какъ Романъ Богдановичъ мнѣ объяснялся въ любви. Это было уморительно — — ».

«Не смѣйте, — крикнулъ я. — При чемъ этотъ шутъ? Я знаю, я знаю, что вы были бы счастливы со мной. И, если вамъ что-нибудь во

мнѣ не нравится, я измѣнюсь, какъ вы захотите, я измѣнюсь».

«Въ васъ мнѣ все нравится, — сказала Ваня. — Даже ваше поэтическое воображеніе. Даже то, что вы иногда преувеличиваете. А главное, ваша доброта, — вѣдь вы очень добрый, и очень любите всѣхъ, и вообще вы такой смѣшной и милый. Но все-таки, пожалуйста, перестаньте меня хватать за руку, а то я просто встану и уйду».

«Значитъ, все-таки есть надежда?» — спросилъ я.

«Никакой, — сказала Ваня. — Вы же отлично сами знаете. И онъ сейчасъ долженъ придти».

«Вы его не можете любить, — закричалъ я. — Это обманъ. Онъ недостоинъ васъ. Я бы могъ вамъ разсказать про него ужасныя вещи...»

«Ну, довольно», — сказала Ваня и хотѣла встать. Но тутъ, желая остановить ея движеніе, я невольно и неудобно ее обнялъ, и, отъ ощущенія сквозного шерстяного тепла ея кофточки, во мнѣ забурлило мучительное и мутное наслажденіе, я готовъ былъ на все, на самую отвратительную пытку, — но я долженъ былъ хоть разъ ее поцѣловать.

«Почему вы сопротивляетесь? — лепеталъ я. — Что вамъ стоитъ? Для васъ это маленькій актъ милосердія, а для меня — все». Ей удалось высвободиться и встать. Она отошла къ периламъ балкончика, покашливая и щурясь на меня, и гдѣ то въ небѣ намѣтился ровный, струнный

звукъ, заключительная нота. Мнѣ уже нечего было терять. Я ей высказалъ все до конца, я кричалъ, что Мухинъ не любитъ, не можетъ ее любить, я быстро освѣтилъ чудесную перспективу нашего возможнаго счастья вдвоемъ, и, наконецъ, почувствовавъ что сейчасъ разрыдаюсь, бросилъ съ размаху объ полъ книгу, которую почему то держалъ въ рукахъ, и, повернувшись, навсегда оставилъ Ваню на балконѣ, вмѣстѣ съ вѣтромъ, вмѣстѣ съ мутнымъ весеннимъ небомъ, вмѣстѣ съ таинственнымъ басовымъ звукомъ невидимаго аэроплана.

Въ гостиной, неподалеку отъ двери, сидѣлъ Мухинъ и курилъ. Онъ проводилъ меня глазами и спокойно сказалъ: «Какой вы, однако, негодяй». Я холодно ему кивнулъ и вышелъ.

Вернувшись внизъ къ себѣ, я взялъ шляпу и поспѣшилъ на улицу. Зайдя въ первый попавшійся цвѣточный магазинъ, я сталъ постукивать каблукомъ и громко посвистывать, такъ какъ въ магазинѣ никого не было. Прелестно и свѣжо пахло цвѣтами, что почему то усиливало мое нетерпѣніе. Въ зеркальномъ стеклѣ сбоку отъ выставки продолжалась улица, но это было продолженіе мнимое: автомобиль, проѣхавшій слѣва направо, вдругъ исчезалъ, хотя улица невозмутимо его ждала, исчезалъ и другой, ѣхавшій ему навстрѣчу, — ибо одинъ изъ нихъ былъ только отраженіемъ. Наконецъ, явилась продавщица. Я выбралъ большой букетъ ландышей: съ ихъ тугихъ колокольчиковъ капала вода, у продавщицы безымянный палецъ былъ обмотанъ

тряпочкой, вѣроятно укололась. Она ушла за прилавокъ и долго возилась, шуршала бумагой. Связанные стебли образовали что-то толстое и твердое, я никогда не думалъ, что ландыши могутъ быть такіе тяжелые. Взявшись за дверную скобку, я увидѣлъ, какъ сбоку въ зеркалѣ поспѣшило ко мнѣ мое отраженіе, молодой человѣкъ въ котелкѣ, съ букетомъ. Отраженіе сомною слилось, я вышелъ на улицу.

Торопился я чрезвычайно, сѣменилъ, сѣменилъ, въ облачкѣ ландышевой сырости, стараясь ни о чемъ не думать, стараясь вѣрить въ чудную врачующую силу той опредѣленной точки, къ которой я стремился. Это былъ единственный способъ предотвратить несчастье: жизнь, тяжелая и жаркая, полная знакомаго страданья, собиралась опять навалиться на меня,грубо опровергнуть мою призрачность. Страшно, когда явь вдругъ оказывается сномъ, но гораздо страшнѣе, когда то, что принималъ за сонъ, легкій и безотвѣтственный, начинаетъ вдругъ остывать явью. Надо было это пресѣчь, и я зналъ, какъ это сдѣлать.

Дойдя до моей цѣли, я сталъ звонить, не переводя духа, звонилъ такъ, словно утолялъ нестерпимую жажду, долго, жадно, самозабвенно звонилъ. «Будетъ, будетъ, будетъ», — забормотала она, открывая мнѣ дверь. Я переметнулся черезъ порогъ и сразу сунулъ ей въ руки купленный для нея букетъ. «Ахъ, — сказала она. —

Какъ красиво!» — и, немного оторопѣвъ, уставилась на меня своими старыми, блѣдно-голубыми глазами. «Не благодарите меня, — крикнулъ я, стремительно поднявъ руку, — но вотъ что: позвольте мнѣ взглянуть на мою бывшую комнату, умоляю васъ». «Комнату? — переспросила старушка. — Простите, она, къ сожалѣнію, не свободна. Но какъ красиво, какъ мило...» «Вы несовсѣмъ меня поняли, — сказалъ я, дрожа отъ нетерпѣнія. — Мнѣ просто хочется взглянуть. Только это. Больше ничего. Вотъ я принесъ вамъ цвѣты. Я прошу васъ. Вѣдь жилецъ вѣроятно на службѣ...»

Ловко ее миновавъ, я побѣжалъ по коридору, а она за мной. «Боже мой, комната сдана, — повторяла старушка. — Докторъ Гибель съѣзжать не собирается. Я не могу вамъ ее сдать».

Я рванулъ дверь. Расположеніе мебели было нѣсколько измѣнено; другой кувшинъ стоялъ на умывальникѣ; а за нимъ въ стѣнѣ я нашелъ тщательно замазанную дырку, — да, я ее нашелъ и сразу успокоился, глядѣлъ, прижавъ руку къ сердцу, на сокровенный знакъ моей пули: она доказывала мнѣ, что я дѣйствительно умеръ, міръ сразу пріобрѣталъ опять успокоительную незначительность, я снова былъ силенъ, ничто не могло смутить меня, я готовъ былъ вызвать взмахомъ воображенія самую страшную тѣнь изъ моей прошлой жизни.

Съ достоинствомъ поклонившись старушкѣ, я вышелъ изъ этой комнаты, гдѣ нѣкогда какой-то человѣкъ, согнувшись вдвое, отпустилъ смер-

тельную пружину. Проходя черезъ переднюю, я замѣтилъ на столѣ мой букетъ и, словно въ разсѣяніи, на ходу прихватилъ его, подумавъ, что тупая старушка мало заслужила такой дорогой подарокъ, и что можно иначе его примѣнить, послать его, напримѣръ, Ванѣ съ запиской, полной грустнаго юмора... Влажная свѣжесть цвѣтовъ была мнѣ пріятна, тонкая бумага мѣстами разопласъ, и, сжимая пальцами холодное зеленое тѣло стеблей, я вспоминалъ журчаніе, сопроводившее меня въ небытіе. Я шелъ неспѣша по самому краю панели и жмурился, представляя себѣ, что иду надъ бездной, и вдругъ меня сзади окликнулъ голосъ:

«Господинъ Смуровъ», — сказалъ онъ громко, но неувѣренно.

Я обернулся на звукъ моего имени, при чемъ одной ногой невольно сошелъ на мостовую. Кашмаринъ, матильдинъ мужъ, сдергивалъ желтую перчатку, страшно спѣша мнѣ протянуть руку. Онъ былъ безъ пресловутой трости и какъ то измѣнился, — пополнѣлъ, что-ли, — выраженіе у него было смущенное, онъ показывалъ крупные, тусклые зубы, одновременно скалясь на строптивую перчатку и улыбаясь мнѣ. Наконецъ ко мнѣ хлынула его растопыренная рука. Я почувствовалъ странную слабость и умиленіе, даже защипало въ глазахъ. «Смуровъ, — сказалъ онъ, — вы не можете представить себѣ, какъ я радъ, что васъ встрѣтилъ. Я васъ искалъ, какъ безумный, никто не зналъ вашего адреса».

Тутъ я спохватился, что слишкомъ любезно

слушаю это привидѣніе изъ моей прошлой жизни, и, рѣшивъ немного его осадить, сказалъ: «Мнѣ не о чемъ съ вами говорить. Будьте еще благодарны, что я не подалъ на васъ въ судъ». «Смуровъ, — протянулъ онъ виновато, — я вѣдь прошу у васъ прощенія за мою подлую вспыльчивость. Я не находилъ себѣ мѣста послѣ нашего... крупнаго разговора. Я ужасался. Разрѣшите мнѣ признаться вамъ, какъ джентльменъ джентльмену: я, вѣдь, потомъ узналъ, что вы были не первымъ и не послѣднимъ, и я развелся, да, я развелся».

«Между нами не можетъ быть никакихъ разговоровъ», — сказалъ я — и понюхалъ мой толстый, холодный букетъ.

«Ахъ, не будьте такъ злопамятны, — воскликнулъ Кашмаринъ. — Ну, ладно, — ударьте меня, — двиньте хорошенько, а затѣмъ давайте мириться. Не хотите? Вотъ, вы улыбаетесь, — это хорошо. Не прячьте лицо въ ландыши, — вы улыбаетесь. Итакъ, мы теперь можемъ говорить, какъ друзья. Разрѣшите мнѣ васъ спросить, сколько вы зарабатываете?»

Я еще немного пожался, но потомъ отвѣтилъ. Мнѣ все время приходилось сдерживать желаніе сказать этому человѣку что-нибудь пріятное, растроганное.

«Вотъ видите, — сказалъ Кашмаринъ. — Я вамъ устрою службу, на которой будете получать втрое больше. Заходите завтра утромъ ко мнѣ, въ отель Монополь. Я васъ кое съ кѣмъ познакомлю. Служба вольготная, не исключены

поѣздки на Ривьеру, въ Италію. Автомобильное дѣло. Зайдете?»

Онъ, какъ говорится, попалъ въ точку. Вайнштокъ и его книги давно мнѣ пріѣлись. Я опять сталъ нюхать холодные цвѣты, скрывая въ нихъ свое удовольствіе и благодарность.

«Еще подумаю», — сказалъ я и чихнулъ. «На здоровье, — воскликнулъ Кашмаринъ. — Такъ не забудьте. Завтра. Какъ я радъ, какъ я радъ, что васъ встрѣтилъ».

Мы разстались. Я тихо побрелъ дальше, уткнувшись въ свой букетъ.

Кашмаринъ унесъ съ собою еще одинъ образъ Смурова. Не все ли равно, какой? Вѣдь меня нѣтъ, — есть только тысячи зеркалъ, которыя меня отражаютъ. Съ каждымъ новымъ знакомствомъ растетъ населеніе призраковъ, похожихъ на меня. Они гдѣ то живутъ, гдѣ то множатся. Меня же нѣтъ. Но Смуровъ будетъ жить долго. Тѣ двое мальчиковъ, моихъ воспитанниковъ, состарятся, — и въ нихъ будетъ жить цѣпкимъ паразитомъ какой-то мой образъ. И настанетъ день, когда умретъ послѣдній человѣкъ, помнящій меня. Быть можетъ, случайный разсказъ обо мнѣ, простой анекдотъ, гдѣ я фигурирую, перейдетъ отъ него къ его сыну или внуку, — такъ что еще будетъ нѣкоторое время мелькать мое имя, мой призракъ. А потомъ конецъ.

И все же я счастливъ. Да, я счастливъ. Я клянусь, клянусь, что счастливъ. Я понялъ, что единственное счастье въ этомъ мірѣ, это наблюдать, соглядатайствовать, во всѣ глаза смотрѣть

на себя, на другихъ, — не дѣлать никакихъ выводовъ, — просто глазѣть. Клянусь, что это счастье. И пускай самъ по себѣ я пошловатъ, подловатъ, пускай никто не знаетъ, не цѣнитъ того замѣчательнаго, что есть во мнѣ, — моей фантазіи, моей эрудиціи, моего литературнаго дара... Я счастливъ тѣмъ, что могу глядѣть на себя, ибо всякій человѣкъ занятенъ, — право же занятенъ! Міръ, какъ ни старайся, не можетъ меня оскорбить, я не уязвимъ. И какое мнѣ дѣло, что она выходитъ за другого? У меня съ нею были по ночамъ душераздирающія свиданія, и ея мужъ никогда не узнаетъ этихъ моихъ сновъ о ней. Вотъ высшее достиженіе любви. Я счастливъ, я счастливъ, какъ мнѣ еще доказать, какъ мнѣ крикнуть, что я счастливъ, — такъ, чтобы вы всѣ наконецъ повѣрили, жестокіе, самодовольные...

Обида

Ивану Алексѣевичу Букику.

Путя сидѣлъ на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ (онъ не особенно любилъ сидѣть на козлахъ, но кучеръ и домашніе думали, что онъ это любитъ чрезвычайно, Путѣ же не хотѣлось ихъ обидѣть, — вотъ онъ тамъ и сидѣлъ, желтолицый, сѣроглазый мальчикъ въ нарядной матроскѣ). Пара откормленныхъ вороныхъ, съ блескомъ на толстыхъ крупахъ и съ чѣмъ-то необыкновенно женственнымъ въ долгихъ гривахъ, пышно похлестывая хвостами, бѣжала ровной плещущей рысью, и мучительно было наблюдать, какъ, несмотря на движеніе хвостовъ и подергиваніе нѣжныхъ ушей, несмотря также на густой дегтярный запахъ мази отъ мухъ, тусклый слѣпень или оводъ съ переливчатыми глазами на выкатѣ присасывался къ атласной шерсти.

У кучера Степана, мрачнаго пожилого человѣка въ черной безрукавкѣ поверхъ малиновой рубахи, была крашеная борода клиномъ и коричневая шея въ тонкихъ трещинкахъ. Путѣ

было неловко, сидя съ нимъ рядомъ, молчать; поэтому онъ пристально смотрѣлъ на постромки, на дышло, придумывая любознательный вопросъ или дѣльное замѣчаніе. Изрѣдка у той или другой лошади приподнимался напряженный корень хвоста, подъ нимъ надувалась темная луковица, выдавливая круглый золотой комъ, второй, третій, и затѣмъ складки темной кожи вновь стягивались, опадалъ вороной хвостъ.

Въ коляскѣ сидѣла, заложивъ нога на ногу, путина сестра, смуглая молодая дама (ей было всего девятнадцать лѣтъ, но она уже успѣла развестись), въ свѣтломъ платьѣ, въ высокихъ бѣлыхъ сапожкахъ на шнуркахъ съ блестящими черными носками и въ широкополой шляпѣ, бросавшей кружевную тѣнь на лицо. У нея съ утра настроеніе было дурное, и когда Путя въ третій разъ обернулся къ ней, она въ него нацѣлилась концомъ цвѣтного зонтика и сказала: «Пожалуйста, не вертись!»

Сначала ѣхали лѣсомъ. Скользящія по синевѣ великолѣпныя облака только прибавляли блеска и живости лѣтнему дню. Ежели снизу смотрѣть на вершины березъ, онѣ напоминали пропитанный свѣтомъ, прозрачный виноградъ. По бокамъ дороги кусты дикой малины обращались къ жаркому вѣтру блѣднымъ исподомъ листьевъ. Глубина лѣса была испещрена солнцемъ и тѣнью, — не разберешь, что стволъ, что просвѣтъ. Тамъ и сямъ райскимъ изумрудомъ

вдругъ вспыхивалъ мохъ; почти касаясь колесъ, пробѣгали лохматые папоротники.

Навстрѣчу появился большой возъ сѣна, — зеленоватая гора въ дрожащихъ тѣняхъ. Степанъ попридержалъ лошадей, гора накренилась на одну сторону, коляска въ другую, — едва разминулись на узкой лѣсной дорогѣ, и повѣяло острымъ полевымъ духомъ, послышался натруженный скрипъ телѣжныхъ колесъ, мелькнули въ глазахъ вялые скабіозы и ромашки среди сѣна, — но вотъ Степанъ причмокнулъ, тряхнулъ вожжами, и возъ остался позади. А погодя разступился лѣсъ, коляска свернула на шоссе, и дальше пошли скошенныя поля, — звонъ кузнечиковъ въ канавахъ, гудѣніе телеграфныхъ столбовъ. Сейчасъ будетъ село Воскресенское, а еще черезъ нѣсколько минутъ — конецъ.

«Сказаться больнымъ? Свалиться съ козелъ?», — уныло подумалъ Путя, когда показались первыя избы.

Тѣсныя бѣлыя штанишки рѣзали въ паху, желтые башмачки сильно жали, непріятно перебирало въ животѣ. День предстоялъ гнетущій, отвратительный, но неизбѣжный.

Уже ѣхали селомъ, и откуда-то изъ-за избъ и заборовъ отзывалось деревянное эхо на согласный копытный плескъ. Мальчишки играли въ городки на заросшей травой обочинѣ, со звономъ взлетали рюхи. Мелькнули серебряные шары и ястребиное чучело въ саду мѣстнаго лавочника. Собака, молча, копя лай, выбѣжала изъ-за

воротъ, перемахнула черезъ канаву, и только тогда залилась лаемъ, когда догнала коляску. Протрусилъ верхомъ на гнѣдой, мохнатой деревенской лошадкѣ, широко разставивъ локти и весь трясясь, мужикъ въ рубахѣ, раздутой вѣтромъ и порванной на плечѣ.

Въ концѣ села, на пригоркѣ, среди густыхъ липъ, стояла красная церковь, а рядомъ съ ней — небольшой бѣлокаменный склепъ, похожій формой на пасху. Раскрылся видъ на рѣку, — вода была зеленая, цвѣлая, мѣстами словно подернутая парчей. Сбоку отъ спускающагося шоссе жалась приземистая кузница, — кто-то вывелъ на ея стѣнѣ крупными мѣловыми буквами: «Да здравствуетъ Сербія!» Стукъ копытъ сдѣлался вдругъ звонкимъ, упругимъ: ѣхали по мосту. Босой старикъ, опершись на перила, удилъ рыбу; у его ногъ блестѣла жестяная банка. Стукъ копытъ смягчился снова; мостъ и рыбакъ и рѣчная излучина отстали непоправимо.

Теперь коляска катилась по пыльной, пухлой дорогѣ, обсаженной дородными березами. Сейчасъ, вотъ сейчасъ изъ-за парка, выглянетъ зеленая крыша, — усадьба Козловыхъ. Путя зналъ по опыту, какъ все будетъ неловко и противно, и съ охотой отдалъ бы свой новый велосипедъ «Свифтъ» — и что еще въ придачу? — стальной лукъ, скажемъ, и пугачъ, и весь запасъ пробокъ, начиненныхъ порохомъ, — чтобы сейчасъ

быть за десять верстъ отсюда, у себя на мызѣ, и тамъ проводить лѣтній день, какъ всегда, въ одинокихъ, чудесныхъ играхъ.

Изъ парка пахнуло грибной сыростью, еловой темнотой, а затѣмъ показался уголъ дома и кирпичный песочекъ передъ каменнымъ подъѣздомъ.

«Дѣти въ саду», — сказала Анна Федоровна (Козлова), когда Путя съ сестрой, пройдя черезъ прохладныя комнаты, гдѣ пахло гвоздиками, вышелъ на веранду; тамъ сидѣло человѣкъ десять взрослыхъ; Путя передъ каждымъ расшаркивался, стараясь не чмокнуть по ошибкѣ руку мужчинѣ, какъ это однажды случилось. Сестра держала ладонь у него на темени, чего никогда не дѣлала дома. Затѣмъ она сѣла въ плетеное кресло и необычайно повеселѣла. Всѣ заговорили разомъ. Анна Федоровна взяла Путю за кисть, повела его внизъ по ступенямъ, между лавровыхъ и олеандровыхъ кустовъ въ зеленыхъ кадкахъ, и таинственно указала пальцемъ въ садъ. «Они тамъ, — сказала она, — ты пойди къ нимъ». Послѣ чего она вернулась къ гостямъ. Путя остался одинъ на нижней ступени.

Начиналось прескверно. Необходимо было пройти черезъ красную садовую площадку вонъ туда, въ аллею, гдѣ среди солнечныхъ пятенъ прыгали голоса, и что-то пестрѣло. Надо было продѣлать этотъ путь одному, приближаться, безъ

конца приближаться, постепенно входить въ поле зрѣнія многихъ глазъ.

Именинникомъ былъ Володя Козловъ, бойкій, насмѣшливый мальчикъ, однихъ съ Путей лѣтъ. У Володи былъ братъ Костя и двѣ сестры, Бэби и Леля. Изъ сосѣдняго имѣнія пріѣхали въ шарабанчикѣ двое маленькихъ Корфовъ и сестра ихъ Таня, миловидная дѣвочка съ прозрачной кожей, синевой подъ глазами и черной косой, схваченной надъ тонкой шеей бѣлымъ бантомъ. Кромѣ нихъ были три гимназиста и тринадцатилѣтній, крѣпкій, ладный, загорѣлый Вася Тучковъ. Играми руководилъ студентъ, Яковъ Семеновичъ, воспитатель Володи и Кости, пухлявый, грудастый молодой человѣкъ, въ бѣлой косоворoткѣ, съ бритой головой и съ пенснэ безъ ободковъ на точеномъ носу, вовсе не шедшемъ къ яйцевидной полнотѣ его лица. Когда Путя, наконецъ, подошелъ, Яковъ Семеновичъ и дѣти метали копье въ большую мишень изъ разноцвѣтной соломы, прибитую къ еловому стволу.

Послѣдній разъ Путя былъ у Козловыхъ въ Петербургѣ, на Пасхѣ, и тогда показывали туманныя картины: Яковъ Семеновичъ читалъ вслухъ «Мцыри», а другой студентъ орудовалъ волшебнымъ фонаремъ. На мокрой простынѣ, въ свѣтовомъ кругу, появлялась (судорожно набѣжавъ и остановившись) цвѣтная картина, — напримѣръ: Мцыри и прыгающій на него барсъ. Яковъ Семеновичъ, прервавъ на минуту чтеніе, указывалъ палочкой на Мцыри и затѣмъ на

барса; при этомъ палочка окрашивалась въ цвѣта картины, и цвѣта потомъ соскальзывали, когда онъ палочку отодвигалъ. Каждая картина оставалась на простынѣ долго, такъ какъ ихъ было только десять штукъ на всего «Мцыри». Вася Тучковъ иногда поднималъ въ темнотѣ руку, дотягивался до луча, и на полотнѣ возникали растопыренные черные пальцы. Раза два студентъ у фонаря вставлялъ пластинку неправильно, картина выходила вверхъ ногами, Тучковъ хохоталъ, а Путя мучительно краснѣлъ за студента, — и вообще старался дѣлать видъ, что онъ страшно интересуется. Тогда же онъ познакомился съ Танечкой Корфъ и съ тѣхъ поръ часто думалъ о ней, представляя себѣ, какъ спасаетъ ее отъ разбойниковъ, какъ пособляетъ ему и преданно любуется его смѣлостью Вася (у котораго, по слухамъ, былъ дома настоящій револьверъ съ перламутровой рукояткой).

Сейчасъ, разставивъ загорѣлыя ноги, небрежно опустивъ лѣвую руку на свой холщевый поясъ съ цѣпочкой и кожанымъ кошелькомъ, Вася мѣтилъ легкимъ копьемъ въ мишень, — вотъ раскачнулся, вотъ попалъ въ самую середину, и Яковъ Семеновичъ громко сказалъ: «браво». Путя осторожно вытащилъ копье, тихо отошелъ, тихо прицѣлился и попалъ тоже въ середку; этого, впрочемъ, никто не замѣтилъ, такъ какъ игра кончилась, и всѣ были заняты другимъ: приволокли и поставили посреди аллеи нѣчто вродѣ низенькаго поставца, съ круглыми дырками по верху и толстой металлической лягушкой, ши-

роко разинувшей ротъ. Слѣдовало попасть свинцовымъ пятакомъ либо въ одну изъ дырокъ, либо лягушкѣ въ ротъ. Пятакъ проваливался въ отдѣленія съ цифрами, лягушкинъ ротъ оцѣнивался въ пятьсотъ очковъ. Бросали по очереди, каждый по нѣсколько разъ. Игра была довольно тягучая, и въ ожиданіи своей очереди нѣкоторыя изъ дѣтей залѣзли въ черничныя заросли подъ деревьями. Ягода была крупная, матово-синяя, и загоралась лиловымъ блескомъ, если тронуть ее замусоленнымъ пальцемъ. Путя, присѣвъ на корточки и кротко покрякивая, набиралъ чернику въ ладонь и потомъ совалъ въ ротъ всю горсть. Такъ получалось особенно вкусно. Иногда попадалъ въ ротъ вмѣстѣ съ ягодами жесткій листикъ. Вася Тучковъ нашелъ маленькую гусеницу съ разноцвѣтными пучками волосковъ вдоль спины (вродѣ какъ у зубной щетки) и спокойно проглотилъ ее, къ общему восхищенію. Въ паркѣ постукивалъ дятелъ, надъ травой жужжали тяжелые шмели и вползали въ блѣдные, склоняющіеся вѣнчики боярскихъ колокольчиковъ. Съ аллеи доносился стукъ бросковъ и зычный картавый голосъ Якова Семеновича, совѣтовавшій кому то лучше цѣлиться. Рядомъ съ Путей нагнулась Таня и съ необыкновенно внимательнымъ выраженіемъ на блѣдномъ лицѣ, полуоткрывъ фіолетовыя блестящія губы, опаривала кустикъ. Путя, набравшій въ ладонь ягодъ, молча предложилъ ей всю горсть, она милостиво ее приняла, и Путя началъ набирать для нея еще порцію. Но тутъ настала ея очередь бросать

пятакъ, и она побѣжала къ аллеѣ, высоко поднимая тонкія ноги въ бѣлыхъ чулкахъ.

Игра въ лягушку начинала всѣмъ надоѣдать, одни пропустили свой чередъ, другіе швыряли кое какъ, а Вася Тучковъ запустилъ въ лягушку камнемъ, и всѣ разсмѣялись, кромѣ Якова Семеновича и Пути. Володя, именинникъ, сталъ требовать, чтобы сыграли въ палочку-стукалочку. Мальчики Корфъ присоединились къ этому, Таня запрыгала на одной ногѣ, хлопая въ ладоши. «Нельзя, ребята, нельзя, — сказалъ Яковъ Семеновичъ. — Черезъ какихъ-нибудь полчаса мы поѣдемъ съ вами на пикникъ, а если вы будете разгоряченные, то не исключена простуда». «Ну, пожалуйста, пожалуйста!» — затянули всѣ. «Пожалуйста», — тихо повторилъ за другими Путя, рѣшивъ, что устроится такъ, чтобы спрятаться вмѣстѣ съ Васей или Таней.

«Придется общую просьбу исполнить, — сказалъ Яковъ Семеновичъ, любившій округлять свою рѣчь. — Но только гдѣ же необходимое орудіе?» Володя бросился по направленію куртинъ.

Путя подошелъ къ зеленой скамьѣ качалки, на которой стояли Таня, Леля и Вася; послѣдній скакалъ и притоптывалъ такъ, что доска, кряхтя, дрыгала, и дѣвочки вскрикивали и балансировали руками. «Падаю, падаю!» — воскликнула Таня и вмѣстѣ съ Лелей спрыгнула на траву. «Хо-

тите еще черники?» — предложилъ Путя. Она покачала головой, потомъ покосилась на Лелю и, обратившись къ Путѣ, сказала: «Мы съ Лелей рѣшили больше съ вами не разговаривать». «Почему?» — пробормоталъ Путя, густо покраснѣвъ. «Потому что вы ломака», — отвѣтила она и, отвернувшись, вскочила на скамейку. Путя притворился, что поглощенъ разглядываніемъ курчаво-черной кротовинки съ краю аллеи.

Между тѣмъ, запыхавшійся Володя принесъ палочку, зеленую, острую, изъ тѣхъ, коими подкрѣпляютъ на клумбахъ піоны и георгины. Стали рѣшать, кому быть стучальщикомъ. «Разъ. Два. Три, — смѣшнымъ повѣствовательнымъ тономъ началъ Яковъ Семеновичъ, тыча при каждомъ словѣ пальцемъ. — Четыре. Пять. Вышелъ зайчикъ. Погулять. Вдругъ охотникъ (Яковъ Семеновичъ остановился и сильно чихнулъ). Выбѣгаетъ (...продолжалъ онъ, поправивъ пенснэ). Прямо въ зайчика. Стрѣляетъ. Пифъ. Пафъ. Ой. Ой. Ой. У. Ми. Ра. Етъ, (слоги вѣско замедлялись). Зай. Чикъ. Мой».

«Мой» палъ на Путю. Но тутъ всѣ остальные еще тѣснѣе обступили Якова Семеновича, умоляя, чтобы искалъ онъ. Раздавались возгласы: «Пожалуйста, это будетъ гораздо интереснѣе». «Такъ и быть. Я согласенъ», — отвѣтилъ онъ, даже не взглянувъ на Путю.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ аллея выходила на садовую площадку, стояла бѣленая, мѣстами облу-

пившаяся скамейка съ рѣшетчатой, тоже бѣленой, тоже облупившейся спинкой. На эту скамейку сѣлъ, держа въ рукахъ палочку, Яковъ Семеновичъ, сгорбилъ жирную спину, плотно зажмурился и сталъ вслухъ считать до ста, давая этимъ время спрятаться. Вася и Таня, словно сговорившись, побѣжали въ глубину парка, одинъ изъ гимназистовъ сталъ за липу, въ трехъ шагахъ отъ скамейки, — а Путя, съ тоской посмотрѣвъ на пестрыя тѣни парка, отвернулся и направился въ другую сторону, къ дому, рѣшивъ засѣсть на верандѣ, — не на той, конечно, гдѣ взрослые пили чай, и гдѣ пѣлъ по-итальянски граммофонъ со сверкающимъ рупоромъ, — а на другой, наискосокъ отъ аллеи. Веранда, къ счастью, оказалась пуста. Подъ цвѣтными стеклами, бросавшими на нихъ цвѣтныя отраженія, тянулись мягкія лавки, обитыя сизымъ сукномъ въ махровыхъ розахъ. Была тамъ еще вѣнская качалка, чисто вылизанная миска на полу и круглый столъ, покрытый клѣтчатой клеенкой. На столѣ ничего не было, кромѣ чьихъ-то одиноко лежавшихъ стариковскихъ очковъ.

Путя подползъ къ многоцвѣтному окну и замеръ у бѣлаго подоконника. Былъ виденъ поодаль на розовой скамейкѣ розовый Яковъ Семеновичъ, неподвижно сгорбленный, подъ мелкой, рубиново-черной листвой. Планъ путинъ былъ простъ: какъ только Яковъ Семеновичъ досчитаетъ до ста, стукнетъ палочкой, положитъ ее на скамейку и отойдетъ по направленію къ пар-

ковымъ кустамъ, гдѣ были наиболѣе правдоподобныя мѣста для засады, — ринуться съ веранды къ скамейкѣ, къ палочкѣ. Прошло полминуты. Голубой Яковъ Семеновичъ сидѣлъ, согнувшись, подъ черно-синими листьями и топалъ носкомъ по серебристому песку въ тактъ счету. Какъ весело было бы такъ ждать и поглядывать сквозь разныя стекла, если бы Таня... За что? Что я такого сдѣлалъ?

Меньше всего было простыхъ бѣлыхъ стеколъ. Вотъ просѣменила по песку трясогузка. Въ углахъ ромбовидныхъ оконныхъ рамъ были паутинки. На подоконникѣ лежала дохлая муха. Ярко-желтый Яковъ Семеновичъ всталъ с золотой скамейки и застучалъ по ней палочкой. Въ то же мгновеніе дверь на веранду открылась, и изъ полутьмы комнаты появилась сперва толстая рыжая такса, а затѣмъ, — сѣдая стриженая старушка въ черномъ платьѣ съ тугимъ пояскомъ, съ большой брошкой въ видѣ трилистника на груди и съ цѣпочкой отъ часовъ вокругъ шеи, — часы же были засунуты за поясокъ. Собака, очень лѣниво, бочкомъ, спустилась по ступенькамъ въ садъ, а старушка, подойдя къ столу, сердито схватила очки, за которыми и пришла. Вдругъ она замѣтила Путю, сползшаго на полъ. «Priate-qui? Priate-qui?» произнесла она (съ тѣмъ шутовскимъ выговоромъ, съ какимъ изъясняются по-русски старыя француженки, прожившія у насъ лѣтъ сорокъ). «Toute n'est caroche», продолжала она, ласково глядя на смущенное, умоляю-

щее путино лицо. — «Sichasse pocajou caroche messt».

Изумрудный Яковъ Семеновичъ стоялъ, подбоченясь, на блѣдно-зеленомъ пескѣ и смотрѣлъ сразу по всѣмъ направленіямъ. Путя, боясь скрипучаго и суетливаго голоска старушки, — а еще пуще боясь ее обидѣть отказомъ, — поспѣшно за ней послѣдовалъ, но чувствовалъ, при этомъ, что получается страшная чепуха. Она шла, цѣпко держа его за руку, черезъ прохладныя комнаты, — мимо бѣлаго рояля, гвоздикъ и гортензій, голубого ломбернаго стола, трехколеснаго велосипедика, деревянной болванки селезня, лосьихъ роговъ, шкаповъ съ книгами, — все это безтолково выскакивало изъ разныхъ угловъ, и Путя съ ужасомъ соображалъ, что старушка уводитъ его далеко, на другую сторону дома, — а какъ объяснить ей, не огорчивъ ея, что игра, въ которую онъ играетъ, скорѣе засада, чѣмъ прятки, что нужно ловить мгновеніе, когда Яковъ Семеновичъ достаточно далеко отойдетъ отъ палочки, дабы успѣть добѣжать до нея и постучать? Она провела его черезъ пять-шесть комнатъ, потомъ черезъ коридоръ, потомъ вверхъ по лѣстницѣ, потомъ черезъ свѣтлую горницу, гдѣ на сундукѣ у окна сидѣла румяная женщина и вязала на спицахъ; женщина подняла глаза, улыбнулась и, опустивъ опять рѣсницы, продолжала вязать. Старушка ввела его въ слѣдующую комнату: тамъ стоялъ обитый кожей диванъ и пустая птичья клѣтка. Между огромнымъ, красно-бурымъ бѣльевымъ шкапомъ и изразцо-

вой печкой была какъ бы темная ниша. «Votte»,— сказала старушка и, легкимъ нажимомъ вправивъ его туда, удалилась въ сосѣднюю комнату, гдѣ продолжала разговоръ, никакого отношенія къ Путѣ не имѣвшій, и слушательница, та, что вязала, изрѣдка восклицала съ удивленіемъ: «Скажите пожалуйста!».

Путя стоялъ въ своемъ закутѣ (сначала на колѣнкахъ, словно онъ, въ самомъ дѣлѣ, таился, но потомъ выпрямился), и смотрѣлъ оттуда на стѣну въ равнодушно-лазурныхъ завиткахъ, на окно, за которымъ мерцала верхушка тополя. Равномѣрно и хрипло стучали часы, и это почему то напоминало всякія скучныя и грустныя вещи.

Прошло очень много времени. Вдругъ разговоръ по сосѣдству сталъ медленно уплывать и замеръ въ отдаленіи. Тишина. Путя вылѣзъ.

Спустившись по лѣстницѣ, онъ на цыпочкахъ пробѣжалъ черезъ комнаты (шкапы, рога, велосипедъ, голубой столъ, рояль), и вотъ, въ глубинѣ, ударила полоса цвѣтного солнца, открытая дверь на веранду. Путя, крадучись, пробрался къ стекламъ и выбралъ бѣлое. На скамейкѣ лежала зеленая палочка. Якова Семеновича не было видно; онъ, вѣроятно, отошелъ за тѣ елки.

Путя, улыбаясь и волнуясь, спрыгнулъ въ садъ и опрометью бросился къ скамейкѣ. Онъ

еще бѣжалъ, когда замѣтилъ какую то странную кругомъ неотзывчивость. Все же, не уменьшая скорости, онъ достигъ скамейки и трижды стукнулъ палочкой. Въ пустую. Никого кругомъ не было. Трепетали солнечныя пятна. По ручкѣ скамейки ползла Божья коровка, лениво выпустивъ изъ подъ своего маленькаго крапчатаго купола прозрачные кончики кое какъ сложенныхъ крылъ.

Путя подождалъ нѣсколько минутъ, озираясь исподлобья, и вдругъ понялъ, что его забыли, игра давно кончилась, а никто не спохватился, что есть еще кое кто ненайденный, таящійся, — забыли и уѣхали на пикникъ. Пикникъ же былъ единственнымъ болѣе или менѣе пріятнымъ обѣщаніемъ этого дня, — пріятно было, что взрослые не поѣдутъ, пріятно было думать о печеномъ на кострѣ картофелѣ, ватрушкахъ съ черникой, холодномъ чаѣ въ бутылкахъ. Пикникъ отняли, но съ этимъ лишеніемъ можно было примириться. Главное состояло въ другомъ.

Путя переглотнулъ и неувѣренно направился къ дому, помахивая зеленой палочкой и стараясь сдержать слезы. На верандѣ играли въ карты, — донесся смѣхъ сестры, непріятный смѣхъ. Онъ обошелъ домъ съ другой стороны, смутно думая, что тамъ гдѣ то долженъ быть прудъ, и можно оставить на берегу платокъ съ мѣткой и свистокъ на бѣломъ шнуркѣ, а самому незамѣтно

отправиться домой... Вдругъ, завернувъ за уголъ дома, къ водокачкѣ, онъ услышалъ знакомый шумъ голосовъ. Всѣ тутъ были, — Яковъ Семеновичъ, Вася, Таня, всѣ остальные; они окружали мужика, который принесъ показать только что пойманнаго совенка. Совенокъ, толстенькій, рябой, съ прищуренными глазами, вертѣлъ головой, — вѣрнѣе, не головой, а своимъ очкастымъ личикомъ, ибо нельзя было разобрать, гдѣ начинается голова, и гдѣ кончается тѣло.

Путя приблизился. Вася Тучковъ оглянулся и, обратившись къ Танѣ, сказалъ со смѣшкомъ: «А вотъ идетъ ломака».

Лебеда

Просторнѣйшей комнатой въ особнякѣ была библіотека. Туда, передъ отъѣздомъ въ школу, Путя заходилъ поздороваться съ отцомъ. Шарканіе и стальное трепетаніе. Отецъ каждое утро фехтовалъ съ м-сье Маскара, маленькимъ, пожилымъ французомъ, сдѣланнымъ изъ гуттаперчи и черной щетины. По воскресеньямъ Маскара преподавалъ Путѣ гимнастику и боксъ, но, страдая животомъ, прерывалъ занятія, — потайными ходами, ущельями книжныхъ шкаповъ, дремучими коридорами, удалялся на полчаса въ нужное мѣсто, — а Путя съ огромными боевыми рукавицами на тоненькихъ потныхъ кистяхъ, ждалъ, развалясь въ кожаномъ креслѣ, слушалъ легкое жужжаніе тишины и моргалъ, стараясь не заснуть. Свѣтъ электрическихъ лампъ, по-утреннему глухой и желтый, озарялъ пакашифоленный линолеумъ, полки вдоль стѣнъ, беззащитныя спины тѣсно уткнувшихся книгъ и черную висѣлицу грушевиднаго punching-ball'a. За

цѣльными окнами, съ однообразной, безплодной граціей, валилъ мягкій и медленный снѣгъ.

Недавно, въ школѣ, географъ Березовскій (авторъ брошюры «Чао-Санъ, страна утра. Корея и корейцы. Съ тринадцатью рисунками и картой въ текстѣ»), пощипывая темную бородку, ненарокомъ и не кстати объявилъ при всемъ классѣ, что онъ и Путя берутъ у Маскара частные уроки бокса. Всѣ уставились на Путю. Отъ смущенія его лицо сдѣлалось яркимъ и даже какъ бы одутловатымъ. На перемѣнѣ Щукинъ, самый сильный, грубый и отсталый въ классѣ, подошелъ и, осклабясь, сказалъ: «Ну-ка, покажи боксъ». «Оставь», — тихо отвѣтилъ Путя. Щукинъ засопѣлъ и далъ ему подъ микитки. Путя обидѣлся и прямымъ ударомъ, какъ училъ французъ, разбилъ Щукину носъ. Удивленная пауза, кровь, зарумянившійся платокъ. Оправившись отъ удивленія, Щукинъ навалился на Путю и, молча, его заломалъ. Однако, несмотря на боль во всемъ тѣлѣ, Путя остался доволенъ. Кровь изъ щукинскаго носа продолжала идти на урокѣ естествознанія, остановилась на арифметикѣ и снова пошла на Законѣ Божіемъ. Путя наблюдалъ съ тихимъ интересомъ.

Въ ту зиму его мать уѣхала въ Ментону съ Марой, которая полагала, что умираетъ отъ чахотки. Безъ сестры, довольно язвительной и пристающей молодой женщины, было скорѣе пріятно, но вотъ съ отсутствіемъ матери Путя никакъ свыкнуться не могъ, скучалъ чрезвычайно, особенно по вечерамъ. Отца онъ видѣлъ мало. Отецъ

былъ занятъ въ учрежденіи, называемомъ Думой, гдѣ однажды обвалился потолокъ. Были еще фракціи, то есть сборища, на которыхъ, вѣроятно, всѣ во фракахъ. Очень часто приходилось обѣдать отдѣльно, наверху, вмѣстѣ съ миссъ Шелдонъ, черноволосой, свѣтлоглазой, въ просторной блузѣ и вязаномъ поперечно-полосатомъ галстухѣ, — а внизу, около чудовищно разбухшихъ вѣшалокъ, скоплялась добрая сотня галошъ, и если пробраться оттуда въ комнату съ шелковымъ турецкимъ диваномъ, можно было вдругъ услышать (когда лакей гдѣ-то въ глубинѣ отворялъ дверь) нестройный шумъ, зоологическій гомонъ и далекій, но ясный голосъ отца.

Какъ-то, въ сумрачное ноябрьское утро, Дима Корфъ, путинъ сосѣдъ по партѣ, вынулъ изъ пѣгаго ранца и протянулъ Путѣ иллюстрированный листокъ. На одной изъ первыхъ страницъ зеленѣла каррикатура на путинаго отца, снабженная стихотвореніемъ. Путя скользнулъ глазами по строкамъ и выхватилъ изъ середины: «Какъ джентльменъ, онъ предлагалъ револьверъ, шпагу иль кинжалъ». «Это правда?» — спросилъ Дима шопотомъ (только что начался урокъ). «Что правда?» — прошепталъ Путя. — «Потише тамъ», — вмѣшался Алексѣй Мартыновичъ, учитель русскаго языка, мужиковатый, гугнивый, съ безымянной и неопрятной растительностью надъ кривою губой и знаменитыми ногами въ винтоподобныхъ штанахъ: когда онъ шелъ, ноги у него завивались, — онъ ставилъ

правую ступню туда, куда полагалось попасть лѣвой, и наоборотъ, — но ходилъ все же весьма шибко. Теперь онъ сидѣлъ у стола и перелистывалъ записную книжку; затѣмъ глаза его устремились на далекую парту, изъ-за которой, какъ деревцо, вырастающее отъ взгляда факира, уже поднимался Щукинъ.

«Что правда?» — тихо повторилъ Путя, держа на колѣняхъ журнальчикъ и косясь на Диму. Дима чуть подвинулся къ нему. Между тѣмъ, Щукинъ, бритоголовый, въ черной саржевой косовороткѣ, начиналъ въ третій разъ съ какой-то безнадежной бодростью: «Муму»... Произведеніе Тургенева «Муму»...» «Насчетъ твоего папы», — вполголоса отвѣтилъ Дима. Алексѣй Мартыновичъ съ размаху хлопнулъ «Живымъ Словомъ» по столу, такъ что подскочила вставка и воткнулась перомъ въ полъ. «Что это, въ самомъ дѣлѣ... шептуны... что это... — неразборчиво, плюясь и шипя, заговорилъ онъ. — Встать, встать... Корфъ... Шишковъ... Что это такое... что это вы тамъ?» Онъ подошелъ и ловко схватилъ журнальчикъ. «Гадость читаете, садитесь, садитесь... гадости...» Добычу свою онъ положилъ въ портфель.

Потомъ былъ вызванъ Путя. Алексѣй Мартыновичъ диктовалъ, а Путя писалъ на доскѣ: «... поросшій кашкою и цѣпкой ли бѣдой...» Окрикъ, — такой окрикъ, что Путя выронилъ мѣлъ. «Какая тамъ «бѣда»... Откуда ты взялъ бѣду? Лебеда, а не бѣда... Гдѣ твои мысли витаютъ? Садись... Садись...»

«Ну что, это правда?» — прошепталъ Дима, улучивъ мгновеніе. Путя притворился, что не слышитъ. Его пронизывала дрожь, которую онъ не могъ остановить; въ ушахъ повторялась строка о револьверѣ, шпагѣ и кинжалѣ; въ глазахъ стояло каррикатурное изображеніе отца, угловатое, блѣдно-зеленое, при чемъ, зелень въ одномъ мѣстѣ переступила черезъ контуръ, а въ другомъ не дошла, — небрежность цвѣтного отпечатка. Только что, передъ отъѣздомъ въ школу, — шарканіе и стальное трепетаніе... Отецъ и французъ — въ толстыхъ нагрудникахъ, въ рѣшетчатыхъ маскахъ... Все было, какъ обычно, — картавые вскрики француза, — Battez! Rompez! — сильныя движенія отца, миганіе и трескъ рапиръ. Онъ остановился; дыша и улыбаясь, снялъ выпуклую рѣшетку съ мокраго, розоваго лица.

Урокъ кончился. Алексѣй Мартыновичъ унесъ съ собой журнальчикъ. Путя сидѣлъ, блѣдный, какъ мѣлъ, поднимая и опуская крышку парты. Съ почтительнымъ любопытствомъ его окружали, тѣснили, требовали подробностей. Онъ ничего не зналъ, и самъ старался изъ разспросовъ узнать что-нибудь. Выходило такъ: депутатъ Туманскій задѣлъ честь его отца, и отецъ вызвалъ Туманскаго на дуэль.

Прошли, влачась, еще два урока, затѣмъ была большая перемѣна, играли на дворѣ въ снѣжки, и Путя сталъ почему-то начинять комья снѣга мерзлой землей, чего прежде никогда не дѣлалъ. На слѣдующемъ урокѣ нѣмецъ Нуссбаумъ разорался на Щукина (которому въ тотъ день не

везло), и тогда Путя почувствовалъ спазму въ горлѣ, и, чтобы не расплакаться при всѣхъ, отпросился въ уборную. Тамъ, около умывальника, одиноко висѣло до-нельзя замаранное, до-нельзя склизкое полотенце, — вѣрнѣе, трупъ полотенца, прошедшаго черезъ множество мокрыхъ, мнущихъ торопливыхъ рукъ. Путя съ минуту смотрѣлся въ зеркало, — лучшій способъ не дать лицу расплыться въ гримасу плача.

Онъ подумалъ, не уйти ли домой до срока, — но эту мысль отогналъ. Выдержка, главное — выдержка. Въ классѣ буря стихла. Щукинъ, съ пурпурными ушами, но совершенно спокойный, уже сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, сложивъ руки крестомъ.

Еще два урока, и, наконецъ, — послѣдній звонокъ, длинный и хриплый. Надѣвъ ботики, полушубокъ, шапку съ наушниками, Путя выбѣжалъ во дворъ, углубился въ туннель воротъ, прыгнулъ черезъ подворотню... Автомобиля за нимъ не прислали, пришлось взять извозчика. Извозчикъ, худозадый, съ плоской спиной, сидѣлъ криво, и, по своему погоняя лошадь, то дѣлалъ видъ, что вытаскиваетъ изъ голенища кнутъ, то мягко взмахивалъ рукой, точно кого подзывая, и тогда санки дергались, и въ путиномъ ранцѣ постукивалъ пеналъ, и все это было какъ-то ужасно томительно и тревожно, — и большія, неровныя, наскоро слѣпленныя снѣжинки падали на плѣшивую полость.

Въ домѣ, съ тѣхъ поръ какъ уѣхали мать и сестра, бывало въ этотъ часъ тихо. Путя под-

нялся по широкой, пологой лѣстницѣ, гдѣ на площадкѣ, около малахитоваго столика, съ вазой для визитныхъ карточекъ, стояла безрукая Венера, которую однажды его двоюродные братья нарядили въ плюшевую шубу и шляпу съ вишнями, послѣ чего она сдѣлалась похожа на Прасковью Степановну, бѣдную вдову, приходившую каждое первое число. Добравшись до верху, онъ сталъ звать гувернантку. Но у миссъ Шелдонъ сидѣла гостья, — англичанка Веретенниковыхъ. Миссъ Шелдонъ послала Путю готовить на завтра уроки. Предварительно вымыть руки и выпить стаканъ молока. Дверь захлопнулась. Путя, чувствуя, какъ его обволакиваетъ душная, страшная, ватная тоска, посидѣлъ въ дѣтской, потомъ спустился въ бель-этажъ, заглянулъ въ отцовскій кабинетъ. Все было невозможно тихо. Въ тишинѣ съ сухимъ звукомъ упалъ загнутый лепестокъ хризантемы. На тяжеломъ, сдержанно блестѣвшемъ письменномъ столѣ стройно и неподвижно, въ космическомъ порядкѣ, стояли, какъ планеты, знакомыя вещи — фотографіи, мраморное яйцо, торжественная чернильница.

Путя перешелъ въ будуаръ матери, и оттуда въ фонарь, и долго стоялъ тамъ, глядя въ продолговатое окно. На улицѣ было уже почти темно; вокругъ лиловатыхъ стеклянныхъ глобусовъ леталъ снѣгъ; внизу смутно текли черныя сани съ черными горбатыми сѣдоками. Быть можетъ, завтра утромъ. Это всегда происходитъ по утрамъ, очень рано.

Онъ сошелъ внизъ. Молчаніе и пустыня. Въ библіотекѣ онъ судорожно включилъ свѣтъ, черныя тѣни отхлынули. Пристроившись у одного изъ шкаповъ, онъ попробовалъ заняться разсмотрѣніемъ толстыхъ переплетенныхъ журналовъ. Красота мужчинъ въ роскошной бородѣ и пышныхъ усахъ. Я долго страдала от угрей. Концертный аккордеонъ «Удовольствіе» съ 20-ю голосами, 10-ю клапанами. Группа священниковъ и деревянная церковь. Картина съ надписью «Чужіе»: господинъ пригорюнился у письменнаго стола, дама, въ кудрявомъ боа, стоитъ поодаль, гантируя расправленную руку. Этотъ томъ я уже смотрѣлъ. Онъ взялъ другой и сразу напоролся на поединокъ между двумя итальянскими фехтовальщиками, — этотъ сдѣлалъ бѣшеный выпадъ, тотъ отстранился и пронзилъ противнику горло. Путя захлопнулъ тяжелый томъ и замеръ, держась за виски, какъ взрослый. Страшна была тишина, страшны неподвижные шкапы, глянцевитыя гирьки на дубовомъ столѣ, черныя коробки картотеки. Опустивъ голову, онъ вихремъ пронесся черезъ туманныя комнаты. Наверху, въ дѣтской, онъ легъ на диванъ и пролежалъ такъ въ темнотѣ, пока о немъ не вспомнила миссъ Шелдонъ. На лѣстницѣ загудѣлъ гонгъ, зовущій внизъ, къ обѣду.

Изъ кабинета вышелъ отецъ, и съ нимъ полковникъ Розенъ, который когда-то былъ женихомъ сестры отца, умершей въ молодости. Путя не смѣлъ на отца взглянуть, и, когда большая ладонь знакомымъ тепломъ коснулась его виска,

онъ покраснѣлъ до слезъ. Невозможно, нестерпимо думать, что этому человѣку, лучше котораго нѣтъ въ мірѣ, предстоитъ драться съ какимъ-то туманнымъ Туманскимъ, — на чемъ? На пистолетахъ? На шпагахъ? Почему всѣ молчатъ объ этомъ? Знаютъ ли что-нибудь слуги, гувернантка, мать въ Ментонѣ? Полковникъ Розенъ за обѣдомъ острилъ, какъ острилъ всегда, сухо, кратко, будто раскалывалъ орѣхи, но сегодня Путя не смѣялся, а поминутно заливался краской и, скрывая это, нарочно ронялъ салфетку, чтобы тихонько подъ столомъ отойти, вернуться къ нормальному цвѣту, но выл залъ оттуда еще краснѣе прежняго, и отецъ поднималъ брови, посмѣивался, — и, не спѣша, со свойственной ему ровностью, исполнялъ обрядъ обѣда, осторожно глоталъ вино изъ плоской золотой чарочки. Полковникъ продолжалъ острить. Миссъ Шелдонъ, не понимавшая по-русски, молчала, строго выпятивъ грудь, и когда Путя горбился, непріятно подталкивала его подъ лопатки. На сладкое подали фисташковое парфэ, которое онъ ненавидѣлъ.

По окончаніи обѣда, отецъ и полковникъ поднялись въ кабинетъ пить кофе. У Пути былъ такой странный видъ, что отецъ спросилъ: «Путя, въ чемъ дѣло? Почему ты кислый?» И какимъ то чудомъ Путѣ удалось отвѣтить: «Нѣтъ, я не кислый». Миссъ Шелдонъ увела его спать. Какъ только погасъ свѣтъ, онъ уткнулся лицомъ въ подушку. Онѣгинъ скидывалъ плащъ, Ленскій, какъ черный мѣшокъ, падалъ на подмостки. У

итальянца, сзади изъ шеи, торчалъ конецъ клинка. Маскара любилъ разсказывать, какъ въ молодости онъ имѣлъ une affaire — полсантиметра ниже, и была бы проткнута печень. И уроки на завтра не сдѣланы, и тьма кромѣшная въ комнатѣ, и нужно будетъ непремѣнно встать пораньше, пораньше, — лучше не закрывать глазъ, а то проспишь, — вѣдь это, навѣрное, назначено на завтра. Пропущу школу, пропущу, я скажу, что горло. Мама вернется только на Рождество. Ментона, голубые виды. Вставить послѣднюю открытку въ альбомъ. Одинъ уголокъ вошелъ, другой...

Проснулся Путя, какъ всегда, около восьми, какъ всегда услышалъ звонъ: это звякнулъ печной заслонкой истопникъ. Когда, спѣша, съ влажными еще волосами, онъ спустился внизъ, отецъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, занимался боксомъ съ французомъ. «Горло болитъ?» — переспросилъ отецъ. «Да. Першитъ», — тихо отвѣтилъ Путя. «А ты не врешь?» Путя почувствовалъ, что всякія дальнѣйшія объясненія опасны, — вотъ лопнетъ плотина, хлынетъ постыдный потокъ. Онъ молча повернулся и черезъ минуту сидѣлъ въ автомобилѣ, держа на колѣняхъ ранецъ. Потапнивало. Все было ужасно и непоправимо.

Онъ опоздалъ на первый урокъ, — долго стоялъ съ поднятой рукой за стеклянной дверью, но въ классъ не былъ впущенъ, — и пошелъ слоняться по залу, потомъ сѣлъ на подоконникъ,

рѣшилъ было просмотрѣть заданные уроки, но вмѣсто этого въ тысячный разъ сталъ воображать, какъ это все будетъ, — на морозѣ, въ разсвѣтномъ туманѣ... Какъ вывѣдать условленный день? Какъ узнать подробности? Если-бъ уже быть въ восьмомъ классѣ, нѣтъ, хотя бы въ седьмомъ... Тогда предложить: я тебя замѣню.

Наконецъ, — звонокъ. Залъ наполнился шумомъ. «Ну, что, доволенъ? Доволенъ?» — спросилъ Дима Корфъ, подскочивъ къ Путѣ. Путя посмотрѣлъ на него съ тоскливымъ недоумѣніемъ. «У Андрея внизу газета, — взволнованно сказалъ Дима. — Пойдемъ, мы успѣемъ, я тебѣ покажу. Но какой ты странный... Я бы на твоемъ мѣстѣ...»

Внизу на табуретѣ сидѣлъ швейцаръ Андрей и читалъ. Онъ поднялъ глаза и улыбнулся. «Вотъ тутъ, вотъ», — сказалъ Дима. Путя взялъ газету и сквозь дрожащую муть прочелъ: «Вчера, въ 3 часа дня, на Крестовскомъ островѣ, между Г. Д. Шишковымъ и графомъ А. С. Туманскимъ состоялась дуэль, окончившаяся, къ счастью, безкровно. Графъ Туманскій, стрѣлявшій первымъ, далъ промахъ, послѣ чего его противникъ выстрѣлилъ въ воздухъ. Секундантами со стороны — — ».

Тутъ воды прорвались. Швейцаръ и Дима старались успокоить его, — онъ отталкивалъ ихъ, дергался, отстранялъ лицо, невозможно было дышать, никогда еще не бывало такихъ рыданій,

не говорите, пожалуйста, не разсказывайте никому, это я нездоровъ, у меня болитъ... И снова рыданія.

Terra Incognita

Шумъ водопада становился все глуше, все глуше, — наконецъ онъ смолкъ, — и вотъ мы продвинулись дальше въ дикую, лѣсистую, еще никѣмъ неизслѣдованную область, шли, шли давно, — впереди Грегсонъ и я, за нами, гуськомъ, восемь туземныхъ носильщиковъ, а позади всѣхъ — ноющій, возражающій противъ каждой пяди пути, Кукъ. Я зналъ, что Грегсонъ завербовалъ его по совѣту знакомаго охотника: Кукъ увѣрялъ, что готовъ на все, лишь бы не маяться въ Зонраки, гдѣ полгода варятъ «вонго», а другіе полгода «вонго» пьютъ, но осталось неяснымъ, — или уже я многое начиналъ забывать, пока мы шли, шли, — кто онъ такой, Кукъ (быть можетъ, бѣглый матросъ).

Грегсонъ шагалъ рядомъ со мной, жилистый, голенастый, съ костлявыми голыми колѣнями. Онъ держалъ, какъ знамя, зеленую сѣтку на длинномъ древкѣ. Носильщики, тоже набранные въ Зонраки, рослые бадонцы глянцевитой корич-

невой масти, съ густыми гривами, съ кобальтовой росписью между глазъ, шли легкимъ и ровнымъ ходомъ. Позади всѣхъ, рыжій и одутловатый, съ отвислой губой, плелся Кукъ, держа руки въ карманахъ, не нагруженный ничѣмъ. Смутно мнѣ помнилось, что въ началѣ экспедиціи онъ много болталъ и темно шутилъ, повадкой своей, смѣсью наглости и подобострастія, смахивая на шекспировскаго шута, — но вскорѣ онъ сдалъ, насупился, пересталъ исполнять свои обязанности, въ которыя между прочимъ входило толмачество, ибо Грегсонъ плохо еще понималъ бадонское нарѣчіе.

Томная жара, бархатная жара. Душно пахли перламутровыя, похожія на грозди мыльныхъ пузырей, соцвѣтья Valieria mirifica, перекинутыя черезъ высохшее узкое русло, по которому мы съ шелестомъ шли. Вѣтви порфироноснаго дерева, вѣтви чернолистой лиміи сплетались надъ нашими головами, образуя туннель, тамъ и сямъ прорѣзанный дымнымъ лучемъ; наверху, въ растительной гущѣ, среди какихъ-то яркихъ свѣшивающихся локоновъ и причудливыхъ темныхъ клубьевъ, щелкали и клокотали сѣдыя какъ лунь обезьянки, и мелькала подобно бенгальскому огню птица-комета, кричавшая пронзительнымъ голоскомъ. Я говорилъ себѣ, что голова у меня такая тяжелая отъ долгой ходьбы, отъ жары, пестроты и лѣсного гомона, но втайнѣ зналъ, что я заболѣлъ, догадывался, что это мѣстная горячка, — однако рѣшилъ скрыть свое со-

стояніе отъ Грегсона и принялъ бодрый, даже веселый видъ, когда случилась бѣда.

«Моя вина, — сказалъ Грегсонъ, — напрасно я съ нимъ связался».

Мы были теперь одни. Кукъ и всѣ восемь туземцевъ, — съ палаткой, складной лодкой, припасами, коллекціями, — бросили насъ, безшумно скрывшись, пока мы возились въ заросляхъ, гдѣ собирали прелестнѣйшихъ насѣкомыхъ. Кажется, мы попытались догнать бѣглецовъ, — я плохо помню, — во всякомъ случаѣ намъ это не удалось. Надо было рѣшить, возвращаться ли въ Зонраки или продолжать намѣченный нами путь черезъ еще невѣдомую мѣстность къ холмамъ Гурано. Невѣдомое перевѣсило. Мы двинулись впередъ — я, уже весь дрожащій, оглушенный хининомъ, но все-таки собирающій безымянныя растенія, и Грегсонъ, вполнѣ понимающій опасность нашего положенія и все-таки съ прежней жадностью ловящій бабочекъ и мухъ.

И вотъ, не успѣли мы пройти и полмили, какъ внезапно нагналъ насъ Кукъ, — рубашка на немъ была разорвана, — и кажется имъ же нарочно разорвана, — онъ хрипѣлъ, онъ задыхался. Грегсонъ молча вынулъ револьверъ и приготовился застрѣлить негодяя, но тотъ, валяясь у него въ ногахъ и обѣими руками защищая темя, сталъ клясться, что туземцы увели его насильно и хотѣли его съѣсть, — ложь, бадонцы не людоѣды. Думаю, что онъ безъ труда подговорилъ ихъ, глупыхъ и опасливыхъ, прервать сомни-

тельное путешествіе, но не учелъ, что ему не поспѣть за могучимъ ихъ шагомъ и, безнадежно отставъ, воротился. Изъ-за него пропали безцѣнныя коллекціи. Его надо было убить. Но Грегсонъ спряталъ револьверъ, и мы двинулись дальше, а за нами — тяжко дышащій, спотыкающійся Кукъ.

Лѣсъ понемногу рѣдѣлъ. Меня мучили странныя галлюцинаціи. Я глядѣлъ на диковинные древесные стволы, изъ коихъ нѣкоторые обвиты были толстыми, тѣлеснаго цвѣта, змѣями, и вдругъ, будто сквозь пальцы, мнѣ померещился между стволами полуоткрытый зеркальный шкапъ съ туманными отраженіями, но я встряхнулся, я посмотрѣлъ внимательнымъ взглядомъ, и оказалось, что это обманчиво поблескиваетъ кустъ акреаны, — кудрявое растеніе съ большими ягодами, похожими на жирный черносливъ. Черезъ нѣкоторое время деревья разступились совсѣмъ, и небо выросло передъ нами плотной синей стѣной. Мы очутились на вершинѣ крутого склона. Внизу мрѣло и дымилось огромное болото, и далеко за нимъ виднѣлась дрожащая гряда мутно-лиловыхъ холмовъ.

«Клянусь Богомъ, мы должны вернуться! — рыдающимъ голосомъ произнесъ Кукъ. — Клянусь Богомъ, мы пропадемъ въ этихъ топяхъ, у меня дома семь дочерей и собака. Вернемся, мы знаемъ дорогу назадъ...».

Онъ ломалъ руки, по его толстому лицу съ рыжими треугольниками бровей катился потъ.

«Назадъ, назадъ, — повторялъ онъ. — Вы достаточно наловили мухъ. Вернемся!»

Мы съ Грегсономъ принялись спускаться по каменистому склону. Кукъ остался было стоять наверху — маленькая бѣлая фигура на чудовищно зеленомъ фонѣ лѣса, — но вдругъ взмахнулъ руками, крикнулъ, началъ бокомъ спускаться за нами.

Склонъ какъ бы заострился, образуя каменный гребень, который длиннымъ мысомъ уходилъ въ сверкающія сквозь паръ топи. Полдневное небо, освобожденное теперь отъ лиственныхъ завѣсъ, тяготѣло надъ нами ослѣпительной тьмой, — да, ослѣпительной тьмой, иначе не скажешь. Я старался не поднимать глазъ, — но въ этомъ небѣ, на самой границѣ поля моего зрѣнія, плыли, не отставая отъ меня, бѣлесые штукатурные призраки, лѣпныя дуги и розетки, какими въ Европѣ украшаютъ потолки, — однако, стоило мнѣ посмотрѣть на нихъ прямо, и они исчезали, мгновенно куда-то запавъ, — и снова ровной и густой синевой гремѣло тропическое небо. Мы еще шли по каменному мысу, но онъ все суживался, измѣнялъ намъ. Кругомъ росъ золотой болотный камышъ, подобный милліону обнаженныхъ, горящихъ на солнцѣ сабель. Тамъ и сямъ вспыхивали продолговатыя озерки, надъ ними темными облачками висѣла мошкара. Вотъ, пушистой вывороченной губой, будто испачканной яичнымъ желткомъ, потянулся ко мнѣ крупный болотный цвѣтокъ, родственный орхидеѣ. Грегсонъ взмахивалъ сачкомъ,

проваливался по бедра въ парчевую жижу, и громадная бабочка, хлопнувъ атласнымъ крыломъ, уплывала отъ него черезъ камыши, туда, гдѣ въ мерцаніи блѣдныхъ испареній туманными складками ниспадала какъ бы оконная занавѣска. Не надо, не надо, — я отводилъ глаза, я шелъ дальше за Грегсономъ, то по камню, то по шипящей и чмокающей почвѣ. Меня знобило, несмотря на оранжерейную жару. Я предвидѣлъ, что сейчасъ совсѣмъ обезсилю, что бредовые рисунки и выпуклости, просвѣчивающіе сквозь небо и сквозь золотые камыши, сейчасъ овладѣютъ моимъ сознаніемъ полностью. Мнѣ порою казалось, что Грегсонъ и Кукъ становятся прозрачны, и что сквозь нихъ видны бумажные обои въ камышеобразныхъ, вѣчно повторяющихся узорахъ. Я превозмогалъ себя, таращилъ глаза и продвигался дальше. Кукъ уже ползъ на карачкахъ, кричалъ и хваталъ Грегсона за ноги, но тотъ стряхивалъ его и продолжалъ путь. Я смотрѣлъ на Грегсона, на его упрямый профиль, — и съ ужасомъ чувствовалъ, что забываю, кто такой Грегсонъ, и почему я съ нимъ вмѣстѣ.

Между тѣмъ мы проваливались все чаще, все глубже, трясины сосали насъ, не могли насосаться, мы извивались и выскальзывали. Кукъ падалъ и ползъ, искусанный, опухшій, весь мокрый, — и Боже мой, какъ онъ взвизгивалъ, когда принимались насъ догонять, напрягаясь и пружинисто пролетая сажень и опять сажень, отвратительныя стайки мелкихъ, ярко-зеленыхъ гид-

ротиковыхъ змѣй, привлеченныхъ нашимъ потомъ. Меня же гораздо больше пугало другое: слѣва отъ меня, — всегда почему-то слѣва, — время отъ времени поднималось изъ болота, кренясь среди повторяющихся камышей, какъ бы подобіе большого кресла, а въ дѣйствительности — странная, неповоротливая, сѣрая амфибія, названіе которой Грегсонъ отказывался мнѣ сообщить.

«Привалъ, — сказалъ онъ внезапно, — привалъ». Мы чудомъ выбрались на плоскій каменный островокъ, со всѣхъ сторонъ окруженный болотными растеніями. Грегсонъ снялъ заплечный мѣшокъ и выдалъ намъ туземныхъ лепешекъ, пахнущихъ ипекакуаной, и дюжину акреановыхъ плодовъ. Какъ мнѣ хотѣлось пить, какъ мало мнѣ было скуднаго, вяжущаго сока акреаны...

«Посмотри, это странно, — обратился ко мнѣ Грегсонъ, но не по-англійски, а на какомъ то другомъ языкѣ, дабы не понялъ Кукъ. — Мы должны пробраться къ холмамъ, но странно, — неужели холмы были миражемъ, — смотри, ихъ теперь не видно».

Я приподнялся съ подушки, облокотился на мягкую поверхность камня, — да, дѣйствительно, холмовъ больше не было, — дрожалъ паръ надъ болотомъ... И вотъ опять все кругомъ стало двусмысленно сквозить, я откинулся и тихо сказалъ Грегсону: «Ты вѣроятно не видишь, что-то такое все хочетъ проступить...» «О чемъ ты?» — спросилъ Грегсонъ.

Я спохватился, что говорю глупость, и замолчалъ. Голова у меня кружилась, въ ушахъ было жужжаніе. Грегсонъ, опустившись на одно колѣно, рылся въ мѣшкѣ, но лѣкарствъ тамъ не было, а мой запасъ весь вышелъ. Кукъ сидѣлъ молча, угрюмо ковыряя камень. Разорванный, висящій рукавъ рубашки обнаружилъ его предъплечье и странную на кожѣ татуировку: граненый стаканъ съ блестящей ложечкой, — очень хорошо сдѣланный.

«Вальеръ боленъ, у тебя должны быть облатки», — обратился къ нему Грегсонъ. Я, правда, словъ не слышалъ, но угадывалъ общій смыслъ разговоровъ, которые становились пелѣпыми и какими-то сферическими, когда я вслушивался въ нихъ.

Кукъ медленно повернулся, и стеклянистая татуировка соскользнула съ его кожи въ сторону, повисла въ воздухѣ и поплыла, поплыла, и я ее догонялъ испуганнымъ взглядомъ, но она смѣшалась съ болотнымъ паромъ и слегка лишь блеснула, какъ только я отвернулся.

«Подѣломъ, — пробормоталъ Кукъ. — Пускай... Мы съ вами тоже, — пускай...»

Онъ за послѣднія минуты, то-есть вѣроятно съ тѣхъ поръ, какъ мы расположились на каменномъ островкѣ, сталъ какъ-то больше, раздулся, въ немъ появилось что-то издѣвательское и опасное. Грегсонъ снялъ шлемъ, отеръ грязнымъ платкомъ лобъ, — оранжевый надъ бровями, а повыше бѣлый, — надѣлъ шлемъ снова, — наклонился ко мнѣ и сказалъ: «Подтянись, я

прошу тебя» (или тому подобныя слова). «Мы попытаемся двинуться дальше. Испаренія скрываютъ ихъ, но они тамъ... Я увѣренъ, что около половины болота уже пройдено» (все это очень приблизительно).

«Убійца», — вполголоса проговорилъ Кукъ. Татуировка оказалась снова на его предплечьѣ, — впрочемъ, не весь стаканъ, а одинъ бокъ, другая часть не помѣстилась и отсвѣчивая дрожала въ пустотѣ. «Убійца, — съ удовлетвореніемъ повторилъ Кукъ и поднялъ воспаленные глаза. — Я говорилъ, что мы здѣсь застрянемъ. Черная собака объѣдается падалью. Ми-ре-фа-соль».

«Онъ шутъ, — тихо сообщилъ я Грегсону, — шекспировскій шутъ».

«Шу-шу-шу, — отвѣтилъ мнѣ Грегсонъ, — шу-шу, шо-шо-шо...» «Ты слышишь, — продолжалъ онъ, крича мнѣ въ ухо, — надо встать. Надо двинуться дальше...»

Камень былъ бѣлъ и мягокъ, какъ постель. Я привсталъ, но тотчасъ снова упалъ на подушку.

«Придется его нести, — сказалъ Грегсонъ далекимъ голосомъ. — Помоги...»

«Ну, знаете, это дудки, — отвѣтилъ Кукъ (или такъ мнѣ показалось), — дудки. Предлагаю поживиться его мясомъ, пока онъ не высохъ. Фа-соль-ми-ре».

«Онъ заболѣлъ, онъ тоже заболѣлъ, — вскричалъ я. — Ты здѣсь съ двумя сумасшедшими. Уходи одинъ. Ты дойдешь, — уходи...»

«Такъ мы его и отпустимъ», — проговорилъ Кукъ.

Между тѣмъ бредовыя видѣнія, пользуясь общимъ замѣшательствомъ, тихо и прочно становились на свои мѣста. По небу тянулись и скрещивались линіи туманнаго потолка. Изъ болота поднималось, будто подпираемое снизу, большое кресло. Какія-то блистающія птицы летали въ болотномъ туманѣ и, садясь, обращались мгновенно: та — въ деревянную шишку кровати, эта — въ графинъ. Собравъ всю свою волю, я пристальнымъ взглядомъ согналъ эту опасную ерунду. Надъ камышами летали настоящія птицы съ длинными огненными хвостами. Въ воздухѣ стояло жужжаніе насѣкомыхъ. Грегсонъ отмахивался отъ пестрой мухи и одновременно старался выяснить, къ какому она принадлежитъ виду. Наконецъ онъ не выдержалъ и поймалъ ее въ сачекъ. Движенія его странно мѣнялись, точно ихъ кто то тасовалъ, я его заразъ видѣлъ въ разныхъ позахъ, онъ снималъ себя съ себя, какъ будто состоялъ изъ многихъ стеклянныхъ Грегсоновъ, не совпадающихъ очертаніями, — но вотъ онъ снова уплотнился, крѣпко всталъ: онъ трясъ Кука за плечо.

«Ты мнѣ поможешь его нести, — отчетливо говорилъ Грегсонъ. — Если бы ты не былъ предателемъ, мы бы не оказались въ такомъ положеніи».

Кукъ молчалъ, медленно багровѣя.

«Смотри, Кукъ, — будетъ худо, — сказалъ Грегсонъ. — Я тебѣ говорю въ послѣдній разъ...»

И тутъ случилось то, что назрѣвало давно. Кукъ, какъ быкъ, въѣхалъ головой Грегсону въ

животъ, оба упали, Грегсонъ успѣлъ вытащить револьверъ, но Куку удалось выбить револьверъ изъ его руки, — и тогда они обнялись и стали кататься въ обнимку, оглушительно дыша. Я безсильно смотрѣлъ на нихъ. Широкая спина Кука напрягалась, позвонки просвѣчивали сквозь рубашку, но вдругъ, вмѣсто спины, оказывалась на виду его же нога, съ синей жилой вдоль рыжей голени, и сверху наваливался Грегсонъ, шлемъ его слетѣлъ и покатился, переваливаясь, какъ половина огромнаго картоннаго яйца. Откуда-то, изъ тѣлесныхъ лабиринтовъ, выюлили пальцы Кука, въ нихъ былъ зажатъ ржавый, но острый ножъ, ножъ вошелъ въ спину Грегсону, какъ въ глину, но Грегсонъ только крякнулъ, и оба нѣсколько разъ перевернулись, и когда опять показалась спина моего друга, тамъ торчала рукоятка и верхняя половина лезвія, а самъ онъ вцѣпился въ толстую шею Кука и съ трескомъ давилъ, и Кукъ сучилъ ногами... Въ послѣдній разъ перевалились они полнымъ оборотомъ, и уже виднѣлась лишь четверть лезвія, — нѣтъ, пятая доля, — нѣтъ, даже и этого не было видно: оно вошло до конца. Грегсонъ замеръ, навалившись на Кука, который затихъ тоже.

Я смотрѣлъ и думалъ почему-то (болѣзненный туманъ чувствъ...), что все это безвредная игра, что они сейчасъ встанутъ и, отдышавшись, мирно понесутъ меня черезъ топи къ синимъ прохладнымъ холмамъ, въ тѣнистое мѣсто, гдѣ будетъ журчать вода. Но внезапно, на этомъ по-

слѣднемъ перегонѣ смертельной моей болѣзни, — ибо я зналъ, что черезъ нѣсколько минутъ умру, — такъ вотъ, въ эти послѣднія минуты на меня нашло полное проясненіе, — я понялъ, что все происходящее вокругъ меня вовсе не игра воспаленнаго воображенія, вовсе не вуаль бреда, сквозь которую нежелательными просвѣтами пробивается моя будто-бы настоящая жизнь въ далекой европейской столицѣ, — обои, кресло, стаканъ съ лимонадомъ, — я понялъ, что назойливая комната — фальсификація, ибо все, что за смертью, есть въ лучшемъ случаѣ фальсификація, наспѣхъ склеенное подобіе жизни, меблированныя комнаты небытія. Я понялъ, что подлинное — вотъ оно: вотъ это дивное и страшное тропическое небо, эти блистательныя сабли камышей, этотъ паръ надъ ними, и толстогубые цвѣты, льнущіе къ плоскому островку, гдѣ рядомъ со мной лежатъ два сцѣпившихся трупа. И понявъ это, я нашелъ въ себѣ силы подползти къ нимъ, вытащить ножъ изъ спины Грегсона, моего вождя, моего товарища. Онъ былъ мертвъ, онъ былъ совсѣмъ мертвъ, и всѣ баночки въ его карманахъ были разбиты, раздавлены. Мертвъ былъ и Кукъ, изъ его рта вылѣзалъ чернильно-синій языкъ. Я разжалъ пальцы Грегсона, я, обливаясь потомъ, перевернулъ его тѣло, — губы были полуоткрыты и въ крови, лицо, уже твердое съ виду, казалось плохо выбритымъ, голубые бѣлки сквозили между вѣкъ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ все это ясно, воочію, съ печатью подлинности на всемъ,

видѣлъ ихъ ободранныя колѣни, цвѣтныхъ мухъ, вьющихся надъ ними, самокъ этихъ мухъ, уже примѣряющихся къ яйцекладкѣ. Неуклюже орудуя ослабѣвшими руками, я вынулъ изъ грудного карманчика моей рубашки толстую записную книжку, — но тутъ меня охватила слабость, я сѣлъ, я поникъ головой... и все-таки превозмогъ этотъ нетерпѣливый туманъ смерти и оглядѣлся. Синева, зной, одиночество, — и какъ мнѣ жаль было Грегсона, который никогда не вернется домой, — я даже вспомнилъ его жену и старуху-кухарку, и попугаевъ, и еще многое... а затѣмъ я подумалъ о нашихъ открытіяхъ, о драгоцѣнныхъ находкахъ, о рѣдкихъ, еще не описанныхъ растеніяхъ и тваряхъ, которымъ уже не мы дадимъ названія. Я былъ одинъ. Туманнѣе сверкали камыши, блѣднѣе пылало небо. Я послѣдилъ глазами за восхитительнымъ жучкомъ, который ползъ по камню, но у меня уже не было силъ его поймать. Все линяло кругомъ, обнажая декораціи смерти, — правдоподобную мебель и четыре стѣны. Послѣднимъ моимъ движеніемъ было раскрыть сырую отъ пота книжку, — надо было кое-что записать непремѣнно, — увы, она выскользнула у меня изъ рукъ, я пошарилъ по одѣялу, — но ея уже не было.

Встрѣча

У Льва былъ братъ Серафимъ, Серафимъ былъ старше и толще его, — впрочемъ весьма возможно, что за эти девять, нѣтъ, позвольте, десять, Боже мой — десять съ лишкомъ лѣтъ, онъ похудѣлъ, кто его знаетъ, — будетъ извѣстно черезъ нѣсколько минутъ. Левъ уѣхалъ, Серафимъ остался, — и то и другое произошло совсѣмъ случайно, — и даже, если хотите, именно Левъ былъ скорѣе лѣвоватъ, Серафимъ же, только что окончившій тогда Политехникумъ, ни о чемъ, кромѣ какъ о своемъ поприщѣ не думалъ, боялся политическихъ сквозняковъ, странно, странно, странно, — черезъ нѣсколько минутъ онъ войдетъ. Обняться? Сколько лѣтъ, сколько зимъ? Спецъ. О, эти слова съ отъѣденными хвостами, точно рыбьи головизны... спецъ...

Утромъ былъ телефонный звонокъ, чужой женскій голосъ по-нѣмецки сообщилъ: пріѣхалъ, хотѣлъ бы сегодня вечеромъ зайти, завтра уѣз-

жаетъ. Неожиданность, — хотя Левъ уже зналъ, что братъ въ Берлинѣ. У Льва былъ знакомый, у котораго былъ знакомый, у котораго, въ свою очередь, былъ знакомый, служившій въ торгпредствѣ. Командировка, закупаетъ что-нибудь. Онъ въ партіи? Десять съ лишкомъ лѣтъ.

Всѣ эти годы они не сносились другъ съ другомъ, Серафимъ ровно ничего не зналъ о братѣ, Левъ почти ничего не зналъ о Серафимѣ. Раза два имя Серафима просквозило въ сѣрой, какъ дымовая завѣса, совѣтской газетѣ, которую Левъ просматривалъ въ библіотекѣ. «А поскольку — писалъ Серафимъ, — основной предпосылкой индустріализаціи является укрѣпленіе соціалистическихъ элементовъ въ нашей экономической системѣ вообще, коренной сдвигъ въ деревнѣ выдвигается, какъ одна изъ особо существенныхъ и первоочередныхъ текущихъ задачъ».

Левъ, съ простительнымъ запозданіемъ доучившійся въ пражскомъ университетѣ (диссертація о славянофильскихъ теченіяхъ въ русской литературѣ), теперь искалъ счастья въ Берлинѣ, и все не могъ рѣшить, въ чемъ оно, это счастье, — въ торговлѣ всякими пустяками, какъ совѣтовалъ Лещеевъ, или въ типографской работѣ, какъ предлагалъ Фуксъ. Къ слову сказать, Лещеевъ и Фуксъ съ женами собирались его навѣстить какъ разъ въ этотъ вечеръ, было русское Рождество, Левъ на послѣднія деньги купилъ подержанную елочку, ростомъ въ поларшина, пятокъ малиновыхъ свѣчекъ, фунтъ сухарей, полфунта конфетъ. Гости обѣщали позабо-

титься о водкѣ и винѣ. Но, какъ только сдѣлано было ему конспиративное и невѣроятное сообщеніе о желаніи брата повидаться съ нимъ, — Левъ поспѣшилъ гостей отмѣнить. Лещеевыхъ не оказалось дома, — онъ передалъ черезъ прислугу: непредвидѣнное дѣло. Конечно, бесѣда съ братомъ, на юру, съ глазу на глазъ, будетъ крайне мучительной, но еще хуже, если... «...Это мой братъ, изъ Россіи». — «Очень пріятно. Ну, что, — скоро они подохнутъ?». — «То-есть, кто — они? Я васъ не понимаю». Особенно горячъ и нетерпимъ былъ Лещеевъ... Нѣтъ, нѣтъ, отмѣнить.

Теперь, около восьми вечера, онъ похаживалъ по своей бѣдной, но чистенькой комнатѣ, стукаясь то о столъ, то о бѣлую грядку топцей кровати, — бѣдный, но чистенькій господинъ, въ черномъ костюмѣ съ лоскомъ, въ отложномъ воротничкѣ, слишкомъ для него широкомъ. У него было безбородое, курносое, простоватое лицо, съ маленькими, слегка безумными глазами. Онъ носилъ гетры, чтобы скрыть дырки въ носкахъ. Недавно онъ разошелся съ женой, которая совершенно неожиданно измѣнила ему, — и съ кѣмъ, съ кѣмъ... съ пошлякомъ, съ ничтожествомъ... Онъ теперь убралъ ея портретъ, — иначе пришлось бы отвѣчать на вопросы брата («Кто это?» «Моя бывшая жена». «То-есть, какъ — бывшая?...»). Убралъ онъ и елку, — выставилъ ее, съ разрѣшенія квартирной хозяйки, на хозяйскій балконъ, — а то, кто его знаетъ, еще посмѣется надъ эмигрантской чувствительностью. Нечего

было покупать. Традиція. Гости, огоньки. Потушите свѣтъ, чтобы только она горѣла. Зеркально играющіе глаза госпожи Лещеевой.

О чемъ же говорить съ братомъ? Разсказать вскользь, беззаботно, о приключеніяхъ на югѣ Россіи, въ пору Гражданской войны? Шутливо пожаловаться на сегодняшнюю (нестерпимую, задыхающуюся) нищету? Притвориться человѣкомъ съ широкими взглядами, стоящимъ выше эмигрантской злобы, понимающимъ... что понимающимъ? Что Серафимъ могъ предпочесть моей бѣдности, моей чистотѣ — дѣятельное сотрудничество... съ кѣмъ, съ кѣмъ! Или напротивъ, — нападать, стыдить, спорить, а не то — ѣдко острить: Терминъ «пятилѣтка» напоминаетъ мнѣ чѣмъ-то конскій заводъ.

Онъ вообразилъ Серафима, его мясистыя пологія плечи, огромныя галоши, лужи въ саду передъ дачей, смерть родителей, начало революціи... Никогда не были они особенно дружны, — еще въ гимназіи у каждаго были свои товарищи, свои учителя... Лѣтомъ семнадцатаго года былъ у Серафима довольно неказистый романъ съ сосѣдкой по дачѣ, женой присяжнаго повѣреннаго. Истошные крики присяжнаго повѣреннаго, мордобой, немолодая, растрепанная женщина съ кошачьимъ лицомъ, бѣгущая по аллеѣ, и гдѣ-то на заднемъ планѣ скандальный звонъ разбитаго стекла. Однажды Серафимъ, купаясь въ рѣкѣ, чуть не утонулъ... Вотъ наиболѣе яркія воспоминанія о немъ, — не Богъ вѣсть какія. Кажется, что помнишь человѣка живо, подробно, а

подумаешь, и получается такъ глупо, такъ скудно, такъ мелко, — обманчивый фасадъ, дутыя предпріятія памяти. А какъ-никакъ, родной братъ. Онъ много ѣлъ. Онъ былъ аккуратенъ. Что еще? Какъ то разъ вечеромъ, за чайнымъ столомъ...

Пробило восемь часовъ. Левъ нервно посмотрѣлъ въ окно. Моросило, расплывались въ глазахъ фонари. Бѣлѣли остатки мокраго снѣга вдоль панели. Подогрѣтое Рождество. Напротивъ съ балкона свѣшивались, вяло трепеща въ темнотѣ, блѣдныя бумажныя ленты, оставшіяся отъ нѣмецкаго Новаго Года. Внезапный звонокъ съ парадной былъ какъ электрическая вспышка гдѣ-то подложечкой.

Еще крупнѣе, еще толще, чѣмъ прежде. Онъ дѣлалъ видъ, что страшно запыхался. Онъ взялъ Льва за руку. Оба молчали, одинаково осклабясь. Русское ватное пальто съ небольшимъ каракулевымъ воротникомъ, застегивающимся на крючокъ, сѣрая заграничная шляпа.

— Вотъ сюда, — сказалъ Левъ. — Снимай. Давай, я сюда положу. Ты сразу нашелъ?

— Унтергрундомъ, — сказалъ Серафимъ, пыхтя. — Ну-ну, вотъ значитъ какъ...

Съ преувеличеннымъ вздохомъ облегченія онъ сѣлъ въ кресло.

— Сейчасъ сдѣлаемъ чай, — суетливо сказалъ Левъ, возясь со спиртовкой на умывальникѣ.

— Погодка, — сказалъ Серафимъ, потирая руки. Въ дѣйствительности было на дворѣ не холодно.

Спиртъ помѣщался въ мѣдномъ шарѣ; если повернуть винтъ, спиртъ просачивался въ черный желобокъ. Надо было чуть-чуть выпустить, завинтить опять и поднести спичку. Загорался мягкій желтоватый огонь, плавалъ въ желобкѣ, постепенно умиралъ, и тогда слѣдовало открыть кранъ вторично, и съ громкимъ стукомъ — подъ чугунной подставкой, гдѣ съ видомъ жертвы стоялъ высокій жестяной чайникъ съ родимымъ пятномъ на боку, — вспыхивалъ уже совсѣмъ другой, матово-голубой огонь, зубчатая голубая корона. Какъ и почему все это происходило, Левъ не зналъ, да этимъ и не интересовался. Онъ слѣпо слѣдовалъ наставленіямъ хозяйки. Серафимъ сперва смотрѣлъ на возню со спиртовкой черезъ плечо, поскольку ему это позволяла тучность, — а потомъ всталъ, подошелъ, и нѣкоторое время они говорили о машинкѣ, Серафимъ объяснилъ ея устройство и нѣжно повертѣлъ винтъ.

—Ну, какъ живешь? — спросилъ онъ, снова погружаясь въ тѣсное кресло.

— Да вотъ — какъ видишь, — отвѣтилъ Левъ. — Сейчасъ будетъ чай. Если ты голоденъ, у меня есть колбаса.

Серафимъ отказался, обстоятельно высморкался и заговорилъ о Берлинѣ.

—Перещеголяли Америку, — сказалъ онъ. — Какое движеніе на улицахъ. Городъ измѣнился чрезвычайно. Я, знаешь, пріѣзжалъ сюда въ двадцать четвертомъ году.

— Я тогда жилъ въ Прагѣ, — сказалъ Левъ.

— Вотъ какъ, — сказалъ Серафимъ.

Молчаніе. Оба смотрѣли на чайникъ, точно ожидая отъ него чуда.

— Скоро закипитъ, — сказалъ Левъ. — Возьми пока этихъ карамелекъ.

Серафимъ взялъ, у него задвигалась лѣвая щека. Левъ все не рѣшался сѣсть: сѣсть значило расположиться къ бесѣдѣ, — онъ предпочиталъ стоять или слоняться между кроватью и столомъ. На безцвѣтномъ коврѣ было разсыпано нѣсколько хвойныхъ иглъ. Вдругъ легкое шипѣніе прекратилось.

— Потухъ нѣмецъ, — сказалъ Серафимъ.

— Это мы сейчасъ, — заторопился Левъ, — это мы сейчасъ.

Но спирта въ бутылкѣ больше не оказалось. «Какая исторія... Я, знаешь, попрошу у хозяйки».

Онъ вышелъ въ коридоръ, направляясь въ сторону хозяйскихъ апартаментовъ. Идіотство. Зналъ, что нужно купить... Дали бы въ долгъ. И забылъ. Онъ постучалъ въ дверь. Никого. Поль вниманія, фунтъ презрѣнія. Почему она вспомнилась, эта школьная прибаутка. Постучалъ еще разъ. Все темно. Ушла. Онъ пробрался къ кухнѣ. Кухня была предусмотрительно заперта.

Левъ постоялъ въ темномъ коридорѣ, думая не столько о спиртѣ, сколько о томъ, какое это облегченіе побыть минуту одному, и какъ мучительно возвращаться въ напряженную комнату, гдѣ плотно сидитъ чужой человѣкъ. О чемъ говорить? Статья о Фарадеѣ въ старомъ номерѣ

нѣмецкаго журнала. Нѣтъ, не то. Когда онъ вернулся, Серафимъ стоялъ у этажерки и разглядывалъ потрепанныя, несчастныя на видъ, книги.

— Вотъ исторія, — сказалъ Левъ. — Прямо обидно. Ты ради Бога прости. Можетъ быть...

(Можетъ быть, вода была на краю кипѣнія? Нѣтъ. Едва теплая).

— Ерунда, — сказалъ Серафимъ. — Я, признаться, небольшой любитель чаю. Ты что, много читаешь?

(Спуститься въ кабакъ за пивомъ? Не хватитъ, не дадутъ. Чортъ знаетъ что, на конфеты ухлопалъ, на елку).

— Да, читаю, — сказалъ онъ вслухъ. — Ахъ, какъ это непріятно, какъ непріятно. Если бы хозяйка...

— Брось, — сказалъ Серафимъ. — Обойдемся. Вотъ, значитъ, какія дѣла. Да. А какъ вообще? Здоровье какъ? Здоровъ? Самое главное — здоровье. А я вотъ мало читаю, — продолжалъ онъ, косясь на этажерку. — Все некогда. На-дняхъ въ поѣздѣ мнѣ попалась подъ руку...

Изъ коридора донесся телефонный звонъ.

— Прости, — сказалъ Левъ. — Тишь, — вотъ тутъ сухари, карамели. Я сейчасъ. — Онъ поспѣшно вышелъ.

— Что это вы, синьоръ? — сказалъ въ телефонъ голосъ Лещеева. — Что это, право? Что случилось? Больны? Что? Не слышу. Громче. «Непредвидѣнное дѣло, — отвѣтилъ Левъ. —

Я же передавалъ». «Передавалъ, передавалъ. Ну что вы, дѣйствительно. Праздникъ, вино куплено, жена вамъ подарокъ приготовила». «Не могу, — сказалъ Левъ. — Мнѣ очень самому...» «Вотъ чудакъ! Послушайте, развяжитесь тамъ съ вашимъ дѣломъ, — и мы къ вамъ. Фуксы тоже здѣсь. Или, знаете, еще лучше, айда къ намъ. А? Оля, молчи, не слышу. Что вы говорите?» «Не могу, у меня... Однимъ словомъ, я занятъ». Лещеевъ выругался. «До свиданія», — неловко сказалъ Левъ въ уже мертвую трубку.

Теперь Серафимъ разглядывалъ не книги, а картину на стѣнѣ.

— По дѣлу. Надоѣдливый, — проговорилъ морщась Левъ. — Прости, пожалуйста.

— Много у тебя дѣлъ? — спросилъ Серафимъ, не сводя глазъ съ олеографіи, изображавшей женщину въ красномъ и чернаго, какъ сажа, пуделя.

— Да, зарабатываю, статьи, всякая всячина, — неопредѣленно отвѣтилъ Левъ. — А ты, — ты, значитъ, ненадолго сюда?

— Завтра, вѣроятно, уѣду. Я и сейчасъ къ тебѣ ненадолго. Мнѣ еще сегодня нужно...

— Садись, — что же ты...

Серафимъ сѣлъ. Помолчали. Обоимъ хотѣлось пить.

— Насчетъ книгъ, — сказалъ Серафимъ. — То да се. Нѣтъ времени. Вотъ въ поѣздѣ... случайно попалась... Отъ нечего дѣлать прочелъ. Романъ. Ерунда, конечно, но довольно занятно, о кровосмѣсительствѣ. Ну-съ...

Онъ обстоятельно разсказалъ содержаніе. Левъ кивалъ, смотрѣлъ на его солидный сѣрый костюмъ, на большія гладкія щеки, смотрѣлъ и думалъ: Неужели надо было спустя десять лѣтъ опять встрѣтиться съ братомъ только для того, чтобы обсуждать пошлѣйшую книжку Леонарда Франка? Ему вовсе не интересно объ этомъ говорить, и мнѣ вовсе не интересно слушать. О чемъ я хотѣлъ заговорить? Какой мучительный вечеръ.

— Помню, читалъ. Да, это теперь модная тема. Ѣшь конфеты. Мнѣ такъ совѣстно, что нѣтъ чаю. Ты, говоришь, нашелъ, что Берлинъ очень измѣнился. (Не то. Объ этомъ уже было).

— Американизація, — отвѣтилъ Серафимъ. — Движеніе. Замѣчательные дома.

Пауза.

— Я хотѣлъ спросить тебя, — судорожно сказалъ Левъ. — Это не совсѣмъ твоя область, но вотъ — здѣсь, въ журналѣ... Я не все понялъ. Вотъ это, напримѣръ. Эти его опыты.

Серафимъ взялъ журналъ и сталъ объяснять. «Что же тутъ непонятнаго? До образованія магнитнаго поля, — ты знаешь, что такое магнитное поле? — ну вотъ, до его образованія существуетъ такъ называемое поле электрическое. Его силовыя линіи расположены въ плоскостяхъ, которыя проходятъ черезъ вибраторъ. Замѣть, что, по ученію Фарадея, магнитная линія представляется замкнутымъ кольцомъ. Между тѣмъ какъ электрическая всегда разомкнута, — дай

мнѣ карандашъ, — впрочемъ, у меня есть, — спасибо, спасибо, у меня есть.

Онъ долго объяснялъ, чертилъ что-то, и Левъ смиренно кивалъ. О Юнгѣ, о Максвелѣ, о Герцѣ. Прямо докладъ. Потомъ онъ попросилъ стаканъ воды.

— А мнѣ, знаешь, пора, — сказалъ онъ, облизываясь и ставя стаканъ обратно на столъ. — Пора. — Онъ вынулъ откуда-то изъ живота толстые часы. — Да, пора.

— Что ты, посиди еще, — пробормоталъ Левъ, но Серафимъ покачалъ головой и всталъ, оттягивая книзу жилетъ. Его взглядъ снова уставился на олеографію: женщина въ красномъ и черный пудель.

— Ты не помнишь, какъ его звали? — сказалъ онъ, впервые за весь вечеръ непритворно улыбнувшись.

— Кого? — спросилъ Левъ.

— Помнишь, — Тихотскій приходилъ къ намъ на дачу съ пуделемъ. Какъ звали пуделя?

— Позволь, — сказалъ Левъ. — Позволь. Да, дѣйствительно... Я сейчасъ вспомню.

— Черный такой, — сказалъ Серафимъ. — Очень похожъ. Куда ты мое пальто... Ахъ, вотъ. Уже.

— У меня тоже выскочило изъ головы, — проговорилъ Левъ. — Въ самомъ дѣлѣ, какъ его звали?

— Ну, чортъ съ нимъ. Я пошелъ. Ну-съ... Очень былъ радъ тебя повидать... — Онъ ловко, несмотря на свою грузность, надѣлъ пальто.

— Провожу тебя, — сказалъ Левъ, доставая свой потасканный макинтошъ.

Оба одновременно кашлянули, это вышло глупо. Потомъ молча спустились по лѣстницѣ, вышли на улицу. Моросило.

— Я на унтергрундъ. Но какъ все-таки его звали? Черный, помпоны на лапахъ. Вотъ удивительно... Память тоже.

— Буква «т», — отозвался Левъ, — это я навѣрное помню. Буква «т».

Они перешли наискось на другую сторону улицы.

— Какая мокредь, — сказалъ Серафимъ. — Ну-ну... Такъ неужели мы не вспомнимъ? На «т», говоришь?

Свернули за уголъ. Фонарь. Лужа. Темное зданіе почтамта. Около марочнаго автомата стояла, какъ всегда, нищая старуха. Она протянула руку съ двумя коробками спичекъ. Лучъ фонаря скользнулъ по ея впалой щекѣ, подъ ноздрей дрожала яркая капелька.

— Прямо обидно, — воскликнулъ Серафимъ. — Знаю, что сидитъ у меня въ мозговой ячейкѣ, но невозможно добраться.

— Какъ ее звали, какъ ее звали, — подхватилъ Левъ. — Дѣйствительно это нелѣпо, что мы не можемъ... Помнишь, она разъ потерялась, Тихотскій цѣлый часъ стоялъ въ лѣсу и звалъ. Начинается на «т», навѣрное.

Дошли до сквера. За скверомъ горѣла на синемъ стеклѣ жемчужная подкова — гербъ ун-

тергрунда. Каменныя ступени, ведущія въ глубину.

— Ну, ничего не подѣлаешь, — сказалъ Серафимъ. — Будь здоровъ. Какъ-нибудь опять встрѣтимся.

— Что-то вродѣ Тушкана... Тошка... Тапка... — сказалъ Левъ. — Нѣтъ, не могу. Это безнадежно. И ты будь здоровъ. Всѣхъ благъ.

Серафимъ помахалъ растопыренной рукой, его широкая спина сгорбилась и скрылась въ глубинѣ. Левъ медленно пошелъ обратно, — черезъ скверъ, мимо почтамта, мимо нищей... Вдругъ онъ остановился. Въ памяти, въ какой-то точкѣ памяти, намѣтилось легкое движеніе, будто что-то очень маленькое проснулось и зашевелилось. Слово еще было незримо, — но уже его тѣнь протянулась — какъ бы изъ-за угла, — и хотѣлось на эту тѣнь наступить, не дать ей опять втянуться. Увы, не успѣлъ. Все исчезло, — но, въ то мгновеніе, какъ мозгъ пересталъ напрягаться, снова и уже яснѣе дрогнуло что-то, и, какъ мышь, выходящая изъ щели, когда въ комнатѣ тихо, появилось, легко, беззвучно и таинственно, живое словесное тѣльце... «Дай лапу, Шутикъ». Шутикъ! Какъ просто. Шутикъ...

Онъ невольно оглянулся, подумалъ, что Серафимъ, сидя въ подземномъ вагонѣ, тоже, быть можетъ, вспомнилъ. Жалкая встрѣча.

Левъ вздохнулъ, посмотрѣлъ на часы и, увидя что еще не поздно, рѣшилъ направиться къ дому, гдѣ жили Лещеевы, — похлопать въ ладони, авось отопрутъ.

Хватъ

Нашъ чемоданъ тщательно изукрашенъ цвѣтными наклейками, — Нюрнбергъ, Штуттгартъ, Кельнъ, (и даже Лидо, но это подлогъ); у насъ темное, въ пурпурныхъ жилкахъ, лицо, черные подстриженные усы и волосатыя ноздри; мы рѣшаемъ, сопя, крестословицу. Въ отдѣленіи третьяго класса мы одни, и посему намъ скучно.

Поздно вечеромъ пріѣдемъ въ маленькій сладострастный городъ. Свобода дѣйствій! Ароматъ коммерческихъ путешествій! Золотой волосокъ на рукавѣ пиджака! О женщина, твое имя — золотце... Такъ мы называли нашу маму, а потомъ — Катеньку. Психоанализъ: мы всѣ Эдипы. За прошлую поѣздку измѣнено было Катенькѣ трижды, и это обошлось въ тридцать марокъ. Почему въ городѣ, гдѣ живешь, онѣ всегда мордастыя, а въ незнакомомъ — прекраснѣе античныхъ гетеръ? Но еще слаще: элегантность случайной встрѣчи, вашъ профиль напоминаетъ мнѣ ту, изъ-за которой когда-то... Одна единственная ночь, послѣ чего разойдемся, какъ корабли...

Еще возможность: она окажется русской. Позвольте представиться: Константинъ... фамилью, пожалуй, не говорить, — или можетъ быть выдумать? Сумароковъ. Да, родственники.

Мы не знаемъ извѣстнаго турецкаго генерала и не можемъ найти ни отца авіаціи, ни американскаго грызуна, — а въ окно смотрѣть тоже неособенно забавно. Поле. Дорога. Елки-палки. Домишко и огородъ. Поселяночка, ничего, молодая.

Катенька — типъ хорошей жены. Лишена страстей, превосходно стряпаетъ, моетъ каждое утро руки до плечъ и не очень умна: потому не ревнива. Принимая во вниманіе доброкачественную ширину ея таза, довольно странно, что уже второй ребеночекъ рождается мертвымъ. Тяжкія времена. Живешь въ гору. Абсолютный маразмъ, пока уговоришь двадцать разъ вспотѣешь, а изъ нихъ комиссіонныя выжимай по каплѣ. Боже мой, какъ хочется поиграть въ феерически освѣщенномъ номерѣ съ золотистымъ, граціознымъ чертенкомъ... Зеркала, вакханалія, пара шнапсовъ. Еще цѣлыхъ пять часовъ. Говорятъ, желѣзнодорожная ѣзда располагаетъ къ этому. Крайне расположенъ. Вѣдь какъ тамъ не верти, а главное въ жизни — здоровая романтика. Не могу думать о торговлѣ пока не пойду навстрѣчу моимъ романтическимъ интересамъ. Такой планъ: Сперва — въ кафэ, о которомъ говорилъ Ланге. Если тамъ не найдется...

Шлагбаумъ, пакгаузы, большая станція. Нашъ путникъ спустилъ оконную раму и оперся на

нее, разставивъ локти. Черезъ перронъ дымились вагоны какого-то экспресса. Подъ вокзальнымъ куполомъ смутно перелетали голуби. Сосиски кричали дискантомъ, пиво — баритономъ. Барышня въ бѣломъ джамперѣ, то соединяя оголенныя руки за спиной (и покачиваясь, и хлопая себя сзади по юбкѣ сумкой), то скрещивая ихъ на груди (и наступая ногой на собственную ногу), то, наконецъ, держа сумку подмышкой и съ легкимъ трескомъ засовывая проворные пальцы за блестящій черный поясъ, стояла, говорила, смѣялась, — и напутственно касалась собесѣдника, и опять извивалась на мѣстѣ, загорѣлая, съ открытыми ушами, — и на пряничной кожѣ предплечья — очаровательная царапина. Не смотритъ, но все равно, будемъ фиксировать. Въ лучахъ напряженнаго взгляда она начинаетъ млѣть и слегка расплываться. Сейчасъ сквозь нее проступитъ все что за ней, — мусорный ящикъ, реклама, скамья. Но тутъ къ сожалѣнію пришлось хрусталику вернуться къ нормальному состоянію, — все передвинулось, мужчина вскочилъ въ сосѣдній вагонъ, поѣздъ тронулся, она вынула изъ сумки платокъ. Когда, уже отставая, она поравнялась съ окномъ, Константинъ, Костя, Костенька, трижды смачно поцѣловалъ свою ладонь и осклабился, — но она и этого не замѣтила: ритмично помахивая платкомъ, уплыла.

Поднявъ раму и обернувшись, онъ съ пріятнымъ удивленіемъ увидѣлъ, что за время его гипнотическихъ занятій отдѣленіе успѣло наполниться. Трое съ газетами, — а въ углу, по

діагонали, черноволосая напудренная дама въ беретѣ и глянцевитомъ, полупрозрачномъ, какъ желатинъ, пальто, непроницаемомъ можетъ быть для дождя, но не для взгляда. Корректныя шутки и правильный глазомѣръ, — вотъ нашъ девизъ.

Минутъ черезъ десять онъ уже разговорился съ аккуратнымъ старикомъ, сидѣвшимъ напротивъ, — вступительная тема прошла мимо окна въ видѣ фабричной трубы, — и затѣмъ было сказано нѣсколько цифръ, — и оба выразились съ печальной насмѣшкой о наставшихъ временахъ, а блѣдная дама положила на полку художочный букетъ незабудокъ и, вынувъ изъ чемодана журналъ, погрузилась въ прозрачное чтеніе: сквозь него просвѣчиваетъ нашъ ласковый голосъ, напа дѣльная рѣчь. Вмѣшался второй мужчина, чудный толстякъ въ клѣтчатыхъ штанахъ, засупоненныхъ въ зеленые чулки, и заговорилъ о свиноводствѣ. Какой хорошій знакъ: она оправляетъ всякое мѣсто, на которое посмотришь. Третій, дерзкій нелюдимъ, скрывался за газетой. На слѣдующей станціи свиноводъ и старикъ вышли, нелюдимъ удалился въ вагонъ-ресторанъ, а дама пересѣла къ окну.

Разберемъ по статьямъ. Траурное выраженіе глазъ, развратныя губы. Первоклассныя ноги, искусственный шелкъ. Что лучше: опытность интересной тридцатилѣтней брюнетки или глупая свѣжесть золотистой егозы? Сегодня лучше первое, а завтра будетъ видно. Далѣе: сквозь желатинъ пальто — прекрасное обнаженное тѣло, —

какъ наяда сквозь желтую воду Рейна. Судорожно вставъ, она сняла пальто, но подъ нимъ оказалось бежевое платье съ круглымъ пикейнымъ воротничкомъ. Поправь его. Такъ.

— Майская погода, — любезно сказалъ Константинъ, — а тутъ все еще топятъ.

Она подняла бровь и отвѣтила: «Да, жарко, я смертельно устала. Мой контрактъ кончился, я теперь ѣду домой. Всѣ меня угощали, буфетъ на вокзалѣ первосортный, я слишкомъ много выпила, — но я никогда не пьянѣю, а только чувствую тяжесть въ желудкѣ. Жить стало трудно, я получаю больше цвѣтовъ, чѣмъ денегъ, и теперь я буду рада отдохнуть, а черезъ мѣсяцъ новый ангажементъ, но откладывать что-либо разумѣется невозможно. Этотъ толстопузый, который сейчасъ вышелъ, велъ себя неприлично. Какъ онъ на меня смотрѣлъ. Мнѣ кажется, что я ѣду давно-давно, и такъ хочется скорѣй вернуться въ свою уютную квартирку, подальше отъ всей этой кутерьмы, болтовни, чепухи».

— Позвольте вамъ предложить, — сказалъ Костя, — смягчающее вину обстоятельство.

Онъ вынулъ изъ подъ себя обшитую пестрымъ сатиномъ, прямоугольную, надувную подушечку, которую всегда подкладывалъ во время своихъ твердыхъ, плоскихъ, геморроидальныхъ поѣздокъ.

— А вы сами? — спросила дама.

— Обойдемся, обойдемся. Попрошу васъ привстать. Пардонъ. Теперь сядьте. Неправда-ли мягко? Эта часть особенно чувствительна въ дорогѣ.

— Благодарю васъ, — сказала она. — Не всѣ мужчины такъ внимательны. Я очень похудѣла за послѣдній мѣсяцъ. Какъ хорошо: прямо какъ во второмъ классѣ.

— У насъ, сударыня, галантность — врожденное свойство. Да, я иностранецъ. Русскій. Разъ было такъ: мой отецъ гулялъ по своему помѣстью со старымъ пріятелемъ, извѣстнымъ генераломъ, навстрѣчу попалась крестьянка — старушка такая съ вязанкой дровъ, — и мой отецъ снялъ шляпу, а генералъ удивился, и тогда мой отецъ сказалъ: «Неужели вы хотите, ваше превосходительство, чтобы простая крестьянка была вѣжливѣе дворянина?»

— Я знаю одного русскаго, — вы навѣрное тоже слыхали, — позвольте, какъ его? Барецкій... Барацкій... Изъ Варшавы, — у него теперь въ Хемницѣ аптекарскій магазинъ... Барацкій... Барецкій... Вы навѣрное знаете?

— Нѣтъ. Россія велика. Наше помѣстье напримѣръ было величиной съ вашу Саксонію. И все потеряно, все сожжено. Зарево было видно на семьдесятъ километровъ. Моихъ родителей растерзали на моихъ глазахъ. Меня спасъ нашъ вѣрный слуга, ветеранъ турецкой кампаніи...

— Ужасно, — сказала она, — ужасно.

— Да, но это закаляетъ. Я бѣжалъ, переодѣвшись крестьянкой. Изъ меня вышла въ тѣ годы очень недурная дѣвочка. Ко мнѣ приставали солдаты... Особенно одинъ негодяй... Случилась, между прочимъ, пресмѣшная исторія.

Разсказалъ эту исторію. «Фуй», — произнесла она съ улыбкой.

— Ну, а потомъ — годы скитаній, множество профессій. Я, знаете, даже чистилъ сапоги, — а во снѣ видѣлъ тотъ уголъ сада, гдѣ старый дворецкій при свѣтѣ факела закопалъ наши фамильныя драгоцѣнности... Была, помню, сабля, осыпанная бриллiантами...

— Я сейчасъ вернусь, — сказала дама.

Вернувшись, она снова опустилась на неуспѣвшую остыть подушечку и мягко скрестила ноги.

— Кромѣ того, два рубина — вотъ такихъ, акціи въ золотой шкатулкѣ, эполеты моего отца, нитка чернаго жемчуга...

— Да, многіе теперь разорились, — замѣтила она со вздохомъ и продолжала, поднявъ, какъ давеча, бровь: «Я тоже много чего пережила... Я рано вышла замужъ, это былъ ужасный бракъ, я рѣшила — довольно! буду жить по-своему... Я въ ссорѣ съ родителями вотъ уже больше года, — старики, вѣдь, молодыхъ не понимаютъ, — и мнѣ это очень тяжело, — прохожу, бывало, мимо ихъ дома и мечтаю — вотъ войду, а мой второй мужъ теперь, слава Богу, въ Аргентинѣ, онъ мнѣ пишетъ такія удивительныя письма, но я къ нему никогда не вернусь. Былъ еще человѣкъ, — директоръ завода, очень солидный, обожалъ меня, хотѣлъ, чтобы у насъ былъ ребенокъ. Его жена тоже такая хорошая, сердечная, — гораздо старше его, — мы всѣ были такъ дружны, лѣтомъ катались на лодкѣ, но они потомъ переѣхали во Франкфуртъ. Или вотъ ак-

теры, — это прекрасные, веселые люди, — и все такъ по-товарищески, и нѣтъ того, чтобы сразу, сразу, сразу...

А Костя между тѣмъ думалъ: знаемъ этихъ родителей и директоровъ. Все вретъ. А очень недурна. Груди, какъ два поросеночка, узкія бедра. Видно, не дура выпить. Закажемъ, пожалуй, пива.

— Ну, а потомъ повезло, я разбогатѣлъ чрезвычайно. Я имѣлъ въ Берлинѣ четыре дома. Но человѣкъ, которому я вѣрилъ, мой другъ, мой компаньонъ, обманулъ меня... тяжело вспоминать. Я разорился, но духомъ не палъ, и теперь опять, слава Богу, несмотря на кризисъ... Вотъ кстати я вамъ кое-что покажу, сударыня...

Въ чемоданѣ съ роскошными ярлыками находились (среди прочихъ продажныхъ предметовъ) образцы моднѣйшихъ дамскихъ зеркалецъ (для сумокъ). Зеркальце не круглое и не четырехугольное, а фантези, — въ видѣ, скажемъ, цвѣтка, бабочки, сердца. Принесли пиво. Она разсматривала зеркальца и глядѣлась въ нихъ; по стѣнкамъ стрѣляли свѣтовые зайчики. Пиво она выпила залпомъ, какъ солдатъ, и стерла пѣну съ оранжевыхъ губъ тыльной стороной руки. Костенька любовно уложилъ образцы въ чемоданъ и поставилъ его обратно на полку. Ну, что-жъ, — приступимъ.

— Знаете, — я на васъ смотрю, и все мнѣ сдается, что мы уже встрѣчались когда-то. Вы до смѣшного похожи на одну даму, — она умерла отъ чахотки, — изъ-за которой я чуть не застрѣ-

лился. Да, мы, русскіе, сентиментальные чудаки, но повѣрьте мы умѣемъ любить со страстью Распутина и съ наивностью ребенка. Вы одиноки, и я одинокъ. Вы свободны, и я свободенъ. Кто же можетъ намъ запретить провести вдвоемъ въ укромномъ мѣстѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ?

Она соблазнительно молчала. Онъ сѣлъ рядомъ съ ней. Усмѣхаясь и таращa глаза, хлопая колѣнками и потирая ладони, онъ глядѣлъ на ея профиль.

— Вы куда ѣдете? — спросила она. Костенька сказалъ.

— А я вылѣзаю въ...

Она назвала городъ, извѣстный своимъ сырнымъ производствомъ.

— Ну, что-жъ, — я съ вами, а завтра поѣду дальше. Не смѣю ничего утверждать, сударыня, но у меня есть всѣ основанія думать, что ни вы, ни я не пожалѣемъ...

Улыбка, бровь.

— Вы даже еще не знаете, какъ меня звать.

— Ахъ, не надо, не надо... Зачѣмъ намъ имена?

— Все-таки, — сказала она и протянула ломкую визитную карточку. Зонья Бергманъ.

— А я просто Костя, — Костя и никакихъ. Такъ и зовите меня, — ладно?

Прелестная женщина. Нервная, гибкая, интересная женщина. Пріѣдемъ черезъ полчаса. Да здравствуетъ жизнь, счастье, полнокровіе! Долгая ночь обоюдоострыхъ наслажденій! Полный ассортиментъ ласкъ! Влюбленный Геркулесъ!

Вернулся изъ вагона-ресторана пассажиръ, прозванный нами нелюдимомъ, и пришлось прервать ухаживаніе. Она вынула нѣсколько любительскихъ снимковъ и стала показывать: вотъ это моя подруга, а это очень милый мальчикъ, — его братъ служитъ на радіо-станціи. Вотъ тутъ я отвратительно вышла. Это моя нога. А тутъ узнаете? — я надѣла котелокъ и очки. Правда, забавно?

Подъѣзжаемъ. Подушечка была возвращена съ благодарностью. Костя выпустилъ изъ нея воздухъ и уложилъ ее. Поѣздъ началъ тормазить.

— Ну, до свиданія, — сказала дама.

Энергично и весело онъ вынесъ оба чемодана, — ея маленькій, фибровый, и свой благородный. Вокзалъ былъ насквозь пробитъ тремя пыльными солнечными лучами. Задремавшій нелюдимъ и забытый букетъ незабудокъ поѣхали дальше.

— Вы сумасшедшій, — сказала она со смѣхомъ.

Свой чемоданъ онъ сдалъ на храненіе, но предварительно извлекъ оттуда плоскія ночныя туфли. Передъ вокзаломъ стоялъ всего одинъ таксомоторъ.

— Куда же? Въ ресторанъ? — спросила дама.

— Мы устроимъ ужинъ у васъ, — нетерпѣливо сказалъ Костя. — Получится гораздо уютнѣе. Мы сейчасъ поѣдемъ. Такъ лучше. Я думаю, онъ размѣняетъ пятьдесятъ марокъ? — У меня все крупныя. Нѣтъ, впрочемъ, есть мелочь. Адресъ, скажите адресъ.

Въ автомобилѣ пахло керосиномъ. Не будемъ портить себѣ удовольствіе поверхностными прикосновеніями. Скоро-ли? Какой тихій городъ. Скоро-ли? Становится невтерпежъ. Эту фирму я знаю. Кажется, пріѣхали.

Остановились у стараго чернаго съ зелеными ставнями дома. На четвертой площадкѣ она остановилась и сказала: «А что, если ко мнѣ нельзя? Откуда вы знаете, что я васъ къ себѣ впущу? Что это у васъ на губѣ?»

— Лихорадка, — сказалъ Костя, — лихорадка. Ну же, отпирайте дверь. Забудемъ все на свѣтѣ. Скорѣй. Отпирайте.

Вошли. Передняя съ большимъ шкапомъ, кухня и маленькая спальня.

— Нѣтъ, погодите. Я голодна. Сперва поужинаемъ. Давайте сюда эти пятьдесятъ марокъ, — я за одно размѣняю.

— Только ради Бога скорѣе, — сказалъ Костя, роясь въ бумажникѣ. — Мѣнять нѣтъ надобности, у меня вотъ какъ разъ есть десятка.

— Что купить? — спросила она.

— Ахъ, все, что угодно. Умоляю только поторопиться.

Она ушла, — причемъ заперла за собой дверь на всѣ замки. Предосторожность. Но чѣмъ можно было бы тутъ поживиться? Ничѣмъ. Посреди кухни лежитъ на спинѣ, раскинувъ коричневыя лапки, мертвый тараканъ. Надъ покрытой кружевомъ деревянной кроватью прибита къ пятнистой стѣнѣ фотографія полнощекаго завитого мужчины. Костя сѣлъ на единственный стулъ, торопп-

ливо смѣнилъ красные башмаки на принесенныя туфли. Потомъ, спѣша, скинулъ пиджакъ, отстегнулъ сиреневыя подтяжки, снялъ крахмальный воротничекъ. Быстро пройдя на кухню, онъ вымылъ подъ краномъ руки (уборной не было) и осмотрѣлъ въ зеркалѣ свою губу. Вдругъ раздался звонокъ.

Онъ беззвучно засѣменилъ къ двери, посмотрѣлъ въ глазокъ, но ничего не увидѣлъ. Стоявшій за дверью опять позвонилъ, и было слышно, какъ звякнуло мѣдное кольцо. Все равно, не впустимъ. Дверь заперта, и ключа нѣтъ.

— Кто тамъ? — вкрадчиво спросилъ Костя.

Надтреснутый мужской голосъ освѣдомился: «Скажите, пожалуйста, госпожа Бергманъ вернулась?».

— Нѣтъ еще, — отвѣтилъ Костя, — а что такое?

— Несчастье, — сказалъ голосъ и выжидательно замеръ. Костя ждалъ тоже.

Голосъ продолжалъ: «Вы не знаете, когда она будетъ? Мнѣ сказали, что она должна сегодня вернуться. Вы, кажется, господинъ Зейдлеръ?»

— А въ чемъ дѣло? Я ей передамъ.

Голосъ откашлялся и сказалъ, точно по телефону:

— Тутъ говоритъ Францъ Лошмидтъ. Вы передайте ей, пожалуйста...

Оборвался и нерѣшительно спросилъ: «Можетъ быть, вы впустите меня?»

— Ничего, ничего, — заторопился Костя, — я ей все передамъ. Такъ въ чемъ же дѣло?

— Передайте ей, пожалуйста, что ея отецъ при смерти, онъ не доживетъ до утра, съ нимъ былъ въ магазинѣ ударъ. Пускай она сразу придетъ. Когда, вы думаете, она вернется?

— Скоро, — отвѣтилъ Костя, — скоро. Я передамъ. До свиданія.

Лѣстница поскрипѣла и смолкла. Костя метнулся къ окну. Долговязый юноша въ плащѣ, съ маленькой сизой головой, пересѣкъ улицу и скрылся слѣва за угломъ. Минутъ черезъ пять справа появилась она, неся набитую пакетами сѣтку.

Ключъ хрустнулъ въ верхнемъ замкѣ, потомъ въ нижнемъ.

— Ухъ, — сказала она, входя, — ну и накупила же я всякой всячины.

— Послѣ, послѣ, — сказалъ Костя, — послѣ поужинаемъ. Пойдемъ въ спальню. Оставь все это. Я умоляю.

— Ѣсть хочу, — отвѣтила она протяжно, и, хлопнувъ его по рукамъ, прошла на кухню. Онъ за ней.

— Ростбифъ, — сказала она. — Бѣлый хлѣбъ. Масло. Нашъ знаменитый сыръ. Кофе. Полбутылки коньяку. Ахъ, Господи, неужели вы не можете подождать? Оставьте, это неприлично.

Костя однако прижалъ ее къ столу, и она вдругъ стала безпомощно смѣяться, его ногти цѣпляли за зеленую шелковую вязку, и все про-

изошло очень неудачно, неудобно и преждевременно.

— Фуй! — произнесла она съ улыбкой.

Нѣтъ, не стоило. Покорно благодаримъ за такое удовольствіе. Расточительство. Я уже больше не въ цвѣтѣ лѣтъ. Гадость въ общемъ. Потный носъ, потрепанная морда. Вымыла бы руки раньше, чѣмъ трогать продукты. Что у васъ на губѣ? Нахальство. Еще неизвѣстно, кто отъ кого. Ну, ничего не подѣлаешь.

— А сигара мнѣ куплена? —спросилъ онъ.

Она вынимала вилки изъ буфета и не разслышала.

— Гдѣ сигара? — повторилъ онъ.

— Ахъ, я не знала, что вы курите. Хотите, сбѣгаю?

— Ничего, самъ пойду, — сказалъ онъ хмуро и, перейдя въ спальню, быстро переобулся и одѣлся. Черезъ открытую дверь было видно, какъ она, некрасиво двигаясь, накрываетъ на столъ. «Табачная лавка сразу направо», — пропѣла она и бережно положила на тарелку холодные, розоватые ломти ростбифа, который ей не приходилось ѣсть вотъ уже больше года.

— Я еще куплю пирожныхъ, — сказалъ онъ и вышелъ. — «А также сбитыхъ сливокъ, полъ ананаса и конфетъ съ ликеромъ», — добавилъ онъ про себя.

Очутившись на улицѣ, онъ посмотрѣлъ наверхъ, на ея окно (кажется, вотъ это, съ кактусами, — или слѣдующее?) и потомъ пошелъ направо, обогнулъ мебельный фургонъ, чуть не

попалъ подъ колесо велосипедиста и показалъ ему кулакъ. Дальше былъ скверъ, какой-то памятникъ. Онъ свернулъ и увидѣлъ въ самой глубинѣ улицы, на фонѣ грозовой тучи, ярко освѣщенную закатомъ, кирпичную башню церкви, мимо которой помнится проѣзжали. Оттуда до вокзала оказалось совсѣмъ близко. Нужный поѣздъ отходилъ черезъ четверть часа, — тутъ по крайней мѣрѣ повезло. Чемоданъ — тридцать пфенниговъ, таксомоторъ — марка сорокъ, ей — десять (можно было и пять), что еще? Да, пиво въ поѣздѣ, пятьдесятъ пять. Итого: четырнадцать марокъ девяносто пять пфенниговъ. Довольно глупо. А насчетъ случившагося она все равно рано или поздно узнаетъ. Избавилъ ее отъ тяжелыхъ минутъ у смертнаго одра. Можетъ быть, все-таки послать ей отсюда записку? Но я забылъ номеръ дома. Нѣтъ, помню: 27. Но во всякомъ случаѣ, можно предположить, что я забылъ, — никто не обязанъ имѣть такую память. Представляю, какой былъ бы скандалъ, если бы я ей доложилъ сразу послѣ. Старая выдра! Нѣтъ, намъ нравятся только маленькія блондинки, — запомнимъ это разъ навсегда.

Въ поѣздѣ биткомъ набито, жарко. Намъ какъ-то не по себѣ, намъ хочется не то ѣсть, не то спать. Но когда мы наѣдимся и выспимся, жизнь похорошѣетъ опять, и заиграютъ американскіе инструменты въ веселомъ кафэ, о которомъ разсказывалъ Ланге. А затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, мы умремъ.

Занятой человѣкъ

Тому, кто много занимается своею душой, нерѣдко доводится присутствовать при грустномъ, но любопытномъ явленіи, а именно при томъ: какъ вдругъ умираетъ пустяшное воспоминаніе по случайному поводу вызванное изъ той отдаленной скромной богадѣльни, гдѣ доживало оно свой незамѣтный вѣкъ. Оно мигаетъ, оно еще пульсируетъ и отсвѣчиваетъ,— но тутъ же на вашихъ глазахъ, разокъ вздохнувъ, протягиваетъ ножки, не выдержавъ слишкомъ быстраго перехода въ рѣзкій свѣтъ настоящаго. Отнынѣ остается въ распоряженіи вашемъ лишь отраженіе его, краткій пересказъ, лишенный, увы, обаятельной убѣдительности подлинника. Нѣжный и смерто-боязненный Графъ Итъ, вспоминая отроческій сонъ, заключавшій лаконическое пророчество, уже давно не чувствовалъ кровной связи между собой и этимъ воспоминаніемъ, ибо, при одномъ изъ первыхъ вызововъ, оно осунулось и умерло, — и то, что онъ теперь помнилъ, являлось лишь воспо-

минаніемъ о воспоминаніи. Когда это было? «Неизвѣстно», — отвѣтилъ Графъ, отодвинувъ стеклянный горшочекъ со слѣдами югурта и облокотившись на столъ. Когда это было, — ну, приблизительно? Давно. Должно быть, между десятью и пятнадцатью годами: онъ въ ту пору много думалъ о смерти, — особенно по ночамъ.

Теперь: вотъ онъ, — тридцатидвухлѣтній, маленькій, но широкоплечій мужчина, съ отстающими, прозрачными ушами, полуактеръ, полулитераторъ, помѣщающій въ зарубежныхъ газетахъ юмористическіе стишки, — подъ не очень острымъ псевдонимомъ (непріятно напоминающимъ безсмертнаго Каранъ д-Аша). Вотъ онъ. Лицо его состоитъ изъ темныхъ, со слѣпымъ бликомъ, очковъ въ роговой оправѣ и шелковистой бородавки на щекѣ. Онъ лысѣетъ, и въ прямыхъ, бѣлесыхъ, зачесанныхъ назадъ волосахъ черепъ сквозитъ блѣдно-розовой замшей.

О чемъ онъ только что думалъ? Что это было за воспоминаніе, подъ которое онъ все подкапывался? Воспоминаніе о снѣ. Предупрежденіе, сдѣланное ему въ томъ снѣ. Предсказаніе, вовсе не мѣшавшее ему жить донынѣ, но теперь, при неизбѣжномъ приближеніи назначеннаго срока, начинавшее звучать все громче и все настойчивѣе.

«Взять себя въ руки», — истерическимъ речитативомъ произнесъ Графъ и, кашлянувъ, всталъ, подошелъ къ окну.

Все громче и все настойчивѣе. Когда то приснившаяся цифра 33 запуталась въ душѣ, вцѣпилась загнутыми коготками, вродѣ летучей мыши, и никакъ нельзя было распутать этотъ душевный колтунъ. По преданію, Іисусъ Христосъ дожилъ до тридцати трехъ лѣтъ, — и, быть можетъ (думалъ Графъ, замеревъ у креста оконной рамы), быть можетъ, давній тотъ сонъ такъ и говорилъ: «Умрешь въ возрастѣ Христа», — послѣ чего освѣтились на экранѣ терніи двухъ огромныхъ троекъ.

Онъ распахнулъ окно. На улицѣ было свѣтлѣе, чѣмъ въ комнатѣ, но уже зажигались огни. Небо выстлано было ровными облаками, и только на западѣ, въ провалѣ между охрой тронутыхъ домовъ, протянулась яркая, нѣжная полоса. Поодаль остановился съ горящими очами автомобиль, погрузивъ прямые оранжевые клыки въ водянисто-сѣрый асфальтъ. На порогѣ своей лавки стоялъ блондинъ-мясникъ и смотрѣлъ въ небо.

Какъ по камнямъ черезъ ручей, мысль Графа прыгнула съ мясника на тупу, а затѣмъ: кто то когда то разсказывалъ ему, что кто то гдѣ то (въ моргѣ? въ музеѣ? въ анатомическомъ театрѣ?) ласково звалъ трупъ (или скелетъ?) «мыленькій». Онъ за угломъ, этотъ мыленькій. Будьте покойны, мыленькій не обманетъ.

«Переберемъ возможности, — съ усмѣшкой сказалъ Графъ, косясь внизъ, съ пятаго этажа,

на черные чугунные шипы палисадника. — Первое, — самое досадное: привидится во снѣ нападеніе или пожаръ, вскочу, брошусь къ окну и, полагая, — по сонной глупости, — что живу низко, выпрыгну въ бездну. Другое: во снѣ же проглочу языкъ, это бываетъ, онъ судорожно запрокинется, глотну, задохнусь. Третье: я, скажемъ, брожу по улицамъ... Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ. Или сосѣдняя долина... Поставилъ, небось, «въ бою» на первое мѣсто. Значитъ, предчувствовалъ. Былъ суевѣренъ, и, недаромъ. Что мнѣ дѣлать съ собой? Одиночество».

Онъ женился въ 1924 году, въ Ригѣ, куда попалъ изъ Пскова съ тощей театральной труппой, — выступалъ съ куплетами и, когда снималъ очки, чтобы слегка оживить гримомъ мертвенькое лицо, глаза оказывались мутно-голубыми. Жена была крупная, здоровая женщина со стриженными черными волосами, жаркимъ цвѣтомъ лица и толстымъ колючимъ затылкомъ; ея отецъ торговалъ мебелью. Вскорѣ Графъ замѣтилъ, что она глупа и груба, что ноги у нея колесомъ, что на каждыя два русскихъ слова она употребляетъ десятокъ нѣмецкихъ. Онъ понялъ, что слѣдуетъ разойтись съ нею, но медлилъ, мечтательно жалѣя ее, — такъ тянулось до 1926 года, когда она измѣнила ему съ хозяиномъ гастрономическаго магазина на улицѣ Лачплесиса. Графъ переселился въ Берлинъ, гдѣ ему предлагала мѣсто фильмовая фирма (вскорѣ, однако, прогорѣвшая), зажилъ скромно, одиноко и безалаберно, часами просиживалъ въ дешевой кофейнѣ

или пивной, гдѣ сочинялъ дежурное стихотвореніе. Вотъ канва его жизни, — не Богъ вѣсть какая, — мелкота, блѣднота, русскій эмигрантъ третьяго разбора. Но, какъ извѣстно, сознаніе вовсе не опредѣляется бытіемъ: во дни сравнительнаго благополучія, равно какъ и во дни истлѣванія носильныхъ вещей и голода, Графъ, до роковой годины, предсказанной сномъ, жилъ по своему счастливо. Онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, «занятой человѣкъ», ибо предметомъ его занятій была собственная душа, — и вотъ ужъ когда, дѣйствительно, роздыха не знаешь, — да и не надобно его. Рѣчь идетъ о воздушныхъ ямахъ жизни, о сердцебіеніи, о жалости, о набѣгахъ прошлаго, — чѣмъ то запахло, что то припомнилось, — но что? Что? — и почему никто не замѣчаетъ, что на самой скучной улицѣ дома все разные, разные, и сколько есть на нихъ, да и на всемъ прочемъ, никчемныхъ на видъ, но какой то жертвенной прелести полныхъ украшеній? Поговоримъ откровенно: есть люди, такъ отсидѣвшіе душу, что больше не чувствуютъ ея. Есть зато другіе, надѣленные принципами, идеалами, тяжко болѣющіе вопросами вѣры и нравственности; но искусство чувствованія у нихъ — прикладное искусство. Это тоже люди занятые: горнорабочіе сознанія, они, по принятому выраженію, «копаются въ себѣ», глубоко забирая врубовой машиной совѣсти и шалѣя отъ черной пыли грѣховъ, грѣшковъ, грѣхоидовъ. Къ ихъ числу Графъ не принадлежалъ: грѣховъ особыхъ у него не было, не было и принциповъ.

Онъ занимался собой, какъ нѣкоторые занимаются живописью или составленіемъ коллекцій, или разборомъ рукописи, богатой замысловатыми переносами, вставками, рисунками на поляхъ и темпераментными помарками, какъ бы сжигающими мосты между образами, — мосты, которые такъ забавно возстановлять.

Въ занятія его вмѣшалось нѣчто постороннее, — это вышло неожиданно и мучительно, — какъ быть? Постоявъ у окна (и все придумывая расправу съ глупой, ничтожной, но неотразимой мыслью, что на дняхъ, — девятнадцатаго іюня, — онъ вступитъ въ тотъ возрастъ, о которомъ говорилъ отроческій сонъ), Графъ тихо покинулъ свою потемнѣвшую комнату, гдѣ уже всѣ предметы, приподнятые волной сумерекъ, не стояли, а плавали, какъ мебель во время наводненія. На улицѣ было все еще свѣтло, — и какъ то сжималось сердце отъ нѣжности рано зажженныхъ огней. Графъ замѣтилъ сразу, что кругомъ что то творится, распространялось странное волненіе, собирались на перекресткахъ, дѣлали загадочные угловатые знаки, переходили на другую сторону и, снова указывая вдаль, замирали въ таинственномъ оцѣпенѣніи. Въ сумеречной дымкѣ терялись существительныя, оставались только глаголы, — даже не глаголы, а какія то ихъ архаическія формы. Это могло значить многое: напримѣръ — конецъ міра. Вдругъ, съ замираніемъ во всемъ тѣлѣ, онъ понялъ: вонъ тамъ, въ глубокомъ пролетѣ между домовъ, по ясно-золотому фону, подъ длинной пепельной ту-

чей, низко, далеко и очень медленно проплывалъ, тоже пепельный, тоже продолговатый, воздушный корабль. Дивная, древняя красота его движенія, вмѣстѣ съ невыносимой красотой вечера, неба, оранжевыхъ огней, синихъ людскихъ силуэтовъ, переполнила душу Графа. Онъ почувствовалъ (точно это было знаменіе), что онъ и впрямь вотъ-вотъ дойдетъ до предѣла положенной ему жизни, — что иначе быть не можетъ: нашъ сотрудникъ, люди, близко знавшіе покойнаго, свѣжій юморъ, свѣжая могила... И что уже совсѣмъ непостижимо: вокругъ некролога будетъ сіять равнодушная газетная природа, — лопухи фельетоновъ, хвощи хроники...

Въ тихую лѣтнюю ночь ему минуло тридцать три года. Онъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ, моргающій, безъ очковъ, въ арестантскихъ подштанникахъ, и одинъ торжествовалъ непрошенную годовщину. Гостей онъ не пригласилъ, боясь тѣхъ случайностей (разбитое зеркальце, разговоръ о бренности жизни), которыя впослѣдствіи чужая память непремѣнно бы возвела въ чинъ предзнаменованій и предчувствій. Остановись, остановись, мгновеніе, — ты не очень прекрасно, но, все таки, остановись, — вотъ, вѣдь, неповторимая личность въ неповторимой средѣ, — буреломъ растрепанныхъ книгъ на полкахъ, стеклянный горшочекъ изъ подъ югурта, удлиняющаго жизнь, шерстистая проволока для прочищенія трубки, толстый альбомъ цвѣта золы, въ который Графомъ вклеено все, начиная съ собственныхъ стиховъ, вырѣзанныхъ изъ газетъ, и кончая русскимъ трамвайнымъ

билетикомъ, — вотъ это сочетаніе вещей окружаетъ Графа Ита (псевдонимъ, выдуманный давно, дождливой ночью, въ ожиданіи парома), ушастаго, кряжистаго человѣчка, сидящаго на краю постели съ фіолетовымъ, дырявымъ, только что снятымъ носкомъ въ рукѣ.

Онъ сталъ бояться всего — лифта, сквозняковъ, строительныхъ лѣсовъ, уличнаго движенія, демонстрантовъ, автомобильной вышки — для починки проводовъ — огромнаго газоема, который могъ взорваться какъ разъ когда онъ проходилъ мимо, по пути на почтамтъ, гдѣ, опять же, могъ затѣять стрѣльбу дерзкій грабитель въ домодѣльной маскѣ. Онъ чувствовалъ всю глупость своего состоянія, но былъ не способенъ побороть себя. Тщетно онъ старался отвлечься, думать о другомъ: на запяткахъ всякой проносившейся мысли неотвязнымъ выѣзднымъ стоялъ мыленькій. Между тѣмъ, стихи, которые онъ продолжалъ прилежно поставлять въ газеты, становились все игривѣе и простодушнѣе (ибо никто заднимъ числомъ не долженъ былъ усмотрѣть въ нихъ предчувствія близкаго конца), и эти легкіе, деревянные стихи, ритмъ которыхъ напоминалъ движеніе вербной штучки, медвѣдя и мужика, и въ которыхъ рифмовали «проталинъ» и «Сталинъ», — именно стихи, а не что-нибудь другое, оказывались наиболѣе ладной и вещественной стороной его бытія.

Итакъ: не воспрещается вѣрить въ безсмертіе души, — но есть страшный и, кажется, никѣмъ еще не поставленный вопросъ (думалъ Графъ, сидя въ пивной): не сопряженъ ли переходъ души

въ загробную жизнь съ такою же возможностью случайныхъ помѣхъ и превратностей, какая подстерегаетъ человѣка при его земномъ рожденіи? Не содѣйствуетъ ли успѣшности этого перехода принятіе во время жизни тѣхъ или иныхъ (но какихъ именно?) психическихъ или даже физическихъ мѣръ. Какъ угадать, чѣмъ запастись, что накопить, чего избѣгать? Не является ли религія (разсуждалъ Графъ, сидя въ опустѣвшей, темнѣющей пивной, гдѣ уже стулья ложились, зѣвая, на столы, ложились спать), религія, развѣшивающая иконы по стѣнамъ жизни, не является ли она вотъ такой попыткой создать благопріятственную обстановку, — точно такъ же, какъ, по мнѣнію иныхъ врачей, фотографіи миловидныхъ и упитанныхъ младенцевъ, украшая спальню беременной, отлично дѣйствуютъ на плодъ? Но даже если нужныя мѣры приняты, даже если извѣстно, почему Иксъ (питавшійся тѣмъ то и тѣмъ то — молокомъ, музыкой, мало ли чѣмъ), благополучно перешелъ въ загробную жизнь, а Игрекъ (питавшійся чуть-чуть иначе), застрялъ и погибъ,— нѣтъ ли еще и еще случайностей, которыя могутъ произойти уже при самомъ переходѣ, — напортить, помѣшать, — вотъ, вѣдь, звѣри, да и люди попроще, отходятъ въ сторонку, когда приближается ихъ часъ, — не мѣшайте, не мѣшайте трудной, опасной работѣ, дайте мнѣ спокойно разрѣшиться безсмертной моей душой...

Все это удручало Графа, но еще подлѣе и ужаснѣе была мысль, что будущаго вѣка нѣтъ, что человѣческая жизнь лопается такъ же не-

поправимо, какъ пузыри, которые пляшутъ и исчезаютъ въ бурной бадьѣ подъ пастью водостока, — Графъ смотрѣлъ на нихъ съ веранды загороднаго кафе, — шелъ сильный дождь, дѣло уже было осенью, уже минуло четыре мѣсяца съ того дня, какъ онъ вступилъ въ роковой возрастъ, смерть могла явиться съ минуты на минуту, — и чрезвычайно рискованны были эти поѣздки въ унылыя, боровыя окрестности Берлина. «Но если, — разсуждалъ Графъ, — загробной жизни нѣтъ, то отпадаетъ и все прочее, что связано съ понятіемъ о самостоятельности души, — отпадаетъ возможность предзнаменованій и предчувствій, — о, да, будемъ матеріалистами, — а потому: я, здоровый человѣкъ со здоровой наслѣдственностью, проживу, по всей вѣроятности, еще полвѣка, — и нечего поддаваться нервознымъ иллюзіямъ, — все это лишь слѣдствіе нѣкоторой временной растерянности моего класса, — человѣкъ же безсмертенъ, поскольку безсмертенъ его классъ, — а великій буржуазный классъ (продолжалъ онъ вслухъ, непріятно оживляясь), нашъ великій и могучій классъ побѣдитъ гидру пролетаріата, ибо давайте тоже встанемъ, крѣпостники, лобазники и вѣрные ихъ трубадуры, на классовую платформу (больше бодрости), давайте, буржуа всѣхъ странъ, — нѣтъ, лучше амфибрахій, — буржуи всѣхъ странъ... и народовъ, впередъ, нефтяной (или золотой?) коллективъ, долой пролетарскихъ уродовъ... а въ рифму — дѣепричастіе (побѣдивъ? скупивъ?), засимъ

еще двѣ строфы и опять: буржуи всѣхъ странъ и народовъ, да здравствуетъ нашъ капиталъ, тата-татата-та... (проходовъ? водопроводовъ?), буржуйскій интернаціоналъ!.. Остроумно ли это складывается? Смѣшно ли?».

Наступила зима. Графъ занялъ нѣсколько десятковъ марокъ у сосѣда и употребилъ ихъ на то, чтобы плотно питаться, ибо не собирался давать судьбѣ никакихъ поблажекъ. Этотъ странный сосѣдъ, самъ (самъ!) предложившій ему денежную помощь, поселился тутъ недавно, — снималъ онъ двѣ лучшихъ комнаты въ квартирѣ, звали его Иванъ Ивановичъ Энгель, полноватый такой господинъ съ сѣдыми кудрями, вродѣ музыкальнаго или шахматнаго маэстро, — на самомъ же дѣлѣ представитель какой то иностранной фирмы, — очень иностранной, — дальневосточной, быть можетъ. Встрѣчаясь съ Графомъ въ коридорѣ, онъ участливо и застѣнчиво улыбался, и Графъ объяснялъ это тѣмъ, что сосѣдъ, будучи, вѣроятно, человѣкомъ коммерческимъ, неинтеллигентнымъ, далекимъ отъ литературы и прочихъ горныхъ курортовъ человѣческаго духа, невольно питаетъ къ нему, мечтателю, нѣкое сладостное уваженіе. Вообще же у Графа было слишкомъ много хлопотъ, чтобы заниматься сосѣдомъ, но онъ разсѣянно пользовался его добротой, въ часы нестерпимаго ночного безпапиросья, напримѣръ, стучался къ Ивану Ивановичу и получалъ сигару, — но съ нимъ не якшался, не пускалъ его къ себѣ въ комнату (кромѣ того случая, когда перегорѣла лампоч-

ка, а хозяйка отлучилась въ кинематографъ, и сосѣдъ принесъ новенькую стеклянную грушу и деликатно ее навертѣлъ).

На Рождествѣ Графъ былъ у друзей на елкѣ и сквозь пестрый разговоръ безнадежно думалъ о томъ, что елку видитъ въ послѣдній разъ. Какъ то, въ ясную февральскую ночь, онъ засмотрѣлся на твердь и вдругъ почувствовалъ, что больше не можетъ выдержать бремя и напоръ своего человѣческаго сознанія, этой зловѣщей, безсмысленной роскоши. У него отвратительно захватило дыханіе, и чудовищное звѣздное небо тронулось и поѣхало. Графъ отошелъ отъ окна и, держась за сердце, выбрался въ коридоръ, постучался къ сосѣду. Иванъ Ивановичъ съ кроткой улыбкой и легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ далъ ему валерьянки: такъ случилось, что, когда Графъ вошелъ, Иванъ Ивановичъ, стоя посреди спальни, какъ разъ капалъ въ рюмку, — вѣроятно, для себя самого: держа рюмку въ правой рукѣ и высоко поднявъ лѣвую, съ темно-желтой бутылочкой, молча шевелилъ губами, — двѣнадцать, тринадцать, четырнадцать, — и потомъ очень быстро, будто сѣмеря, — пятнадцшестнадцсемнадцать, — и опять — медленно. Канареечнаго цвѣта халатъ, пенснэ на кончикѣ внимательнаго носа.

А еще черезъ нѣкоторое время настала весна, и на лѣстницѣ запахло мастикой. Въ домѣ напротивъ кто то умеръ, и у двери стоялъ похоронный, черный, чѣмъ то похожій на рояль, автомобиль. Графа донимали по ночамъ многозна-

чительные сны. Во всемъ ему мерещилась примѣта, малѣйшее совпаденіе пугало его. Игра случая есть логика судьбы: въ самомъ дѣлѣ, — какъ же не повѣрить въ судьбу, въ непогрѣшимость ея подсказки, въ упрямство ея устремленія, ежели транспарантъ ея постоянно просвѣчиваетъ сквозь почеркъ жизни?

Чѣмъ больше удѣлять вниманія совпаденіямъ, тѣмъ чаще они происходятъ. Дошло до того, что, выбросивъ какъ то кусокъ газеты, изъ которой онъ, любитель описокъ, вырѣзалъ квадратикъ со строкой «послѣ долгой и продолжительной болѣзни», Графъ черезъ нѣсколько дней увидѣлъ эту же, съ аккуратнымъ оконцемъ, страницу въ рукахъ уличной торговки, заворачивавшей для него кочанъ капусты. Онъ покорно взялъ свертокъ и вернулся домой въ подавленномъ настроеніи, — а вечеромъ, изъ-за далекихъ крышъ, поглотивъ первыя звѣзды, вздулась мутная, злокачественная туча, и стало вдругъ такъ душно и тяжко, точно несешь на хребтѣ вверхъ по лѣстницѣ огромный кованый сундукъ, — и вотъ, безъ предупрежденія, небо утратило равновѣсіе, и огромный этотъ сундукъ загремѣлъ внизъ по ступенямъ. Графъ поспѣшно закрылъ окно и задернулъ шторы: вѣдь, сквознякъ и электрическій свѣтъ привлекаютъ молнію. Вотъ она озарила шторы, — и онъ, домашнимъ способомъ опредѣляя дальность ея паденія, принялся считать, — громъ ударилъ на шести, — шесть, значитъ, верстъ... Гроза усилилась. Сухія грозы — самыя страшныя. По стекламъ проходилъ гулъ

Графъ легъ въ постель, но вдругъ такъ ясно вообразилъ, какъ молнія сейчасъ попадетъ въ крышу и пройдетъ насквозь черезъ всѣ этажи, обративъ его мимоходомъ въ судорожно скрюченнаго негра, — что съ бьющимся сердцемъ вскочилъ (окно полыхнуло, черный крестъ рамы скользнулъ по стѣнѣ), и, сильно звякая въ темнотѣ, снялъ съ умывальника на полъ пустой фаянсовый тазъ, сталъ въ него и такъ простоялъ, вздрагивая и скрипя пальцами босыхъ ногъ по фаянсу, добрую часть ночи, пока не угомонился громъ.

Въ эту майскую грозу Графъ дошелъ до самыхъ унизительныхъ глубинъ трансцедентальной трусости, — а на слѣдующій день произошелъ переломъ. Графъ посмотрѣлъ на веселое, ярко-голубое небо, на древообразные узоры темной сырости поперекъ сохнувшаго асфальта и внезапно сообразилъ, что до девятнадцатаго іюня остается всего мѣсяцъ. Девятнадцатаго іюня (по новому стилю) ему будетъ тридцать четыре года. Желанный брегъ... Доплыветъ ли? Додержится ли?

Появилась надежда на спасеніе. Онъ ободрился, рѣшивъ принять нѣкоторыя чрезвычайныя мѣры для огражденія своей жизни отъ притязаній рока. Онъ пересталъ выходить на улицу. Онъ не брился. Онъ сказался больнымъ, и хозяйка покупала для него продукты, а сосѣдъ передавалъ ему черезъ нее то апельсинъ, то журналъ, то слабительный порошокъ въ кокетливомъ конвертикѣ. Онъ мало курилъ, много

спалъ, въ мѣру питался, рѣшалъ крестословицы, дышалъ черезъ носъ, и на ночь раскладывалъ на коврикѣ около кровати мокрое полотенце, дабы сразу проснуться отъ холодка, ежели тѣло его въ лунатическомъ трансѣ вздумаетъ уйти изъ подъ надзора мысли.

Додержится ли?.. Первое іюня. Второе. Третье. Десятаго сосѣдъ черезъ дверь справился о его здоровьѣ. Одиннадцатое. Двѣнадцатое. Тринадцатое. Какъ знаменитый финскій бѣгунъ, передъ послѣднимъ кругомъ, бросаетъ прочь никкелевые часы, по которымъ разсчитывалъ свой ровный сильный бѣгъ, такъ Графъ, увидя близкую цѣль, круто измѣнилъ образъ дѣйствія. Онъ сбрилъ соломенную бородку, принялъ ванну и пригласилъ на девятнадцатое гостей.

Онъ не поддался соблазну праздновать рожденіе на одинъ день раньше, какъ лукаво предлагала ему сомнительная выкладка. Зато онъ написалъ матери въ Смоленскъ, прося сообщить точный часъ его появленія на свѣтъ, но она отвѣтила уклончиво: «Это было ночью. Я, помнится, очень страдала».

Наступило девятнадцатое. Съ утра за стѣной безпокойно ходилъ сосѣдъ и выбѣгалъ въ прихожую на звонки. Графъ не пригласилъ его, — въ концѣ концовъ, они были едва знакомы, — но зато позвалъ хозяйку, — ибо въ природѣ Графа причудливо совмѣщались разсѣянность и разсчетъ. Подъ вечеръ онъ вышелъ, купилъ водки,

пирожковъ съ мясомъ, селедки, чернаго хлѣба. Когда онъ возвращался наискось черезъ улицу, съ трудомъ придерживая непокорныя покупки, Иванъ Ивановичъ, освѣщенный желтымъ солнцемъ, глядѣлъ на него съ балкона.

Около восьми, какъ разъ когда Графъ, все приготовивъ на столѣ, высунулся въ окно, произошло слѣдующее: на углу, гдѣ былъ трактиръ, собралась кучка людей, раздались громкіе, злые крики, и вдругъ — трескъ выстрѣловъ. Графу показалось, что шальная пуля пропѣла у самаго его лица, чуть не разбивъ очковъ, и онъ, ахнувъ, втянулъ голову. Изъ прихожей донесся звонокъ. Графъ, дрожа, открылъ дверь, и одновременно выскочилъ въ канареечномъ своемъ халатѣ Иванъ Ивановичъ. Жданная телеграмма. Иванъ Ивановичъ жадно ее развернулъ и радостно улыбнулся.

«Was dort für Skandale?» — обратился Графъ къ нарочному, но тотъ не понялъ, а когда Графъ опять (очень осторожно) посмотрѣлъ въ окно, то передъ трактиромъ было уже пусто, все успокоилось, сидѣли швейцары у своихъ подъѣздовъ, горничная съ голыми икрами медленно прогуливала розоватаго пуделька.

Къ девяти собрались гости, — трое русскихъ и нѣмка-хозяйка. Она принесла съ собой ликерныхъ рюмокъ и пирогъ собственнаго издѣлія. Была она скуластая, корявая, съ веснушками на шеѣ, въ парикѣ фарсовой тещи, въ шумящемъ лиловомъ платьѣ. Мрачные друзья Гра-

фа, — все люди тяжелые, пожилые, съ различными недомоганіями, разсказы о которыхъ странно утѣшали Графа, сразу напоили хозяйку, да и сами невесело охмелѣли. Разговоръ велся, конечно, по-русски, хозяйка ни слова не понимала, однако, похохатывала, играла впустую плохо подведенными глазами и разсказывала что то свое, но ее никто не слушалъ. Графъ посматривалъ на часы и подъ столомъ щупалъ себѣ пульсъ. Къ полуночи водка изсякла, и хозяйка, шатаясь и помирая со смѣху, принесла бутылку коньяку. «Ну, что жъ, выпьемъ, старая морда», — холодно обратился къ ней одинъ изъ гостей, и она, съ дѣвической довѣрчивостью, чокнулась съ нимъ, и потомъ потянулась къ другому, но тотъ отъ нея отмахнулся.

На разсвѣтѣ Графъ выпустилъ гостей. Въ прихожей на столикѣ валялась распечатанная телеграмма, давеча такъ обрадовавшая сосѣда. Графъ разсѣянно ее прочелъ: «Soglassen prodlenie», затѣмъ онъ вернулся къ себѣ въ комнату, кое что прибралъ и, зѣвая, со страннымъ ощущеніемъ скуки, — точно жизнь у него разсчитана была какъ разъ на предсказанный срокъ, а теперь какъ то нужно все строить заново, — сѣлъ въ кресло, перелисталъ отъ нечего дѣлать потрепанную книжку — сборникъ анекдотовъ, изданный въ Ригѣ. Чѣмъ занимается ваша дочь? Она садистка. То-есть? Она поетъ въ садахъ. Незамѣтно онъ задремалъ и увидѣлъ во снѣ, какъ Иванъ Ивановичъ Энгель поетъ въ какомъ то саду, плавно качая ярко-желтыми кудрявыми

крыльями, — и, когда Графъ проснулся, прелестное лѣтнее солнце зажигало маленькія радуги въ плоскихъ хозяйскихъ рюмкахъ, и было все какъ то мягко и свѣтло, и загадочно, — какъ будто онъ чего то не понялъ, не додумалъ, а теперь уже поздно, и началась другая жизнь, — все прежнее отпало, и совсѣмъ, совсѣмъ умерло пустяшное воспоминаніе, случайно вызванное изъ далекой, скромной обители, гдѣ дотягивало оно свой незамѣтный вѣкъ.

Музыка

Передняя была завалена зимними пальто обоего пола, а изъ гостиной доносились одинокіе, скорые звуки рояля. Отраженіе Виктора Ивановича поправило узелъ галстука. Горничная, вытянувшись кверху, повѣсила его пальто: оно, сорвавшись, увлекло за собой двѣ шубы, и пришлось начать сызнова.

Уже ступая на цыпочкахъ, Викторъ Ивановичъ отворилъ дверь, — музыка сразу стала громче, мужественнѣе. Игралъ Вольфъ, — рѣдкій гость въ этомъ домѣ. Остальные, — человѣкъ тридцать, — по-разному слушали, кто подперевъ кулакомъ скулу, кто пуская въ потолокъ дымъ папиросы, и невѣрный свѣтъ въ комнатѣ придавалъ ихъ оцѣпенѣнію смутную живописность. Хозяйка дома, выразительно улыбаясь, указала издали Виктору Ивановичу свободное мѣсто, — кренделевидное креслице почти въ самой тѣни рояля. Онъ отвѣтилъ скромными жестами, смыслъ которыхъ былъ: «ничего, ничего, могу и посто-

ять», — но потомъ впрочемъ двинулся по указанному направленію и осторожно сѣлъ, осторожно скрестилъ руки. Жена піаниста, полуоткрывъ ротъ и часто мигая, готовилась перевернуть страницу, — и вотъ перевернула. Черный лѣсъ поднимающихся нотъ, скатъ, провалъ, отдѣльная группа летающихъ на трапеціяхъ. У Вольфа были длинныя, свѣтлыя рѣсницы; уши сквозили нѣжнѣйшимъ пурпуромъ; онъ необычайно быстро и крѣпко ударялъ по клавишамъ, и въ лаковой глубинѣ откинутой крышки двойники его рукъ занимались призрачной, сложной и нѣсколько даже шутовской мимикой. Для Виктора Ивановича всякая музыка, которой онъ не зналъ, — а зналъ онъ дюжину распространенныхъ мотивовъ, — была какъ быстрый разговоръ на чужомъ языкѣ: тщетно пытаешься распознать хотя бы границы словъ, — все скользитъ, все сливается, и непроворный слухъ начинаетъ скучать. Викторъ Ивановичъ попробовалъ вслушаться, — однако вскорѣ поймалъ себя на томъ, что слѣдитъ за руками Вольфа, за ихъ безкровными отблесками. Когда звуки переходили въ настойчивый громъ, шея у піаниста надувалась, онъ напрягалъ распяленые пальцы и легонько гакалъ. Его жена поспѣшила, — онъ удержалъ страницу мгновеннымъ ударомъ ладони и затѣмъ, съ непостижимой быстротой, перемахнулъ ее самъ, и уже опять обѣ его руки яростно мяли податливую клавіатуру. Викторъ Ивановичъ изучилъ его доскональнo, — заостренный носъ, козырьки вѣкъ, слѣдъ фурункула на шеѣ,

волосы, какъ свѣтлый пухъ, широкоплечій покрой чернаго пиджака, — на минуту снова прислушался къ музыкѣ, но едва проникнувъ въ нее, вниманіе его разсѣялось, и онъ, медленно доставая портсигаръ, отвернулся и сталъ разглядывать остальныхъ гостей. Онъ увидѣлъ, среди чужихъ, нѣкоторыя знакомыя лица, — вонъ Кочаровскій — такой милый, круглый, — кивнуть ему... кивнулъ, но не попалъ: перелетъ, — въ отвѣтъ поклонился Шмаковъ, который, говорятъ, уѣзжаетъ заграницу, — нужно будетъ его разспросить... На диванѣ, между двухъ старухъ, полулежала, прикрывъ глаза, дебелая, рыжая Анна Самойловна, а ея мужъ, врачъ по горловымъ, сидѣлъ, облокотившись на ручку кресла, и въ пальцахъ свободной руки вертѣлъ что-то блестящее, — пенснэ на чеховской тесемкѣ. Дальше, наполовину въ тѣни, прижавъ къ виску вытянутый палецъ, слушалъ, лакомый до музыки, чернобородый, горбатый человѣкъ, имя-отчество котораго никакъ нельзя было запомнить, — Борисъ? нѣтъ, не Борисъ... Борисовичъ? тоже нѣтъ. Дальше, — еще и еще лица, — интересно, здѣсь ли Харузины, — да, вонъ они, — не смотрятъ... И въ слѣдующій мигъ, тотчасъ за ними, Викторъ Ивановичъ увидѣлъ свою бывшую жену.

Онъ сразу опустилъ глаза, машинально стряхивая съ папиросы еще неуспѣвшій нарасти пепелъ. Откуда-то снизу, какъ кулакъ, ударило сердце, втянулось и ударило опять, — и затѣмъ пошло стучать быстро и безпорядочно, переча

музыкѣ и заглушая ее. Не зная, куда смотрѣть, онъ покосился на піаниста, — но звуковъ не было, точно Вольфъ билъ по нѣмой клавіатурѣ, — и тогда въ груди такъ стѣснилось, что Викторъ Ивановичъ разогнулся, поглубже вздохнулъ, — и снова, спѣша издалека, хватая воздухъ, набѣжала ожившая музыка, и сердце забилось немного ровнѣе.

Они разошлись два года тому назадъ, въ другомъ городѣ (шумъ моря по ночамъ), гдѣ жили съ тѣхъ поръ, какъ повѣнчались. Все еще не поднимая глазъ, онъ, отъ наплыва и шума прошлаго, защищался вздорными мыслями, — о томъ, напримѣръ, что, когда давеча шелъ, на цыпочкахъ, большими, беззвучными шагами, ныряя корпусомъ, черезъ всю комнату къ этому креслу, она конечно видѣла его прохожденіе, — и это было такъ, будто его застали врасплохъ, нагишомъ, или за глупымъ пустымъ дѣломъ, — и мысль о томъ, какъ онъ довѣрчиво плылъ и нырялъ подъ ея взглядомъ — какимъ? враждебнымъ? насмѣшливымъ? любопытнымъ? — мысль эта перебивалась вопросами, — знаетъ ли хозяйка, знаетъ ли кто-нибудь въ комнатѣ, — и черезъ кого она сюда попала, и пришла ли одна, или съ новымъ своимъ мужемъ, — и какъ поступить, — остаться такъ или посмотрѣть на нее? Все равно, посмотрѣть онъ сейчасъ не могъ, — надо было сначала освоиться съ ея присутствіемъ въ этой большой, но тѣсной гостиной, ибо музыка окружила ихъ оградой и какъ бы стала для нихъ темницей, гдѣ были оба они обречены си-

дѣть плѣнниками, пока піанистъ не перестанетъ созидать и поддерживать холодные звуковые своды.

Что онъ успѣлъ увидѣть, когда только-что замѣтилъ ее? Такъ мало, — глаза, глядящіе въ сторону, блѣдную щеку, черный завитокъ — и, какъ смутный вторичный признакъ, ожерелье или что-то вродѣ ожерелья, — такъ мало, — но этотъ небрежный, недорисованный образъ уже былъ его женой, эта мгновенная смѣсь блестящаго и темнаго была уже тѣмъ единственнымъ, что звалось ея именемъ.

Какъ это было давно. Онъ влюбился въ нее безъ памяти въ душный обморочный вечеръ на верандѣ теннисного клуба, — а черезъ мѣсяцъ, въ ночь послѣ свадьбы, шелъ сильный дождь, заглушавшій шумъ моря. Какъ мы счастливы. Шелестящее, влажное слово «счастье», плещущее слово, такое живое, ручное, само улыбается, само плачетъ, — и утромъ листья въ саду блистали, и моря почти не было слышно, — томнаго, серебристо-молочнаго моря.

Слѣдовало что-нибудь сдѣлать съ окуркомъ, — онъ повернулъ голову, и опять невпопадъ стукнуло сердце. Кто-то, перемѣнивъ положеніе тѣла, почти всю ее заслонилъ, вынулъ бѣлый, какъ смерть, платокъ, но сейчасъ отодвинется чужое плечо, она появится, она сейчасъ появится. Нѣтъ, невозможно смотрѣть. Пепельница на роялѣ.

Ограда звуковъ была все такъ же высока и непроницаема; все такъ же кривлялись потусторонніія руки въ лаковой глубинѣ. Мы будемъ сча-

стливы всегда, — какъ это звучало, какъ переливалось... Она была вся бархатистая, ее хотѣлось сложить, — какъ вотъ складываются ноги жеребенка, — обнять и сложить, — а что потомъ? какъ овладѣть ею полностью? Я люблю твою печень, твои почки, твои кровяные шарики. Она отвѣчала: «Не говори гадостей». Жили не то, что богато, но и не бѣдно, купались въ морѣ почти круглый годъ. На вѣтру дрожалъ студень медузъ, выброшенныхъ на гальку. Блестѣли мокрыя скалы. Однажды видѣли, какъ рыбаки несли утопленника, — изъ подъ одѣяла торчали удивленныя босыя ступни. По вечерамъ она варила какао.

Онъ опять посмотрѣлъ, — и теперь она сидѣла потупясь, держа руку у бровей,— да, она очень музыкальна, — должно быть Вольфъ играетъ знаменитую, прекрасную вещь. «Я теперь не буду спать нѣсколько ночей», — думалъ Викторъ Ивановичъ, глядя на ея бѣлую шею, на мягкій уголъ ея колѣна, — она сидѣла положивъ ногу на ногу, — и платье было черное, легкое, незнакомое, и поблескивало ожерелье. «Да, я теперь не буду спать, и придется перестать бывать здѣсь, и все пропало даромъ — эти два года стараній, усилій, и наконецъ почти успокоился, — а теперь начинай все сначала, — забыть все, все, что было почти забыто, но плюсъ сегодняшній вечеръ». Ему вдругъ показалось, что она, промежъ пальцевъ, глядитъ на него, и онъ невольно отвернулся.

Вѣроятно музыка подходитъ къ концу. Когда появляются эти бурные, задыхающіеся аккорды, это значитъ, что скоро конецъ. Вотъ тоже интересное слово: *конецъ*. Вродѣ коня и гонца въ одномъ. Облако пыли, ужасная вѣсть. Весною она странно помертвѣла; говорила, почти не разжимая рта. Онъ спрашивалъ: «Что съ тобой?» «Ничего. Такъ». Иногда она смотрѣла на него, щурясь съ неизъяснимымъ выраженіемъ. «Что съ тобой?» «Ничего. Такъ». Къ ночи она умирала совсѣмъ, — ничего нельзя было съ ней подѣлать, — и, хотя это была маленькая, тонкая женщина, она казалась тогда тяжелой, неповоротливой, каменной. «Да скажи наконецъ, что съ тобой». Такъ продолжалось больше мѣсяца. Затѣмъ, однажды утромъ, — да, въ день ея рожденія — она сказала, совершенно просто, какъ будто рѣчь шла о пустякахъ: «Разойдемся на время. Такъ дальше нельзя». Влетѣла маленькая дочка сосѣдей, — показать котенка, остальныхъ утопили. Уходи, уходи, послѣ. Дѣвочка ушла, было долгое молчаніе. Уходи со своимъ котенкомъ, не мѣшай намъ молчать. Погодя онъ принялся медленно и молча ломать ей руки, — хотѣлось сломать ее совсѣмъ, съ трескомъ всю ее вывихнуть. Она расплакалась. Онъ сѣлъ за столъ и сдѣлалъ видъ, что читаетъ газету. Она ушла въ садъ, но скоро вернулась. «Я не могу. Мнѣ нужно тебѣ все разсказать». И какъ-то удивленно, какъ будто обсуждая другую, и удивляясь ей, и приглашая его раздѣлить свое удивленіе, она разсказала, она все разсказала. Это

былъ рослый, скромный, сдержанный мужчина, который приходилъ играть въ винтъ и говорилъ объ артезіанскихъ колодцахъ. Первый разъ въ паркѣ, потомъ у него.

Все очень смутно. Ходилъ до вечера по берегу моря. Да, музыка какъ будто кончается. Когда я на набережной ударилъ его по лицу, онъ сказалъ: «Это вамъ обойдется дорого», — поднялъ съ земли фуражку и ушелъ. Я съ ней не простился. Глупо было думать о томъ, чтобъ убить ее. Живи, живи. Живи, какъ сейчасъ живешь; какъ вотъ сейчасъ сидишь, сиди такъ вѣчно; ну, взгляни на меня, я тебя умоляю, — взгляни же, взгляни, — я тебѣ все прощу, вѣдь когда-нибудь мы умремъ, и все будемъ знать, и все будетъ прощено, — такъ зачѣмъ же откладывать, — взгляни на меня, взгляни на меня, — ну, поверни глаза, мои глаза, мои дорогіе глаза. Нѣтъ. Кончено.

Послѣдніе звуки, многопалые, тяжкіе, — разъ, еще разъ, — и еще на одинъ разъ хватитъ дыханія, — и послѣ этого, уже заключительнаго, уже какъ будто всю душу отдавшаго аккорда, піанистъ нацѣлился и съ кошачьей мѣткостью взялъ одну, совсѣмъ отдѣльную, маленькую, золотую ноту. Ограда музыки растаяла. Рукоплесканія. Вольфъ сказалъ: «Я эту вещь не игралъ очень давно». Жена Вольфа сказала: «Мой мужъ, знаете, эту вещь давно не игралъ». Докторъ по горловымъ обратился къ Вольфу, наступая, тѣсня его, толкая животомъ: «Изумительно! Я всегда говорю, что это лучшее изъ

всего, что онъ написалъ. Вы по-моему въ концѣ капельку модернизируете звукъ, — я не знаю, понятно ли я выражаюсь, но видите-ли...»

Викторъ Ивановичъ смотрѣлъ по направленію двери. Тамъ маленькая, черноволосая женщина, растерянно улыбаясь, прощалась съ хозяйкой дома, которая удивленно вскрикивала: «Да что вы! Сейчасъ будемъ всѣ чай пить, а потомъ еще будетъ пѣніе». Но гостья растерянно улыбалась и двигалась къ двери, и Викторъ Ивановичъ понялъ, что музыка, въ началѣ казавшаяся тѣсной тюрьмой, въ которой они оба, связанные звуками, должны были сидѣть другъ противъ друга на разстояніи трехъ-четырехъ саженей, — была въ дѣйствительности невѣроятнымъ счастьемъ, волшебной стеклянной выпуклостью, обогнувшей и заключившей его и ее, давшей ему возможность дышать съ нею однимъ воздухомъ, — а теперь все разбилось, разсыпалось, — она уже исчезаетъ за дверью, Вольфъ уже закрылъ рояль, — и невозможно возстановить прекрасный плѣнъ.

Она ушла. Кажется, никто ничего не замѣтилъ. Съ нимъ поздоровался нѣкто Бокъ, заговорилъ мягкимъ голосомъ: «Я все время слѣдилъ за вами. Какъ вы переживаете музыку! Знаете, у васъ былъ такой скучающій видъ, что мнѣ было васъ жалко. Неужели вы до такой степени къ музыкѣ равнодушны?»

«Нѣтъ, почему жъ, я не скучалъ, — неловко отвѣтилъ Викторъ Ивановичъ. — У меня просто

слуха нѣтъ, плохо разбираюсь. Кстати, что это было?»

«Все, что угодно, — произнесъ Бокъ пугливымъ шопотомъ профана, — «Молитва Дѣвы» или «Крейцерова Соната», — все, что угодно».

Пильграмъ

Улица, увлекая въ сторону одинъ изъ номеровъ трамвая, начиналась съ угла люднаго проспекта, долго тянулась въ темнотѣ, безъ витринъ, безъ всякихъ радостей, и, какъ бы рѣшивъ зажить по новому, мѣняла имя послѣ круглаго сквера, который трамвай обходилъ съ неодобрительнымъ скрежетомъ; далѣе она становилась значительно оживленнѣе; по правой рукѣ появлялись: фруктовая лавка съ пирамидами ярко освѣщенныхъ апельсиновъ, табачная съ фигурой арапчонка въ чалмѣ, колбасная, полная жирныхъ коричневыхъ удавовъ, аптека, москательная и вдругъ — магазинъ бабочекъ. Ночью, особенно дождливой ночью, когда асфальтъ подернутъ тюленьимъ лоскомъ, рѣдко кто не останавливался на мгновеніе передъ этимъ символомъ прекрасной погоды. Бабочки, выставленныя напоказъ, были огромныя, яркія. Прохожій думалъ про себя: «какія краски, — невѣроятно!» — и шелъ своей дорогой. Бабочки на короткое время задерживались у него въ памяти. Крылья съ больши-

ми удивленными глазами, лазурныя крылья, черныя крылья съ изумрудной искрой, плыли передъ нимъ до тѣхъ поръ, пока не приходилось перевести вниманіе на приближавшійся къ остановкѣ трамвай. И еще запоминались мелькомъ: глобусъ, какіе то инструменты и черепъ на пьедесталѣ изъ толстыхъ книгъ.

Затѣмъ шли опять обыкновенныя лавки, — галантерейная, угольный складъ, булочная, — а на углу былъ небольшой трактиръ. Хозяинъ, тощій человѣкъ съ ущемленной дряблой кожей между углами воротничка, очень ловко умѣлъ выплескивать въ рюмки изъ клювастой бутылки дешевый коньякъ и былъ большой мастеръ на остроумныя реплики. За круглымъ столомъ у окна почти каждый вечеръ фруктовщикъ, булочникъ, монтеръ и двоюродный братъ хозяина дулись въ карты: выигравшій очередную ставку тотчасъ заказывалъ четыре пива, такъ что въ концѣ концовъ никто не могъ особенно разбогатѣть. По субботамъ къ другому столу рядомъ садился грузный розовый человѣкъ съ сѣдоватыми усами, неровно подстриженными, заказывалъ ромъ, набивалъ трубку и равнодушными, слезящимися глазами, изъ которыхъ правый былъ открытъ чуть пошире лѣваго, глядѣлъ на игроковъ. Когда онъ входилъ, они привѣтствовали его, не сводя взгляда съ картъ. Монтеръ слюнилъ палецъ и ходилъ. «Разъ, два и три», — приговаривалъ булочникъ, высоко поднимая карту за картой и съ размаху хлопая каждой объ столъ. Послѣ чего появлялась новая партія пива.

Иногда кто-нибудь обращался къ грузному человѣку, спрашивалъ, какъ торгуетъ его лавочка; тотъ медлилъ прежде, чѣмъ отвѣтить, и часто не отвѣчалъ вовсе. Если близко проходила хозяйская дочь, крупная дѣвица въ клѣтчатомъ шерстяномъ платьѣ, онъ норовилъ хлопнуть ее по увертливому бедру, совершенно не мѣняя при этомъ своего угрюмаго выраженія, а только наливаясь кровью. Острякъ хозяинъ называлъ его «господинъ профессоръ», присаживался, бывало, къ его столу, говорилъ: «Ну-съ, какъ поживаетъ господинъ профессоръ?» — и тотъ, пыхтя трубкой, долго смотрѣлъ на него прежде, чѣмъ отвѣтить, и затѣмъ, выпятивъ изъ-подъ мундштука мокрую губу лодочкой — вродѣ слона, собирающагося вобрать то, что несетъ ему хоботъ, — говорилъ что-нибудь грубое и несмѣшное, хозяинъ бойко возражалъ, и тогда люди рядомъ, глядя въ карты, тряско гоготали.

На немъ былъ просторный сѣрый костюмъ съ большимъ преобладаніемъ жилетной части, и, когда кукушка на мигъ покидала нѣдра трактирныхъ часовъ, онъ медленнымъ жестомъ, морщась отъ дыма, вынималъ изъ жилетнаго кармана серебряную луковицу и глядѣлъ на нее, держа на ладони и ладонь слегка отставя. Ровно въ полночь онъ выбивалъ трубку въ пепельницу, расплачивался и, сунувъ безкостную руку поочередно хозяину, дочкѣ его и четыремъ игрокамъ, молча уходилъ.

Шелъ онъ по панели чуть прихрамывая, неловко двигая ногами, слишкомъ слабыми и ху-

дыми для его тяжелаго тѣла, и, миновавъ витрину своей лавки, сворачивалъ сразу за ней въ подворотню, гдѣ въ правой стѣнѣ была дверь съ латунной дощечкой, прикрѣпленной посрединѣ: Пильграмъ. Квартира была маленькая, тусклая, съ невеселыми окнами во дворъ; днемъ можно было выходить на улицу черезъ магазинъ, куда велъ — прямо изъ тѣсной гостиной съ буро-малиновымъ диваномъ и старой швейной машиной, украшенной инкрустаціями, — темный проходъ, полный хлама. Когда, въ субботнюю ночь, Пильграмъ входилъ къ себѣ въ спальню, гдѣ надъ широкой постелью было нѣсколько увядшихъ фотографій одного и того же корабля, Элеонора обыкновенно уже почивала. Онъ бормоталъ себѣ подъ носъ, шаркалъ куда-то съ зажженной свѣчей, возвращался, громко запиралъ дверь, кряхтѣлъ, снимая сапоги, и потомъ долго сидѣлъ на краю постели, и жена, проснувшись, начинала стонать въ подушку, предлагая ему помочь раздѣться, и тогда онъ, съ урчащей угрозой въ голосѣ, велѣлъ ей утихнуть и повторялъ слово «тихо» нѣсколько разъ сряду, все болѣе свирѣпо. Послѣ удара, когда онъ чуть не умеръ отъ удушья и долго не могъ говорить, — удара, случившагося съ нимъ въ прошломъ году, какъ разъ когда онъ снималъ сапоги, — Пильграмъ ложился спать нехотя, съ опаской, и потомъ, уже лежа подъ периной, рядомъ съ женой, приходилъ въ бѣшенство, если въ сосѣдней кухнѣ капалъ кранъ. Онъ будилъ жену, и она шлепала въ кухню, — низенькая, въ уны-

лой ночной рубашкѣ, съ толстыми волосатыми икрами, съ маленькимъ лицомъ, лоснившимся отъ перинного тепла. Они были женаты уже четверть вѣка и были бездѣтны. Дѣтей Пильграмъ никогда не хотѣлъ, дѣти служили бы только лишней помѣхой къ воплощенію той страстной, неизмѣнной, изнурительной и блаженной мечты, которой онъ болѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ себя помнилъ.

Онъ спалъ всегда на спинѣ, низко надвинувъ на лобъ ночной колпакъ, — это былъ сонъ по шаблону, прочный и шумный сонъ лавочника, добраго бюргера, и, глядя на него, можно было предположить, что сонъ съ такой пристойной внѣшностью совершенно лишенъ видѣній. На самомъ же дѣлѣ этотъ сорокапятилѣтній, тяжелый, грубый человѣкъ, питавшійся гороховой колбасой да вареным картофелемъ, мирно довѣрявшій своей газетѣ, благополучно невѣжественный во всемъ, что не касалось его одинокой безсмысленной страсти, видѣлъ — безъ вѣдома жены и сосѣдей — необыкновенные сны. По воскресеньямъ онъ вставалъ поздно, въ нѣсколько пріемовъ пилъ кофе, потомъ выходилъ гулять съ женой, — молчаливая, медленная прогулка, которую Элеонора всю недѣлю прилежно предвкушала. Въ будни же онъ открывалъ лавку какъ можно пораньше, расчитывая на дѣтей, мимо идущихъ въ школу, — ибо послѣднее время онъ держалъ въ придачу къ основному товару кое-какія школьныя принадлежности. Бывало, мальчикъ лѣниво плетется въ школу, раскачи-

вая сумкой и жуя на ходу, — мимо табачной, гдѣ въ папиросныхъ коробочкахъ нѣкоторыхъ фирмъ имѣются цвѣтныя картиночки, которыя очень выгодно собирать, мимо колбасной, напоминавшей, что слишкомъ рано съѣденъ бутербродъ, мимо аптеки, мимо москательной, — и, вспомнивъ, что нужно купить резинку, входитъ въ слѣдующій магазинъ. Пильграмъ мычалъ, выдвинувъ нижнюю губу изъ-подъ мундштука трубки, и, вяло порывшись, выкладывалъ на прилавокъ открытую картонку, послѣ чего безучастно глядѣлъ передъ собой, пуская частыя струйки дешеваго дыма. Мальчикъ щупалъ блѣдныя аккуратныя резинки, не находилъ излюбленнаго сорта и удалялся, ничего не купивъ. Главный товаръ въ магазинѣ оставался незамѣченнымъ, — такіе ужъ пошли дѣти, съ горечью думалъ Пильграмъ и мелькомъ вспоминалъ собственное дѣтство. Его покойный отецъ, — морякъ, шатунъ, пройдоха, — женился, уже подъ старость, на желтой свѣтлоглазой голландкѣ, которую онъ вывезъ съ Борнео, и, покончивъ со странствіями, открылъ лавку экзотическихъ вещей. Жена вскорѣ умерла, сынъ ходилъ въ школу, а потомъ сталъ помогать въ лавкѣ. Онъ теперь не помнилъ точно, какъ и когда стали появляться въ ней ящики съ бабочками, но помнилъ, что любилъ бабочекъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ. Очень постепенно бабочки стали вытѣснять сушеныхъ морскихъ коньковъ, чучела колибри, дикарскіе талисманы, вѣера съ драконами и прочую пыльную дрянь. Когда

умеръ отецъ, бабочки окончательно завладѣли магазиномъ, хотя еще долго доживали свой вѣкъ, тамъ и сямъ, парчевыя туфли, бумерангъ, коралловое ожерелье, — потомъ и эти остатки исчезли, бабочки царствовали самодержавно, и только очень недавно онѣ въ свою очередь начали сдавать: пришлось пойти на уступки, появились учебныя пособія, естественнымъ переходомъ къ которымъ служилъ стеклянный ящичекъ съ наглядной біографіей тутоваго шелкопряда. Торговля шла все хуже и хуже. Учебныя пособія, а изъ бабочекъ все то, что могло придтись по вкусу обывателю, — наиболѣе крупные, привлекательные виды, да яркія крылья на гипсѣ въ багетовыхъ рамочкахъ, украшеніе для комнаты, а не гордость ученаго, — выставлены были въ витринѣ, межъ тѣмъ какъ въ самой лавкѣ, пропитанной миндальнымъ запахомъ глоболя, хранились драгоцѣннѣйшія коллекціи, все было заставлено разнообразными ящиками, картонками, коробками изъ подъ сигаръ съ торфяными подстилками, — стеклянные ящики стояли на полкахъ, лежали на прилавкѣ или же были вставлены въ высокіе, темные шкапы, — и всѣ они были наполнены ровными рядами безупречно свѣжихъ, безупречно расправленныхъ бабочекъ. Иногда появлялась живность: тяжелыя коричневыя куколки, съ симметрично сходящимися бороздками на грудкѣ, показывающими, какъ упакованы зачаточныя крылья, лапки, сяжки, хоботокъ между ними, и съ членистымъ остроконечнымъ брюшкомъ, которое вдругъ начинало судорожно

сгибаться вправо и влѣво, если такую куколку тронуть. Лежали онѣ во мху и стоили недорого, — и со временемъ изъ нихъ вылуплялась сморщенная, чудесно растущая бабочка. А иногда появлялись для продажи другія, случайныя, твари — маленькія черепахи ювелирнаго образа или дюжина ящерицъ, уроженокъ Маіорки, холодныхъ, черныхъ, синебрюхихъ, которыхъ Пильграмъ кормилъ мучными личинками на жаркое и виноградинами на сладкое.

Всю жизнь онъ прожилъ въ Пруссіи, всю жизнь, безвыѣздно. Энтомологъ онъ былъ превосходный, вѣнецъ Ребель назвалъ его именемъ одну рѣдкую бабочку, да и самъ онъ кое-что открылъ, описалъ. Въ его ящикахъ были всѣ страны міра, но самъ онъ нигдѣ не побывалъ и и только иногда, по воскресеньямъ, лѣтомъ, уѣзжалъ за городъ, въ скучныя, песчано-сосновыя окрестности Берлина, вспоминалъ дѣтство, поимки, казавшіяся тогда такими необыкновенными, и съ грустью смотрѣлъ на бабочекъ, всѣ виды которыхъ ему были давнымъ-давно извѣстны, прочно, безнадежно соотвѣтствовали пейзажу, — или же на ивовомъ кустѣ отыскивалъ большую, голубовато-зеленую, шероховатую на ощупь гусеницу съ маленькимъ фарфоровымъ рогомъ на задкѣ. Онъ держалъ ее, оцѣпенѣвшую, на ладони, вспоминалъ такую же находку въ дѣтствѣ, — замираніе, приговорки восторга, — и, какъ вещь, ставилъ ее обратно на сучекъ. Да, всю жизнь онъ прожилъ на родинѣ, и, хотя два-три раза подвернулась возможность начать

болѣе выгодное дѣло — торговать сукномъ, — онъ крѣпко держался за свою лавку, какъ за единственную связь между его берлинскимъ прозябаніемъ и призракомъ пронзительнаго счастья: счастье заключалось въ томъ, чтобы самому, вотъ этими руками, вотъ этимъ свѣтлымъ кисейнымъ мѣшкомъ, натянутымъ на обручъ, самому, самому, ловить рѣдчайшихъ бабочекъ далекихъ странъ, собственными глазами видѣть ихъ полетъ, взмахивать сачкомъ, стоя по поясъ въ травѣ, ощущать бурное біеніе сквозь кисею. Деньги на это счастье онъ собиралъ, какъ человѣкъ, который подставляетъ чашу подъ драгоцѣнную, скупо капающую влагу и всякій разъ, когда хоть немного собрано, роняетъ ее, и все выливается, и нужно начать сначала. Онъ женился, сильно расчитывая на приданое, но тесть черезъ недѣлю померъ, оставивъ наслѣдство изъ однихъ долговъ. Затѣмъ, наканунѣ войны, послѣ упорнаго труда все у него было готово къ отъѣзду, — онъ даже пріобрѣлъ тропическій шлемъ; когда же это рухнуло, его еще нѣкоторое время утѣшала надежда, что теперь то онъ попадетъ кое-куда, — какъ попадали прежде на востокъ или въ колоніи молодые лейтенанты, которые, томясь походной скукой, принимались составлять коллекціи бабочекъ и жуковъ, чтобы потомъ на всю жизнь пристраститься къ нимъ. Слабый, рыхлый, больной, онъ былъ оставленъ въ тылу и иностранныхъ чешуекрылыхъ не увидѣлъ. Но самое страшное, — то, что случается только въ кошмарахъ, — произошло черезъ нѣ-

сколько лѣтъ послѣ войны: сумма денегъ, которую онъ опять съ трудомъ набралъ, сумма денегъ, которую онъ держалъ въ рукахъ, — эта вполнѣ реальная сгущенная возможность счастья вдругъ превратилась въ безсмысленныя бумажки. Онъ чуть не погибъ, до сихъ поръ не оправился...

Покупатели были сравнительно не рѣдки, но пріобрѣтали только мелочь, скупились, жаловались на бѣдность. Послѣдніе годы, чтобы слишкомъ не волноваться, онъ избѣгалъ посѣщать энтомологическій клубъ, членомъ котораго давно состоялъ. Иногда къ нему заходилъ коллега, и Пильграма бѣсило, когда тотъ, любуясь цѣнной бабочкой, разсказывалъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ онъ ее ловилъ; Пильграму казалось, что разсказчикъ совершенно равнодушенъ, пресыщенъ дальними странствіями и должно быть не испытывалъ ничего, когда утромъ, въ первый день пріѣзда, выходилъ съ сачкомъ въ степь. Въ магазинѣ тускло пахло миндалемъ, ящики, надъ которыми онъ и знакомый тихо наклонялись, постепенно занимали весь прилавокъ, трубка въ сосущихъ губахъ Пильграма издавала грустный пискъ. Задумчиво онъ глядѣлъ на тѣсные ряды маленькихъ бабочекъ, совершенно одинаковыхъ для непосвященныхъ, и иногда, молча, стучалъ толстымъ пальцемъ по стеклу, указывая рѣдкость, или, мучительно сопя трубкой, поднималъ ящикъ къ свѣту, опять опускалъ на прилавокъ и, вонзясь ногтями подъ тугіе края крышки, расшатывалъ ее легкимъ

рывкомъ и плавно снималъ. «Да, это самочка», — говорилъ коллега, наклонясь тоже надъ открытымъ ящикомъ. Пильграмъ, мыча, брался двумя пальцами за головку черной булавки, на которой было распято крохотное бархатное существо, и долго смотрѣлъ на крылья, на тѣльце, поворачивалъ, глядѣлъ на исподъ и, выдохнувъ вмѣстѣ съ дымомъ латинское названіе, втыкалъ бабочку обратно. Его движенія были какъ будто небрежны, но это была особая, безошибочная небрежность опытнаго хирурга. Хрупкую бабочку, чьи сухіе сяжки отломились бы при малѣйшемъ толчкѣ, — или такъ по крайней мѣрѣ казалось, — и которая легко могла выскользнуть, когда онъ ее вертѣлъ, держа за булавку, эту много стоющую бабочку, этотъ, быть можетъ, единственный экземпляръ, Пильграмъ бралъ такъ же просто, какъ если бы его пальцы и булавка были согласованныя части одной и той же непогрѣшимой машины. Но случалось, что какая-нибудь открытая коробка, тронутая обшлагомъ увлекшагося коллеги, начинала съѣзжать съ прилавка; Пильграмъ, замѣтивъ, во время останавливалъ ее и, только черезъ нѣсколько минутъ, занимаясь другимъ, издавалъ страдальческій стонъ.

Погодя коллега, поднявъ шляпу съ пола, уходилъ, но Пильграмъ, бормоча, еще долго возился съ ящиками, отыскивалъ что-то. Его огромное знаніе въ области чешуекрылыхъ тяготило, дразнило его, искало выхода. Всякая чужая страна представлялась ему исключительно, какъ родина той или иной бабочки, — и томленіе, ко-

торое онъ при этомъ испытывалъ, можно только сравнить съ тоской по родинѣ. Міръ онъ зналъ совершенно по своему, въ особомъ разрѣзѣ, удивительно отчетливомъ и другимъ недоступномъ. Если бъ онъ побывалъ въ какой нибудь прославленной мѣстности, Пильграмъ замѣтилъ бы только то, что относилось къ его добычѣ, служило для нея естественнымъ фономъ, — и только тогда запомнилъ бы Эректеонъ, если бы съ листа оливы, растущей въ глубинѣ святилища, слетѣла и была подхвачена свистящимъ сачкомъ греческая достопримѣчательность, которую лишь онъ, спеціалистъ, могъ оцѣнить. Географическій образъ міра, подробнѣйшій путеводитель (гдѣ игорные дома и старыя церкви отсутствовали) онъ безсознательно составилъ себѣ изъ всего того, что нашелъ въ энтомологическихъ трудахъ, въ ученыхъ журналахъ и книгахъ, — а прочелъ онъ необыкновенно много и обладалъ отличной памятью. Динь въ южной Франціи, Рагуза въ Далмаціи, Сарепта на Волгѣ, — знаменитыя, всякому энтомологу дорогія мѣста, гдѣ ловили мелкую нечисть, на удивленіе и страхъ аборигенамъ, странные люди, пріѣхавшіе издалека, — эти мѣста, славныя своей фауной, Пильграмъ видѣлъ столь же ясно, словно самъ туда съѣздилъ, словно самъ въ поздній часъ пугалъ содержателя скверной гостиницы грохотомъ, топотомъ, прыжками по комнатѣ, въ открытое окно которой, изъ черной, щедрой ночи, влетѣла и стремительно закружилась, стукаясь о потолокъ, сѣренькая бабочка. Онъ посѣщалъ Тенериффу,

окрестности Оротавы, гдѣ въ жаркихъ, цвѣтущихъ овражкахъ, которыми изрѣзаны нижніе склоны горъ, поросшихъ каштаномъ и лавромъ, летаетъ диковинная разновидность капустницы, и тотъ другой островъ — давнюю любовь охотниковъ, — гдѣ на желѣзнодорожномъ скатѣ, около Виццавоны, и повыше, въ сосновыхъ лѣсахъ, водится смуглый, коренастый, корсиканскій махаонъ. Онъ посѣщалъ и сѣверъ — болота Лапландіи, гдѣ мохъ, гонобобель и карликовая ива, богатый мохнатыми бабочками полярный край, — и высокія альпійскія пастбища, съ плоскими камнями, лежащими тамъ и сямъ среди старой, скользкой, колтунной травы, — и, кажется, нѣтъ большаго наслажденія, чѣмъ приподнять такой камень, подъ которымъ и муравьи, и синій скарабей, и толстенькая сонная ночница, еще, быть можетъ, никѣмъ не названная; и тамъ же, въ горахъ, онъ видѣлъ полупрозрачныхъ, красноглазыхъ аполлоновъ, которые плывутъ по вѣтру черезъ горный трактъ, идущій вдоль отвѣсной скалы и отдѣленный широкой каменной оградой отъ пропасти, гдѣ бурно бѣлѣетъ вода. Въ итальянскихъ садахъ лѣтнимъ вечеромъ гравій таинственно скрипѣлъ подъ ногой, и Пильграмъ долго смотрѣлъ сквозь смутную темноту на цвѣтущій кустъ, и вотъ появлялся, нивѣсть откуда, съ жужжаніемъ на низкой нотѣ, олеандровый бражникъ, переходилъ отъ цвѣтка къ цвѣтку, останавливаясь въ воздухѣ передъ вѣнчикомъ и такъ быстро трепеща на мѣстѣ, что виденъ былъ только призрачный

ореолъ вокругъ торпедообразнаго тѣла. Онъ зналъ бѣлые вересковые холмы подъ Мадридомъ, долины Андалузіи, скалы и солнце, большія горы, плодородный и лѣсистый Альбарацинъ, куда довозилъ его по витой дорогѣ маленькій автобусъ. Забирался онъ и на востокъ, въ волшебный Уссурійскій край, и далеко на югъ, въ Алжиръ, въ кедровые лѣса, и черезъ пески въ оазисъ, орошенный горячимъ источникомъ, гдѣ пустыня кругомъ тверда, плотна, въ мелкихъ левкояхъ и въ лиловыхъ ирисахъ.

Занимаясь преимущественно палеарктической фауной, онъ съ трудомъ воображалъ тропики, — и попытка туда проникнуть мечтой вызывала сердцебіеніе и чувство, почти нестерпимое, сладкое, обморочное. Онъ ловилъ сафирныхъ амазонскихъ бабочекъ, такихъ сіяющихъ, что отъ ихъ просторныхъ крыльевъ ложился на руку или на бумагу голубой отсвѣтъ. Въ Конго на жирной, черной землѣ плотно сидѣли, сложивъ крылья, желтыя и оранжевыя бабочки, будто воткнутыя въ грязь, — и взлетали яркой тучей, когда онъ приближался, и опускались опять на то же мѣсто. И на Суматрѣ, въ саду, среди джунглей, апельсиновыя деревья въ цвѣту привлекали одну изъ крупнѣйшихъ денницъ, съ великолѣпными тюлевыми крыльями, съ пятнистымъ загнутымъ брюшкомъ толщиною въ палецъ.

«Да, да, да», — бормоталъ онъ, держа передъ собой, какъ картину, драгоцѣнный ящикъ. Тренькалъ звоночекъ надъ дверью, входила жена съ мокрымъ зонтикомъ, съ сѣткой для провизіи, —

и онъ медленно, какъ на шарнирахъ, поворачивался къ ней спиной, вдвигая ящикъ въ одинъ изъ шкаповъ. И вотъ однажды, въ сѣрый и сырой апрѣльскій день, когда онъ размечтался, и вдругъ дернулся звоночекъ, пахнуло дождемъ, вошла Элеонора и дѣловито просѣменила въ комнаты, — Пильграмъ ясно почувствовалъ, что онъ никогда никуда не уѣдетъ, подумалъ, что ему скоро пятьдесятъ, что онъ долженъ всѣмъ сосѣдямъ, что нечѣмъ платить налогъ, — и ему показалось дикой выдумкой, невозможнымъ бредомъ, что сейчасъ, вотъ въ этотъ мигъ, садится южная бабочка на базальтовый осколокъ и дышитъ крыльями.

Уже больше года хранилась у него отданная ему на комиссію вдовой собирателя, съ которымъ онъ прежде имѣлъ дѣла, превосходная, очень представительная коллекція мелкихъ стеклянистыхъ видовъ замѣчательной породы, подражающей комарамъ, осамъ, наѣздникамъ. Вдовѣ онъ сразу сказалъ, что больше семидесяти пяти марокъ не выручитъ, на самомъ же дѣлѣ отлично зналъ, что цѣнность коллекціи составляетъ нѣсколько тысячъ, и что любитель, которому онъ уступитъ ее тысячи за двѣ, почтетъ, что купилъ дешево. Любитель однако не появлялся, на письма, разосланныя тремъ-четыремъ извѣстнымъ коллекціонерамъ, онъ получилъ уклончивые отвѣты, — и тогда Пильграмъ заперъ шкапъ съ коллекціей, и пересталъ о ней думать. И вотъ, въ апрѣлѣ, — какъ разъ въ тѣ дни, когда онъ впалъ въ вялое отчаяніе, мычалъ на жену, много пилъ и ѣлъ

и страдалъ отъ головокруженій, — явился въ лавку господинъ, очень по модѣ одѣтый, и, бѣгая глазами по лавкѣ, попросилъ почтовую марку въ восемь пфениговъ. Мелкія монеты, которыми онъ заплатилъ, Пильграмъ сунулъ въ глиняную копилку, стоявшую на полкѣ, и уставился въ пустоту, сося трубку. Господинъ же съ разсѣяннымъ видомъ оглянулъ ящики съ бабочками и, кивнувъ по направленію изумрудной со многими хвостиками, сказалъ, что она очень красива. Пильграмъ промямлилъ что-то о Мадагаскарѣ и вышелъ изъ-за прилавка. «А вотъ эти, — неужели тоже бабочки?» — спросилъ господинъ, ткнувъ пальцемъ въ другой ящикъ. Пильграмъ межъ тѣмъ вынулъ изумрудную съ хвостиками и, поворачивая ее такъ и сякъ, смотрѣлъ на этикетку, наколотую на булавку подъ самой грудкой. Господинъ повторилъ свой вопросъ, Пильграмъ взглянулъ по направленію его пальца, пробормоталъ, что у него есть цѣлая коллекція такихъ, — пять тысячъ экземпляровъ, — и, воткнувъ мадагаскарскую обратно, закрылъ ящикъ. «Вродѣ комаровъ», — сказалъ господинъ. Пильграмъ почесалъ небритый подбородокъ и, подумавъ, удалился въ глубину лавки. Онъ вернулся съ ящикомъ, который, крякнувъ, положилъ на прилавокъ. Господинъ сталъ разглядывать стеклянистыхъ мотыльковъ съ цвѣтными тѣльцами. Пильграмъ указалъ концомъ трубки на одинъ изъ рядовъ, и одновременно господинъ произнесъ «polaris», чѣмъ и выдалъ себя. Пильграмъ принесъ еще ящикъ, потомъ

третій, четвертый, и постепенно ему становилось ясно, что господинъ отлично зналъ о существованіи этой коллекціи, нарочно за этимъ и пришелъ, и наконецъ, когда былъ произнесенъ небрежный вопросъ — «Сколько же это все стоитъ, — вѣроятно недорого?» — Пильграмъ пожалъ плечами и усмѣхнулся. И на слѣдующій день господинъ явился опять, и выяснилось, что Пильграмъ ему писалъ, что фамилія его Зоммеръ, — да-да, знаменитый Зоммеръ... И тогда онъ понялъ, что совершится сдѣлка.

Послѣдній разъ, что онъ однимъ махомъ заработалъ крупную сумму, было наканунѣ инфляціи, когда удалось продать тоже шкапъ съ опредѣленнымъ родомъ, — видамъ котораго, пушистымъ, съ яркими задними крыльями, даны названія, относящіяся къ любви: избранница, нареченная, супруга, прелюбодѣйка... И теперь, тонко торгуясь съ Зоммеромъ, онъ ощущалъ волненіе, тяжесть въ вискахъ, черныя пятна плыли передъ глазами, — и предчувствіе счастья, предчувствіе отъѣзда было едва выносимо. Онъ зналъ отлично, что это безуміе, зналъ, что оставляетъ нищую жену, долги, магазинъ, который и продать нельзя, зналъ, что двѣ-три тысячи, которыя онъ выручитъ за коллекцію, позволятъ ему странствовать не больше года, — и все же онъ шелъ на это, какъ человѣкъ, чувствующій, что завтра — старость, и что счастіе, пославшее за нимъ, уже больше никогда не повторитъ приглашенія.

Когда наконецъ Зоммеръ сказалъ, что черезъ три дня дастъ окончательный отвѣтъ, Пильграмъ рѣшилъ, что мечта вотъ сейчасъ, сейчасъ изъ куколки вылупится. Онъ подолгу разглядывалъ карту, висѣвшую на стѣнѣ въ лавкѣ, выбиралъ маршрутъ, прикидывалъ, въ какомъ мѣсяцѣ водится тотъ или иной видъ, куда поѣхать весной, и куда лѣтомъ, — и вдругъ увидѣлъ что-то зеленое, ослѣпительное и грузно присѣлъ на табуретъ. Наступилъ третій день, Зоммеръ долженъ былъ явиться ровно въ одиннадцать, — и Пильграмъ напрасно прождалъ его до поздняго вечера, — и затѣмъ, волоча ногу, багровый, съ перекошеннымъ ртомъ, пошелъ къ себѣ въ спальню и легъ на скрипнувшую постель. Онъ отказался отъ ужина и очень долго, закрывъ глаза, брюзжалъ на жену, думая, что она стоитъ у постели, но потомъ, прислушавшись, услышалъ, какъ она тихо плачетъ въ кухнѣ, и сталъ думать о томъ, что хорошо бы взять топоръ и шмякнуть ее по темени. Утромъ онъ не всталъ, и Элеонора за него торговала, продала коробку акварельныхъ красокъ и чету недорогихъ бабочекъ. И еще черезъ день, когда воспоминаніе о покупателѣ стало уже совсѣмъ призрачно, какъ нѣчто, случившееся давнымъ давно, или даже не бывшее вовсе, а такъ, погостившее случайно въ мозгу, — вдругъ рано утромъ вошелъ въ лавку Зоммеръ. «Ладно, Богъ съ вами, — сказалъ онъ, — доставьте ко мнѣ нынче же...». И когда, вынувъ конвертъ, онъ зашуршалъ тысяч-

ными бумажками, у Пильграма сильно пошла кровь носомъ.

Перевозка шкапа и визитъ къ довѣрчивой старухѣ, которой онъ, скрѣпя сердце, отдалъ пятьдесятъ марокъ, были его послѣднія берлинскія дѣла. Покупка билета, въ видѣ тетрадочки съ разноцвѣтными, отрывными листами, относилась уже къ бабочкамъ. Элеонора не замѣчала ничего, улыбалась, была счастлива, чуя, что онъ хорошо заработалъ, но боясь спросить, сколько именно. Стояла прекрасная погода, Пильграмъ ни разу за день не повысилъ голоса, а вечеромъ зашла госпожа Фангеръ, владѣлица прачешной, чтобы напомнить, что завтра свадьба ея дочери. Утромъ на слѣдующій день Элеонора кое-что выгладила, кое-что вычистила и хорошенько осмотрѣла мужнинъ сюртукъ. Она расчитывала, что отправится къ пяти, а мужъ придетъ погодя, послѣ закрытія магазина. Когда онъ, съ недоумѣніемъ на нее взглянувъ, отказался пойти вообще, — это ее не удивило, такъ какъ она давно привыкла ко всякаго рода разочарованіямъ. «Шампанское», — сказала она, уже стоя въ дверяхъ. Мужъ, возившійся въ глубинѣ съ ящиками, ничего не отвѣтилъ, она задумчиво посмотрѣла на свои руки въ чистыхъ перчаткахъ и вышла. Пильграмъ привелъ въ порядокъ наиболѣе цѣнныя коллекціи, стараясь все дѣлать аккуратно, хотя волновался ужасно, — и, посмотрѣвъ на часы, увидѣлъ, что пора укладываться: скорый на Кельнъ отходилъ въ восемь двадцать. Онъ заперъ лавку, приволокъ старый

клѣтчатый чемоданъ, принадлежавшій отцу, и прежде всего уложилъ охотничьи принадлежности, — складной сачекъ, морилки съ ціанистымъ каліемъ въ гипсѣ, целуллоидовыя коробочки, фонарь для ночной ловли въ лѣсу и нѣсколько пачекъ булавокъ, — хотя вообще онъ предполагалъ поимокъ не расправлять, а держать сложенными въ конвертикахъ, какъ это всегда дѣлается во время путешествій. Упаковавъ это все въ чемоданъ, онъ перенесъ его въ спальню и сталъ думать, что взять изъ носильныхъ вещей. Побольше плотныхъ носковъ и натѣльныхъ фуфаекъ, — остальное неважно. Порывшись въ комодахъ, онъ уложилъ и нѣкоторые предметы, которые въ крайнемъ случаѣ можно было продать, — какъ, напримѣръ, серебряный подстаканникъ и бронзовую медаль въ футлярѣ, оставшуюся отъ тестя. Затѣмъ онъ съ ногъ до головы переодѣлся, сунулъ въ карманъ трубку, посмотрѣлъ въ десятый разъ на часы и рѣшилъ, что пора собираться на вокзалъ. «Элеонора», — позвалъ онъ громко, влѣзая въ пальто. Она не откликнулась, онъ заглянулъ въ кухню, ея тамъ не было, и онъ смутно вспомнилъ про какую-то свадьбу. Тогда онъ досталъ клочекъ бумаги и написалъ для нея карандашомъ нѣсколько словъ. Записку и ключи онъ оставилъ на видномъ мѣстѣ, и, чувствуя ознобъ отъ волненія, журчащую пустоту въ животѣ, въ послѣдній разъ провѣрилъ, всѣ ли деньги въ бумажникѣ. «Пора, — сказалъ Пильграмъ, — пора», — и, подхвативъ чемоданъ, на ватныхъ ногахъ направился къ

двери. Но, какъ человѣкъ, пускающійся впервые въ дальній путь, онъ мучительно соображалъ, все ли онъ взялъ, все ли сдѣлалъ, — и тутъ онъ спохватился, что совершенно нѣтъ у него мелочи, и, вспомнивъ копилку, пошелъ въ лавку, кряхтя отъ тяжести чемодана. Въ полутьмѣ лавки со всѣхъ сторонъ его обступили душныя бабочки, и Пильграму показалось, что есть даже что-то страшное въ его счастіи, — это изумительное счастіе наваливалось, какъ тяжелая гора, и, взглянувъ въ прелестные, что-то знающіе глаза, которыми на него глядѣли безчисленныя крылья, онъ затрясъ головой, и, стараясь не поддаться напору счастья, снялъ шляпу, вытеръ лобъ и, увидѣвъ копилку, быстро къ ней потянулся. Копилка выскочила изъ его руки и разбилась на полу, монеты разсыпались, и Пильграмъ нагнулся, чтобы ихъ собрать.

Подошла ночь, скользкая, отполированная луна безъ малѣйшаго тренія неслась промежъ облаковъ, и Элеонора, возвращаясь за-полночь со свадебнаго ужина домой, чуть-чуть пьяная отъ вина, отъ ядреныхъ шуточекъ, отъ блеска сервиза, подареннаго молодоженамъ, шла неспѣша и вспоминала со щемящей нѣжностью то платье невѣсты, то далекій день собственной свадьбы, — и ей казалось, что, будь жизнь немного подешевле, все было бы въ мірѣ хорошо, и можно было бы прикупить малиновый молочникъ къ малиновымъ чашкамъ. Звонъ вина въ вискахъ, и теплая ночь съ бѣгущей луной, и разнообразныя мысли, которыя все норовили повернуться такъ,

чтобы показать привлекательную, лицевую сторону, все это смутно веселило ее, — и, когда она вошла въ подворотню и отперла дверь, Элеонора подумала, что все-таки это большое счастье имѣть квартиру, хоть тѣсную, темную, да свою. Она, улыбаясь, зажгла свѣтъ въ спальнѣ и сразу увидѣла, что всѣ ящики открыты, вещи разбросаны, но едва ли успѣла въ ней возникнуть мысль о грабежѣ, ибо она замѣтила на столѣ ключи и прислоненную къ будильнику записку. Записка была очень краткая: «Я уѣхалъ въ Испанію. Ящиковъ съ алжирскими не трогать. Кормить ящерицъ».

На кухнѣ капалъ кранъ. Она открыла глаза, подняла сумку и опять присѣла на постель, держа руки на колѣняхъ, какъ у фотографа. Изрѣдка вяло проплывала мысль, что нужно что-то сдѣлать, разбудить сосѣдей, спросить совѣта, быть можетъ поѣхать вдогонку... Кто то всталъ, прошелся по комнатѣ, открылъ окно, закрылъ его опять, и она равнодушно наблюдала, не понимая. что это она сама дѣлаетъ. На кухнѣ капалъ кранъ, — и, прислушавшись къ шлепанію капель, она почувствовала ужасъ, что одна, что нѣтъ въ домѣ мужчины... Мысль, что мужъ дѣйствительно уѣхалъ, не умѣщалась у нея въ мозгу, ей все сдавалось, что онъ сейчасъ войдетъ, мучительно закряхтитъ, снимая сапоги, ляжетъ, будетъ сердиться на кранъ. Она стала качать головой и, постепенно разгоняясь, тихо всхлипывать. Случилось нѣчто невѣроятное, непоправимое, — человѣкъ, котораго она любила за со-

лидную грубость, за положительность, за молчаливое упорство въ трудѣ, бросилъ ее, забралъ деньги, укатилъ Богъ знаетъ куда. Ей захотѣлось кричать, бѣжать въ полицію, показывать брачное свидѣтельство, требовать, умолять, — но она все продолжала сидѣть неподвижно, — растрепанная, въ свѣтлыхъ перчаткахъ.

Да, Пильграмъ уѣхалъ далеко. Онъ вѣроятно посѣтилъ и Гранаду, и Мурцію, и Альбарацинъ, — вѣроятно увидѣлъ, какъ вокругъ высокихъ, ослѣпительно бѣлыхъ фонарей на севильскомъ бульварѣ кружатся блѣдныя ночныя бабочки; вѣроятно онъ попалъ и въ Конго, и въ Суринамъ, и увидѣлъ всѣхъ тѣхъ бабочекъ, которыхъ мечталъ увидѣть, — бархатно черныхъ съ пурпурными пятнами между крѣпкихъ жилокъ, густо синихъ и маленькихъ слюдяныхъ съ сяжками, какъ черныя перья. И въ нѣкоторомъ смыслѣ совершенно неважно, что утромъ, войдя въ лавку, Элеонора увидѣла чемоданъ, а затѣмъ мужа, сидящаго на полу, среди разсыпанныхъ монетъ, спиной къ прилавку, съ посинѣвшимъ, кривымъ лицомъ, давно мертваго.

Совершенство

«Итакъ, мы имѣемъ двѣ линіи», — говорилъ онъ Давиду бодрымъ, почти восторженнымъ голосомъ, точно имѣть двѣ линіи — рѣдкое счастье, которымъ можно гордиться. Давидъ былъ нѣженъ и туповатъ. Глядя, какъ разгораются его уши, Ивановъ предвидѣлъ, что не разъ будетъ сниться ему — черезъ тридцать, черезъ сорокъ лѣтъ: человѣческій сонъ злопамятенъ.

Бѣлокурый, худой, въ желтой вязаной безрукавкѣ, стянутой ремешкомъ, со шрамами на голыхъ колѣняхъ и съ тюремнымъ оконцемъ часиковъ на лѣвой кисти, Давидъ въ неудобнѣйшемъ положеніи сидѣлъ за столомъ и стучалъ себя по зубамъ концомъ самопишущей ручки. Онъ въ школѣ плохо учился, пришлось взять репетитора.

«Теперь обратимся ко второй линіи», — говорилъ Ивановъ все съ той же нарочитой бодростью. По образованію онъ географъ, но знанія его непремѣнимы: мертвое богатство, великолѣп-

ное помѣстье родовитаго бѣдняка. Какъ прекрасны, напримѣръ, старинныя карты. Дорожныя карты римлянъ, подобныя змѣиной кожѣ, длинныя и узорныя, въ продольныхъ полоскахъ каналообразныхъ морей; александрійскія, гдѣ Англія и Ирландія, какъ двѣ колбаски; карты христіанскаго средневѣковья, въ пунцовыхъ и травяныхъ краскахъ, съ райскимъ востокомъ наверху и съ Іерусалимомъ — золотымъ пупомъ міра — посрединѣ. Чудесныя странствія: путешествующій игуменъ сравниваетъ Іорданъ съ родной черниговской рѣчкой, царскій посланникъ заходитъ въ страну, гдѣ люди гуляютъ подъ желтыми солнышниками, тверской купецъ пробирается черезъ густой женгелъ, полный обезьянъ, въ знойный край, управляемый голымъ княземъ. Островокъ вселенной растетъ: новыя робкія очертанія показываются изъ легендарныхъ тумановъ, медленно раздѣвается земля, — и далеко за моремъ уже проступаетъ плечо южной Америки, и дуютъ съ угловъ толстощекіе вѣтры, изъ которыхъ одинъ въ очкахъ.

Карты картами, — у Иванова было еще много другихъ радостей и причудъ. Онъ долговязъ, смуглъ, не очень молодъ; черная борода, когда-то надолго отропщенная и затѣмъ (въ сербской парикмахерской) сбритая, оставила на его лицѣ вѣчную тѣнь: малѣйшая поблажка, и уже тѣнь оживала, щетинилась. Онъ вѣрнымъ пребылъ крахмальнымъ воротничкамъ и манжетамъ; у его рваныхъ сорочекъ былъ спереди хвостикъ, пристегивавшійся къ кальсонамъ. Послѣднее

время онъ принужденъ былъ безсмѣнно носить старый, выходной черный костюмъ, обшитый тесьмой по отворотамъ (все остальное истлѣло) и иногда, въ пасмурный день, при нетребовательномъ освѣщеніи, ему казалось, что онъ одѣтъ хорошо, строго. Въ галстукѣ была какая-то фланелевая внутренность, которая прорывалась наружу, приходилось подрѣзывать, совсѣмъ вынуть было жалко.

Онъ отправлялся около трехъ пополудни на урокъ къ Давиду, развинченной, подпрыгивающей походкой, поднявъ голову, глотая молодой воздухъ ранняго лѣта, и перекатывался его большой, уже за утро оперившійся кадыкъ. Однажды юноша въ крагахъ, шедшій по другой сторонѣ, тихимъ свистомъ подозвалъ его разсѣянный взглядъ, и поднявъ вверхъ подбородокъ прошелъ такъ нѣсколько шаговъ: исправляю своеобразность ближняго. Но Ивановъ не понялъ этой назидательной мимики и, думая, что ему указываютъ явленіе въ небѣ, довѣрчиво посмотрѣлъ еще выше, чѣмъ обычно, — и дѣйствительно: дружно держась за руки, тамъ плыли наискось три прелестныхъ облака; третье понемногу отстало, — и его очертаніе и очертаніе руки, еще къ нему протянутой, медленно утратили свое изящное значеніе.

Все казалось прекраснымъ и трогательнымъ въ эти первые жаркіе дни, — голенастыя дѣвочки, игравшія въ классы, старики на скамейкахъ, зеленое конфетти сѣмянъ, которое сыпалось съ пышныхъ липъ, всякій разъ, какъ потягивался

воздухъ. Одиноко и душно было въ черномъ; онъ снималъ шляпу, останавливался, озирался. Порою, глядя на трубочиста, равнодушнаго носителя чужого счастья, котораго трогали суевѣрной рукой мимо проходившія женщины, или на аэропланъ, обгонявшій облако, онъ принимался думать о вещахъ, которыхъ никогда не узнаетъ ближе, о профессіяхъ, которыми никогда не будетъ заниматься, — о парашютѣ, распускающемся, какъ исполинскій цвѣтокъ, о бѣгломъ и рябомъ мірѣ автомобильныхъ гонщиковъ, о различныхъ образахъ счастья, объ удовольствіяхъ очень богатыхъ людей среди очень живописной природы. Его мысль трепетала и ползла вверхъ и внизъ по стеклу, отдѣляющему ее отъ невозможнаго при жизни совершеннаго соприкосновенія съ міромъ. Страстно хотѣлось все испытать, до всего добраться, пропустить сквозь себя пятнистую музыку, пестрые голоса, крики птицъ, и на минуту войти въ душу прохожаго, какъ входишь въ свѣжую тѣнь дерева. Неразрѣшимые вопросы занимали его умъ: какъ и гдѣ моются трубочисты послѣ работы; измѣнилась ли за эти годы русская лѣсная дорога, которая сейчасъ вспомнилась такъ живо.

Когда наконецъ — съ привычнымъ опозданіемъ — онъ поднимался на лифтѣ, ему казалось, что онъ медленно растетъ, вытягивается, а дойдя головой до шестого этажа, вбираетъ, какъ пловецъ, поджатыя ноги. Вернувшись къ нормальному росту, онъ входилъ въ свѣтлую комнату Давида.

Давидъ во время урока любилъ колупать что-нибудь; впрочемъ, былъ довольно внимателенъ. По-русски онъ изъяснялся съ трудомъ и скукой, и если надобно было выразить важное, или когда съ нимъ говорила мать, переходилъ сразу на нѣмецкій. Ивановъ, знавшій мѣстный языкъ дурно, объяснялъ математику по-русски, а учебникъ былъ, конечно, нѣмецкій, такъ что получалась нѣкоторая путаница. Глядя на оторочен-ныя свѣтлымъ пушкомъ уши мальчика, онъ пытался представить себѣ степень тоски и ненависти, возбуждаемыхъ имъ въ Давидѣ, ему дѣлалось неловко, онъ видѣлъ себя со стороны, нечистую, раздраженную бритвой кожу, лоскъ чернаго пиджака, пятна на обшлагахъ, слышалъ свой фальшиво оживленный голосъ, откашливаніе и даже то, что Давидъ слышать не могъ, — неуклюжій, но старательный стукъ давно больного сердца. Урокъ кончался, Давидъ спѣшилъ показать что-нибудь — автомобильный прейсъ-курантъ, кодакъ, винтикъ, найденный на улицѣ, — и тогда Ивановъ старался изо всѣхъ силъ проявить смышленое участіе, — но увы, онъ былъ не вхожъ въ тайное содружество вещей, зовущееся техникой, и при иномъ немѣткомъ его замѣчаніи Давидъ направлялъ на него блѣдно-сѣрые свои глаза съ недоумѣніемъ и затѣмъ быстро отбиралъ расплакавшійся въ ивановскихъ рукахъ предметъ.

И все же Давидъ былъ нѣженъ. Его равнодушіе къ необычному объяснялось такъ: я самъ, должно быть, казался трезвымъ и суховатымъ

отрокомъ, ибо ни съ кѣмъ не дѣлился своими мечтами, любовью, страхами. Мое дѣтство произнесло свой маленькій, взволнованный монологъ про себя. Можно построить такой силлогизмъ: ребенокъ — самый совершенный видъ человѣка; Давидъ — ребенокъ; Давидъ — совершененъ. Съ такими глазами нельзя только думать о стоимости различныхъ машинъ или о томъ, какъ набрать побольше купончиковъ въ лавкѣ, чтобы даромъ получить товару на полтинникъ. Онъ копитъ и другое, — яркія дѣтскія впечатлѣнія, оставляющія свою краску на перстахъ души. Молчитъ объ этомъ, какъ и я молчалъ. Когда же, въ какомъ-нибудь 1970 году (они похожи на телефонные номера, эти цифры еще далекихъ годовъ), ему попадется картина, — Бонзо, пожирающій теннисный мячъ, — которая виситъ сейчасъ въ его спальнѣ, онъ почувствуетъ толчокъ, свѣтъ, изумленіе предъ жизнью. Ивановъ не ошибался, — глаза Давида и впрямь не лишены были нѣкоторой дымки. Но это была дымка затаеннаго озорства.

Входитъ мать Давида. Она желтоволосая, нервная, вчера изучала испанскій языкъ, нынче питается апельсиновымъ сокомъ: «Я хотѣла бы съ вами поговорить. Сидите, пожалуйста. Давидъ, уходи. Вы кончили заниматься? Давидъ, уходи. Я хочу съ вами поговорить вотъ о чемъ. Скоро у него каникулы. Было бы желательно его отправить на морской штрандъ. Къ сожалѣнію, я сама не сумѣю поѣхать. Вы бы взялись? Я вамъ довѣряю, и онъ васъ слушается. Главное,

я хочу, чтобы онъ побольше разговаривалъ по-русски, а такъ — онъ маленькій спортсменъ, какъ всѣ современныя дѣти. Ну что, какъ вы на это смотрите?»

Съ сомнѣніемъ. Но сомнѣнія своего Ивановъ не выразилъ. Послѣдній разъ онъ видѣлъ море восемнадцать лѣтъ тому назадъ, студентомъ. Мерикюль и Гунгербургъ. Сосны, пески, далекая, блѣдно-серебристая вода, — пока дойдешь до нея, пока она сама дойдетъ до колѣнъ... Это будетъ все то же море, Балтійское, но съ другого бока. А плавалъ я послѣдній разъ не тамъ, а въ рѣкѣ Лугѣ. Мужики выбѣгали изъ воды, — раскорякой, прикрываясь ладонями съ грубымъ цѣломудріемъ. Стуча зубами, надѣвали рубахи прямо на мокрое тѣло. Хорошо купаться подъ вечеръ, да еще когда расширяются тихіе круги теплаго дождя. Но я люблю чувствовать присутствіе дна. Какъ трудно потомъ обуться, не испачкавъ ступней. Вода въ ухѣ: прыгай на одной ногѣ, пока не прольется горячей слезой.

Поѣхали. «А вамъ будетъ жарко», — замѣтила на прощаніе давидова мать, глядя на черный костюмъ Иванова (трауръ по другимъ умершимъ вещамъ). Въ поѣздѣ было тѣсно, и новый мягкій воротничекъ (легкая вольность, лѣтнее баловство) обратился въ тугой компресъ. Давидъ, аккуратно подстриженный, съ играющимъ на вѣтру хохолкомъ, довольный, въ трепещущей, открытой на шеѣ, рубашкѣ, стоялъ у окна, высовывался, — и на поворотахъ появлялся полукругъ переднихъ вагоновъ и головы людей, обло-

котившихся на спущенныя рамы. Потомъ поѣздъ выпрямлялся опять и шелъ, позванивая, быстро-быстро работая локтями, сквозь буковый лѣсъ.

Домъ былъ расположенъ въ тылу городка, простой, двухэтажный, съ кустами смородины въ саду, отдѣленномъ заборомъ отъ пыльной дороги. Желтобородый рыбакъ сидѣлъ на колодѣ и, щурясь отъ вечерняго солнца, смолилъ сѣть. Его жена провела ихъ наверхъ. Оранжевый полъ. Карликовая мебель. На стѣнѣ — внушительныхъ размѣровъ обломокъ пропеллера («мой мужъ служилъ прежде на аэродромѣ»). Ивановъ распаковалъ скудное свое бѣлье, бритву, потрепаннаго Пушкина въ изданіи книгопродавца Панафидиной. Давидъ высвободилъ изъ сѣтки пестрый мячъ, который, ошалѣвъ отъ радости, чуть не сбилъ съ этажерки рогатую раковину. Хозяйка принесла чаю и блюдо камбалы. Давидъ торопился, ему нетерпѣлось увидѣть море. Солнце уже садилось.

Когда, черезъ четверть часа ходьбы, они спустились къ морю, Ивановъ мгновенно почувствовалъ сильнѣйшее сердечное недомоганіе. Въ груди было то тѣсно, то пусто, и среди плоскаго, сизаго моря въ ужасномъ одиночествѣ чернѣла маленькая лодка. Ея отпечатокъ сталъ появляться на всякомъ предметѣ, а потомъ растворился въ воздухѣ. Оттого что все было подернуто пылью сумерекъ, ему казалось, что у него помутилось зрѣніе, а ноги странно ослабѣли отъ мягкаго прикосновенія песка. Гдѣ-то глухо игралъ оркестръ, каждый звукъ былъ какъ бы закупо-

ренъ, трудно дышалось. Давидъ намѣтилъ на пляжѣ мѣсто и заказалъ на завтра купальную корзину. Домой пришлось итти въ гору, сердце отлучалось и спѣшило вернуться, чтобъ отбухать свое и вновь удалиться, и сквозь эту боль и тревогу крапива у заборовъ напоминала Гунгербургъ.

Бѣлая пижама Давида. Ивановъ изъ экономіи спалъ нагишомъ. Отъ землянаго холодка чистыхъ простынь ему сперва стало еще хуже, но вскорѣ полегчало. Луна ощупью добралась до умывальника и тамъ облюбовала одинъ изъ фацетовъ стакана, а потомъ поползла по стѣнѣ. И въ эту ночь, и въ слѣдующія Ивановъ смутно думалъ о многихъ вещахъ заразъ и между прочимъ представлялъ себѣ, что мальчикъ, спящій на сосѣдней кровати, — его сынъ. Десять лѣтъ тому назадъ, въ Сербіи, единственная женщина, которую онъ въ жизни любилъ, чужая жена, забеременѣла отъ него, выкинула и черезъ ночь, молясь и бредя, скончалась. Былъ бы сынъ, мальчишка такого же возраста. Когда по утрамъ Давидъ надѣвалъ купальные трусики, Иванова умиляло, что его кофейный загаръ внезапно переходитъ у поясницы въ дѣтскую бѣлизну. Онъ было запретилъ Давиду ходить отъ дома до моря въ однихъ трусикахъ и даже нѣсколько потерялся, и несразу сдался, когда Давидъ, съ протяжными интонаціями нѣмецкаго удивленія сталъ доказывать ему, что такъ онъ дѣлалъ прошлымъ лѣтомъ, что такъ дѣлаютъ всѣ. Самъ Ивановъ томился на пляжѣ въ печальномъ образѣ горожа-

нина. Отъ солнца, отъ голубого блеска, поташнивало, горячіе мурашки бѣгали подъ шляпой по темени, онъ живьемъ сгоралъ, но не снималъ даже пиджака, ибо, какъ многіе русскіе, стѣснялся «появляться при дамахъ въ подтяжкахъ», да и рубашка въ конецъ излохмотилась. На третій день онъ вдругъ рѣшился и, озираясь исподлобья, разулся. Устроившись посрединѣ глубокой воронки, вырытой Давидомъ, и подложивъ подъ локоть газетный листъ, онъ слушалъ яркое, тугое хлопаніе флаговъ, а то, бывало, съ какой-то нѣжной завистью глядѣлъ поверхъ песчанаго вала на тысячу коричневыхъ труповъ, по разному сраженныхъ солнцемъ, и была одна дѣвушка, великолѣпная, литая, загорѣвшая до черноты, съ поразительно свѣтлымъ взоромъ и блѣдными, какъ у обезьяны, ногтями, — и глядя на нее, онъ старался вообразить, какое это чувство быть такой. Давидъ, получивъ позволеніе искупаться, шумно пускался вплавь, а Ивановъ подходилъ къ самому приплеску и зорко слѣдилъ за Давидомъ, и вдругъ отскакивалъ: волна, разлившись дальше предтечи, облила ему штаны. Онъ вспомнилъ студента въ Россіи, близкаго своего пріятеля, который умѣлъ такъ швырнуть камень, что тотъ дважды, трижды, четырежды подпрыгивалъ на водѣ, но когда онъ захотѣлъ показать Давиду, какъ это дѣлается, камень пробилъ воду, громко бултыхнувъ, Давидъ же разсмѣялся и пустилъ такъ, что вышло не четыре прыжка, а по крайней мѣрѣ шесть. Какъ-то, черезъ нѣсколько дней, онъ по разсѣян-

ности (взглядъ побѣжалъ, и когда онъ спохватился было поздно) прочелъ открытку, которую Давидъ началъ писать матери и забылъ на подоконникѣ. Давидъ сообщалъ, что учитель, должно быть, боленъ, не купается. Въ тотъ же день Ивановъ принялъ чрезвычайныя мѣры. Онъ пріобрѣлъ черный купальный костюмъ и, придя на пляжъ, спрятался въ корзину, съ опаской раздѣлся, натянулъ на себя дешевой галантереей пахнувшее трико. Была минута грустнаго замѣшательства, когда онъ вылѣзъ на солнце, — блѣднокожій, съ мохнатыми ляжками. Все же Давидъ посмотрѣлъ на него съ одобреніемъ. «Ну-съ, — бодро воскликнулъ Ивановъ, — чѣмъ чортъ не шутитъ!» Войдя до поджилокъ въ воду, онъ сначала смочилъ голову, пошелъ дальше, раскинувъ руки, и чѣмъ выше поднималась вода, тѣмъ смертельнѣе сжималось сердце. Наконецъ, набравъ воздуху, заткнувъ уши большими пальцами, а остальными прикрывъ глаза, онъ присѣлъ, окунулся. Ему сдѣлалось такъ плохо, что пришлось спѣшно изъ воды выбраться. Онъ легъ на песокъ, дрожа отъ холода, и весь полный какой-то страшной, ничѣмъ не разрѣшающейся тоски. Его согрѣло солнце, онъ слегка отошелъ, но зарекся купаться. Было лѣнь одѣваться, онъ жмурился, по красному фону скользили оптическія пятнышки, скрещивались марсовы каналы, а стоило чуть разжать вѣки, и влажнымъ серебромъ переливалось между рѣсницъ солнце.

Случилось неизбѣжное. Все, что было у него обнажено, превратилось къ вечеру въ симметричный архипелагъ огненной боли. «Мы сегодня вмѣсто пляжа пойдемъ погулять въ лѣсъ», — сказалъ онъ на слѣдующій день Давиду. «Ахъ, нѣтъ», — ноющимъ голосомъ протянулъ Давидъ. «Избытокъ солнца вреденъ», — сказалъ Ивановъ. «Но я прошу васъ», — затосковалъ Давидъ. Ивановъ, однако, настоялъ на своемъ.

Лѣсъ былъ густой, со стволовъ спархивали окрашенныя подъ кору пяденицы. Давидъ шелъ молча и нехотя. «Мы должны любить лѣсъ, — говорилъ Ивановъ, стараясь развлечь воспитанника. — Это первая родина человѣка. Въ одинъ прекрасный день человѣкъ вышелъ изъ чащи дремучихъ наитій на свѣтлую поляну разума. Черника, кажется, поспѣла, разрѣшаю попробовать. Чего ты дуешься, — пойми, слѣдуетъ разнообразить удовольствія. Да и нельзя злоупотреблять купаніемъ. Какъ часто бываетъ, что неосторожный купальщикъ гибнетъ отъ солнечнаго удара или отъ разрыва сердца».

Ивановъ потерся спиной, — она нестерпимо горѣла и чесалась, — о стволъ дерева и задумчиво продолжалъ: «Любуясь природой данной мѣстности, я всегда думаю о тѣхъ странахъ, которыхъ не увижу никогда. Представь себѣ, Давидъ, что мы сейчасъ не въ Помераніи, а въ Малайскомъ лѣсу. Смотри, сейчасъ пролетитъ рѣдчайшая птица птеридофора съ парой длинныхъ, изъ голубыхъ фестоновъ состоящихъ, антеннъ на головѣ».

«Ахъ, кватчъ», — уныло сказалъ Давидъ.

«По-русски надо сказать «ерунда» или «чушь». Конечно, это ерунда. Но въ томъ то и дѣло, что при извѣстномъ воображеніи... Если когда-нибудь ты, не дай Богъ, ослѣпнешь или попадешь въ тюрьму, или просто въ страшной нищетѣ будешь заниматься гнусной, безпросвѣтной работой, ты вспомнишь объ этой нашей прогулкѣ въ обыкновенномъ лѣсу, какъ — знаешь — о сказочномъ блаженствѣ».

На закатѣ распушились темно-розовыя тучи, которыя рыжѣли по мѣрѣ угасанія неба, и рыбакъ сказалъ, что завтра будетъ дождь, — однако, утро выдалось дивное, безоблачное, и Давидъ торопилъ Иванова, которому немоглось, хотѣлось валяться въ постели и думать о какихъ-то далекихъ, неясныхъ полусобытіяхъ, освѣщенныхъ воспоминаніемъ только съ одного бока, о какихъ-то дымчатыхъ, пріятныхъ вещахъ, — быть можетъ, когда-то случившихся, или близко проплывшихъ когда-то въ полѣ жизни, или еще въ эту ночь явившихся ему во снѣ. Но невозможно было сосредоточить мысль на нихъ, — все ускользало куда-то въ сторону, полуоборотясь съ привѣтливымъ и таинственнымъ лукавствомъ, — ускользало неудержимо, какъ тѣ прозрачные узелки, которые наискось плывутъ въ глазахъ, если прищуриться. Увы, надо было вставать, надо было натягивать носки, столь дырявые, что напоминали митенки. Прежде, чѣмъ выйти изъ дому, онъ надѣлъ давидовы желтые очки, и солнце упало въ обморокъ среди умер-

шаго смертью бирюзы неба, и утренній свѣтъ на ступеняхъ крыльца принялъ закатный оттѣнокъ. Темно-желтый голый Давидъ побѣжалъ впередъ; когда же Ивановъ его окликнулъ, онъ раздраженно повелъ плечами. «Не убѣгай», — устало сказалъ Ивановъ; его кругозоръ сузился вслѣдствіе очковъ, онъ боялся возможныхъ автомобилей.

Пологая улица сонно спускалась къ морю. Понемногу глаза привыкли къ стекламъ, и онъ пересталъ удивляться защитному цвѣту солнечнаго дня. На поворотѣ улицы что-то вдругъ наполовину вспомнилось, — необыкновенно отрадное и странное, — но оно сразу зашло, и сжалась грудь отъ тревожнаго морского воздуха. Смуглые флаги возбужденно хлопали и указывали всѣ въ одну сторону, но тамъ еще не происходило ничего. Вотъ песокъ, вотъ глухой плескъ моря. Въ ушахъ заложено, и если потянуть носомъ, — громъ въ головѣ, и что-то ударяется въ перепончатый тупикъ. «Я прожилъ не очень долго и не очень хорошо, — мелькомъ подумалъ Ивановъ, — а все-таки жаловаться грѣхъ, этотъ чужой міръ прекрасенъ, и я сейчасъ былъ бы счастливъ, только бы вспомнилось то удивительное, такое удивительное, — но что?»

Онъ опустился на песокъ. Давидъ дѣловито принялся подправлять лопатой слегка осыпавшійся валъ. «Сегодня жарко или прохладно? — спросилъ Ивановъ. — Что-то не разберу». Погодя Давидъ бросилъ лопату и сказалъ: «Я пойду купаться немного». «Посиди минуту спокой-

но, — проговорилъ Ивановъ. — Мнѣ надо собраться съ мыслями. Море отъ тебя не уйдетъ». «Пожалуйста», — протянулъ Давидъ.

Ивановъ приподнялся на локтѣ и посмотрѣлъ на волны. Онѣ были крупныя, горбатыя, никто въ этомъ мѣстѣ не купался, только гораздо лѣвѣе попрыгивало и скопомъ прокатывалось вбокъ съ дюжину оранжевыхъ головъ. «Волны», — со вздохомъ сказалъ Ивановъ и потомъ добавилъ: «Ты походи въ водѣ, но не дальше, чѣмъ на сажень. Въ сажени около двухъ метровъ».

Онъ склонилъ голову, подперевъ щеку, пригорюнившись, высчитывая какія-то мѣры жизни, жалости, счастья. Башмаки были уже полны песку, онъ ихъ медленно снялъ, послѣ чего снова задумался, и снова поплыли неуловимые прозрачные узелки, — и такъ хотѣлось вспомнить, такъ хотѣлось... Внезапный крикъ. Ивановъ выпрямился.

Въ желто-синихъ волнахъ, далеко отъ берега, мелькнуло лицо Давида съ темнымъ кружкомъ разинутаго рта. Раздался захлебывающійся ревъ, и все исчезло. Появилась на мигъ рука и исчезла тоже. Ивановъ скинулъ пиджакъ. «Я иду, — крикнулъ онъ, — я иду, держись!» Онъ зашлепалъ по водѣ, упалъ, ледяные штаны прилипли къ голенямъ, ему показалось, что голова Давида мелькнула опять, въ это мгновеніе хлынула волна, сбила шляпу, онъ ослѣпъ, хотѣлъ снять очки, но отъ волненія, отъ холода, отъ томительной слабости во всемъ тѣлѣ, не могъ съ ними справиться, почувствовалъ, что волна, отступивъ,

оттянула его на большое разстояніе отъ берега, и поплылъ, стараясь высмотрѣть Давида. Тѣло было въ тѣсномъ, мучительно-холодномъ мѣшкѣ, нечѣмъ было дышать, сердце напрягалось невѣроятно. Внезапно, сквозь него что-то прошло, какъ молніевидный переборъ пальцевъ по клавишамъ, — и это было какъ разъ то, что все утро онъ силился вспомнить. Онъ вышелъ на песокъ. Песокъ, море и воздухъ окрашены были въ странный цвѣтъ, вялый, матовый, и все было очень тихо. Ему смутно подумалось, что наступили сумерки, — и что теперь Давидъ давно погибъ, и онъ ощутилъ знакомый по прошлой жизни острый жаръ рыданій. Дрожа и склоняясь къ пепельному песку, онъ кутался въ черный плащъ со змѣевидной застежкой, который видѣлъ нѣкогда на пріятелѣ-студентѣ, въ осенній день, давнымъ-давно, — и такъ жаль было матери Давида, — и что ей сказать: я не виноватъ, я сдѣлалъ все, чтобы его спасти, — но я дурно плаваю, у меня слабое сердце, и онъ утонулъ... Что-то однако было не такъ въ этихъ мысляхъ, — и осмотрѣвшись, увидя только пустынную муть, увидя, что онъ одинъ, что нѣтъ рядомъ Давида, онъ вдругъ понялъ, что, разъ Давида съ нимъ нѣтъ значитъ, Давидъ не умеръ.

Только тогда были сняты тусклые очки. Ровный, матовый туманъ сразу прорвался, дивно расцвѣлъ, грянули разнообразные звуки — шумъ волнъ, хлопаніе вѣтра, человѣческіе крики, — и Давидъ стоялъ по щиколки въ яркой водѣ, не зналъ, что дѣлать, трясся отъ страха и не

смѣлъ объяснить, что онъ барахтался въ шутку, а поодаль люди ныряли, ощупывали до дна воду, смотрѣли другъ на друга выпученными глазами и ныряли опять, и возвращались ни съ чѣмъ, и другіе кричали имъ съ берега, совѣтовали искать лѣвѣе, и бѣжалъ человѣкъ съ красно-крестной повязкой на рукавѣ, и трое въ фуфайкахъ сталкивали въ воду скрежещущую лодку, и растеряннаго Давида уводила полная женщина въ пенснэ, жена ветеринара, который долженъ былъ пріѣхать въ пятницу, но задержался, и Балтійское море искрилось отъ края до края, и поперекъ зеленой дороги въ порѣдѣвшемъ лѣсу лежали, еще дыша, срубленныя осины, и черный отъ сажи юноша, постепенно бѣлѣя, мылся подъ краномъ на кухнѣ, и надъ вѣчнымъ снѣгомъ Новозеландскихъ горъ порхали черные попугайчики, и, щурясь отъ солнца, рыбакъ важно говорилъ, что только на девятый день волны выдадутъ тѣло.

Случай изъ жизни

За стѣною Павелъ Романовичъ съ хохотомъ разсказывалъ, какъ отъ него ушла жена.

Я не выдержала этого ужаснаго звука и, не спросясь зеркала, въ мятомъ платьѣ, въ которомъ валялась послѣ обѣда, и, вѣроятно, съ печатью подушки на щекѣ, выскочила туда, то-есть въ хозяйскую столовую, гдѣ застаю такую картину: мой хозяинъ, нѣкто Пришвинъ (не родственникъ писателя) поощрительно слушаетъ, безостановочно набивая папиросы, а Павелъ Романовичъ ходитъ кругомъ стола съ кошмарнымъ лицомъ, до того блѣдный, что кажется даже поблѣднѣла его чистоплотно обритая голова, — чистоплотность особенно русская, инженерно-военная какая-то, но которая сейчасъ напоминаетъ мнѣ что-то нехорошее, страшное, вродѣ какъ каторжное. Онъ принелъ собственно къ моему брату, который какъ разъ уѣхалъ, но это ему въ сущности все равно, его горе должно говорить, и вотъ онъ нашелъ довольнаго слушателя въ

едва знакомомъ, мало симпатичномъ человѣкѣ и, хохоча, причемъ глаза ие участвуютъ, разсказываетъ, какъ жена собирала по квартирѣ вещи, какъ по ошибкѣ увезла его любимое пенснэ, какъ всѣ ея родственники были въ курсѣ дѣла до него, какъ — «Вотъ интересно», — вдругъ обращается онъ прямо къ Пришвину, богомольному вдовцу, а то все больше говорилъ въ пространство, — «вотъ интересно, какъ будетъ на томъ свѣтѣ, будетъ ли она тамъ жить со мной или съ этимъ холуемъ?» «Пойдемте ко мнѣ, Павелъ Романовичъ», — сказала я своимъ самымъ хрусталнымъ тономъ, и только тогда онъ замѣтилъ мое присутствіе, я стояла, грустно прижавшись къ углу темнаго буфета, съ которымъ словно сливалась моя небольшая фигура въ черномъ платьѣ, — да, я ношу трауръ, по всѣмъ, по всемъ, по себѣ, по Россіи, по зародышамъ, выскобленнымъ изъ меня. Мы перешли въ мою комнатку, крохотную, тамъ едва помѣщается шелковое ложе поперекъ себя шире и на низкомъ столикѣ стеклянная бомба лампы, налитая водой, и въ этой атмосферѣ моего личнаго уюта Павелъ Романовичъ сразу сдѣлался другимъ, молча сѣлъ, потеръ воспаленные глаза. Я свернулась рядомъ, похлопала по подушкамъ и задумалась, женской облокоченной задумчивостью, глядя на него, на его голубую голову, на крѣпкія плечи, которымъ бы шелъ скорѣе китель, а не этотъ двубортный пиджакъ. Я глядѣла на него и все удивлялась, какъ могла нѣкогда увлекаться этимъ низкорос-

лымъ, коренастымъ мужчиной съ простымъ лицомъ (только зубы больно хороши, это нужно признать), а вѣдь увлекалась же я имъ два года тому назадъ, когда онъ еще только собирался жениться на своей красавицѣ, — и какъ еще увлекалась, какъ плакала изъ за него, какъ снилась мнѣ эта тонкая цѣпочка на его волосатой кисти! Изъ задняго кармана онъ добылъ свой большой и, какъ онъ выражался, «боевой» портсигаръ и, удрученно кивая, постучалъ нѣсколько разъ, больше разъ, чѣмъ обычно, папиросой о крышку. «Да, Марья Васильевна, — сказалъ онъ наконецъ сквозь зубы, закуривая и поднимая треугольныя брови, — да, никто не могъ думать, что оно такъ случится, вѣрилъ въ бабу, крѣпко вѣрилъ». Послѣ его припадка разговорчивости все казалось теперь страшно тихимъ, слышно было какъ дождь капаетъ о подоконникъ, какъ за стѣной щелкаетъ своей набивалкой Пришвинъ. Оттого ли, что день былъ пасмурный, или оттого, что такое несчастье, какъ несчастье Павла Романовича, требуетъ и отъ видимаго міра распада, затменія, но мнѣ сдавалось, что уже давно вечеръ, хотя было всего три часа дня, и мнѣ еще предстояло ѣхать за городъ по братнему дѣлу. «Какая сволочь, — сказалъ Павелъ Романовичъ со свистомъ, — вѣдь она и только она ее свела съ нимъ, она мнѣ всегда была противна, я отъ Леночки этого не скрывалъ. Какая сволочь! Вы ее кажется видали, — подъ шестьдесятъ, красится въ гнѣдую масть, жирна, горбата отъ жира. Весьма

жаль, что Коля уѣхалъ. Когда онъ вернется, пускай мнѣ позвонитъ немедленно. Я, какъ вы знаете, простой, прямой человѣкъ, и я давно Леночкѣ говорилъ, у тебя мать дурная, вредная. Теперь вотъ какая вещь: можетъ быть мнѣ Коля поможетъ сварганить письмо къ старухѣ, формальное такъ сказать заявленіе, что я отлично знаю и понимаю, чье это вліяніе, кто это мою жену подталкивалъ, — вотъ въ такомъ духѣ и абсолютно вѣжливо, конечно».

Я молчала. Впервые онъ былъ у меня, именно у меня, визиты къ брату не считались, впервые сидѣлъ у меня на каучѣ, ронялъ пепелъ на мои разноцвѣтныя подушки, — но то, что прежде было бы для меня райскимъ удовольствіемъ теперь вовсе меня не радовало. Давно уже добрые люди доносили, что его бракъ неудаченъ, что его жена оказалась дрянной, взбалмошной дурой, — и дальновидная молва давно давала ей въ любовники какъ разъ того оригинала, который нынѣ прельстился ея коровьей красотой. Катастрофа поэтому не являлась для меня сюрпризомъ, — мало того, я можетъ быть и ожидала, что когда-нибудь Павелъ Романовичъ вотъ такъ будетъ прибитъ ко мнѣ. Но нѣтъ, — какъ я ни скребла по самому донышку души, не находила я радости, а напротивъ мнѣ было такъ тяжело, такъ тяжело, что просто не умѣю выразить. Всѣ мои романы по какому-то секретному соглашенію между ихъ героями всегда были какъ на подборъ бездарны и трагичны, или точнѣе бездарностью и обуславливалась ихъ тра-

гичность. Ихъ вступленія мнѣ вспоминать совѣстно, развязки — противно, — а средней части, то-есть какъ разъ самой сути, какъ бы вовсе и нѣтъ, а вспоминается только какое то вялое копошеніе, какъ сквозь мутную воду или липкій туманъ. Мое увлеченіе Павломъ Романовичемъ было хоть тѣмъ славно, что оно не походило на все другое, оставаясь холоднымъ и прелестнымъ, — но сейчасъ и оно, такое уже далекое, минувшее, — обратнымъ порядкомъ заимствовало отъ настоящаго дня оттѣнокъ несчастья, неудачи, даже просто какого-то конфуза, изъ-за того, что мнѣ теперь приходилось выслушивать эти жалобы на жену, на тещу.

«Поскорѣе бы Коля вернулся, — сказалъ Павелъ Романовичъ. — У меня еще есть одинъ планъ и, кажется, неплохой. А пока что я пожалуй пойду».

Я молчала, горестно глядя на него и прикрывъ ротъ бахромой черной шали. Онъ подошелъ къ окну, по стеклу котораго, стуча и жужжа, кубаремъ поднималась муха и опять съѣзжала; потомъ онъ потрогалъ корешки книгъ на полкѣ. Какъ большинство людей, мало читающихъ, онъ питалъ пристрастіе къ словарямъ и теперь вытащилъ толстозадый томъ съ одуванчикомъ и дѣвицей въ рыжихъ локонахъ на обложкѣ. «Прекрасная штука», — сказалъ онъ, втиснулъ слона обратно и вдругъ громко зарыдалъ. Я усадила его рядомъ съ собой, онъ покачнулся, рыдая все пуще, и уткнулся лицомъ въ мои колѣни. Легкими пальцами я касалась

его горячей наждачной головы и розоваго крѣпкаго затылка, который мнѣ такъ нравится въ мужчинахъ. Понемножку его рыданія утихли. Онъ мягко укусилъ меня сквозь платье и выпрямился. «Знаете что, — сказалъ онъ, звучно шлепнувъ въ большія полыя ладони (у меня былъ волжскій дядюшка, который такъ показывалъ, какъ коровы кладутъ пироги), — пойдемте ко мнѣ, голубушка. Я оставаться одинъ не въ силахъ. Мы вотъ вмѣстѣ поужинаемъ, водочки трахнемъ, затѣмъ въ кино, а?»

Я не могла не согласиться, хотя знала, что буду объ этомъ жалѣть. Отмѣняя по телефону дѣло, я видѣла себя въ зеркалѣ и себѣ самой казалась монашкой со строгимъ восковымъ лицомъ, но черезъ минуту, пудрясь и надѣвая шляпу, я какъ бы окунулась въ свои огромные, черные, опытные глаза, и въ нихъ былъ блескъ отнюдь не монашескій, — даже сквозь вуалетку они горѣли, ухъ, какъ горѣли. По дорогѣ, въ трамваѣ Павелъ Романовичъ сталъ чужимъ, угрюмымъ, я разсказывала ему про колину службу, а у него шнырялъ взглядъ, онъ явно не слушалъ. Пріѣхали. Въ трехъ небольшихъ комнатахъ, которыя онъ со своей Леночкой занималъ, господствовалъ невѣроятный безпорядокъ, точно самыя вещи, его и ея, передрались между собой. Чтобы развлечь Павла Романовича, я стала изображать субретку, надѣла всѣми забытый въ углу кухни передничекъ, внесла успокоеніе въ ряды мебели, чистенько накрыла на столъ, такъ что Павелъ Романовичъ наконецъ опять шлепнулъ

въ ладони и рѣшилъ сварить борщъ, онъ очень гордился своими поварскими способностями.

Послѣ первыхъ двухъ-трехъ рюмокъ, онъ пришелъ въ необыкновенно бодрое, дѣловитое настроеніе, точно въ самомъ дѣлѣ былъ какой-то планъ, къ выполненію котораго надо было приступить. Не знаю, заразился ли онъ самъ отъ себя той напускной серьезностью, которой умѣющій выпить мужчина обставляетъ водку, или же впрямь ему казалось, что еще у меня въ комнатѣ мы съ нимъ вмѣстѣ начали что-то такое вырабатывать, обсуждать, но онъ зарядилъ самопишущее перо, съ многозначительнымъ видомъ принесъ досье, — письма жены къ нему, когда онъ весной уѣзжалъ въ Бременъ или куда-то, и сталъ приводить изъ нихъ цитаты, доказывающія, что она именно *его* любитъ, а не того. При этомъ онъ что-то бодро приговаривалъ, — «такъ-съ», «отлично-съ», «вотъ, изволите видѣть», — и продолжалъ пить. Разсужденіе его сводилось къ тому, что если Леночка ему писала «мысленно ласкаю тебя, павіанычъ милый», то она не можетъ любить другого, а посему заблуждается, и нужно ей заблужденіе это растолковать. Еще выпивъ, онъ перемѣнился, потемнѣлъ, погрубѣлъ, почему-то разулся, а потомъ снова, какъ давеча, разрыдался и рыдая ходилъ по комнатамъ, словно не было меня, и со всей силой босой ступней отпихивалъ стулъ, когда на него натыкался. Онъ докончилъ между тѣмъ графинъ, и тогда наступила третья фаза, заключительная часть этого пьянаго силлогиз-

ма, въ которой сочетались по всѣмъ правиламъ діалектики первоначальная дѣловитость и послѣдовавшая за нею мрачность. Теперь выходило такъ, что мы съ нимъ установили кое-что (что именно, было довольно неясно), въ чрезвычайно неблаговидномъ свѣтѣ рисующее ея любовника, и планъ состоялъ въ томъ, чтобы я, какъ бы по собственному почину, отправилась къ ней и «предупредила», причемъ надо было заразъ дать ей понять и то, что Павелъ Романовичъ абсолютно противъ всякаго вмѣшательства, и то, что его совѣты носятъ характеръ ангельскаго безкорыстія. Не успѣла я опомниться, какъ уже окруженная и стѣсненная густымъ шопотомъ Павла Романовича тутъ же поспѣшно обувавшагося, звонила ей по телефону и только, когда услышала ея голосъ, высокій, глупо звонкій, — вдругъ ясно поняла, что я пьяна и дѣлаю глупости. Я разъединила, но онъ принялся цѣловать мои холодныя, мои сжимающіяся руки, и я позвонила опять, была признана безъ энтузіазма, сказала, что должна ее повидать по дѣлу, и она съ нѣкоторой запинкой согласилась, чтобы я пришла къ ней тотчасъ. Тутъ, то-есть, когда уже мы вмѣстѣ съ Павломъ Романовичемъ вышли изъ дома, оказалось, что планъ нашъ созрѣлъ окончательно и поразительно простъ: я должна была ей сказать, что у Павла Романовича есть нѣчто сообщить ей исключительно важное, — никакъ, никакъ не касающееся ихъ расхожденія (на это онъ особенно напиралъ, смакуя такую тактику), и что онъ ее ждетъ въ пивной напротивъ.

Я какъ то очень долго поднималась по лѣстницѣ, и меня почему-то страшно мучила мысль, что послѣдній разъ, когда мы съ нею видѣлись, я была въ той же шляпѣ и съ той же черной лисой на плечѣ. Леночка зато вышла ко мнѣ нарядная, только что, видимо, завитая, но плохо завитая, да и вообще подурнѣвшая, съ какими-то пожилыми припухлостями вокругъ шикарно намазаннаго рта, изъ за которыхъ весь этотъ шикъ пропадалъ напрасно. «Я не вѣрю, что это такъ важно, — сказала она, глядя на меня съ любопытствомъ, — но если онъ думаетъ, что мы еще не обо всемъ переговорили, пожалуйста, я согласна, только прошу при свидѣтеляхъ, одна я боюсь съ нимъ остаться, довольно, господа».

Когда мы вошли въ пивную, Павелъ Романовичъ сидѣлъ облокотясь о столъ, теръ мизинцемъ красные, голые глаза и длинно, однотонно, разсказывалъ что-то, какой-то «случай изъ жизни» совершенно незнакомому нѣмцу, сидѣвшему за его столомъ, огромнаго роста мужчинѣ съ прилизаннымъ пробоpомъ, но съ темнымъ пухомъ сзади на шеѣ и съ обкусанными ногтями. «Съ другой стороны, — говорилъ Павелъ Романовичъ, — мой отецъ не хотѣлъ влипнуть въ исторію и поэтому рѣшилъ его окружить заборомъ. Хорошо-съ. Отъ насъ было до нихъ какъ примѣрно — —». Онъ разсѣянно кивнулъ женѣ и продолжалъ какъ ни въ чемъ не бывало: «— — примѣрно до трамвая, такъ что никакихъ претензій у нихъ быть не могло. Но согласитесь, что провести всю осень въ Вильнѣ безъ свѣта

не шутка. Тогда, скрѣпя сердце — —» Было совершенно непонятно, о чемъ онъ разсказываетъ. Нѣмецъ слушалъ прилежно, слегка раскрывъ ротъ, онъ съ трудомъ понималъ по русски, но самый процессъ пониманія доставлялъ ему удовольствіе. Леночка, сидѣвшая такъ близко отъ меня, что я чувствовала ея непріятную теплоту, принялась рыться въ своей сумкѣ. «Этому рѣшенію, — говорилъ Павелъ Романовичъ, — посодѣйствовала болѣзнь отца. Если вы тамъ дѣйствительно жили, то, конечно, помните улицу. По ночамъ тамъ темно, и часто случается — —» «Павликъ, — сказала Леночка, — вотъ твое пенснэ, я нечаянно увезла въ сумкѣ». «По ночамъ тамъ темно», — повторилъ Павелъ Романовичъ; растворилъ, говоря, футлярчикъ, который она ему перебросила черезъ столъ, надѣлъ пенснэ и, вынувъ револьверъ, началъ въ жену стрѣлять.

Она съ воплемъ упала подъ столъ, увлекая меня за собой, а нѣмецъ, отпрянувшій отъ Павла Романовича, споткнулся о насъ и тоже упалъ, такъ что мы трое какъ то спутались на полу, но я успѣла увидѣть, какъ подскочившій къ стрѣлявшему офиціантъ со страшнымъ наслажденіемъ и силой ударилъ его по темени желѣзной пепельницей. Потомъ было обычное въ такихъ случаяхъ медленное приведеніе разбитаго міра въ порядокъ, — съ участіемъ зѣвакъ, полиціи, санитаровъ. Фальшиво стонущая, на вылетъ раненая въ толстое загорѣлое плечо, Леночка была отвезена въ больницу, а вотъ какъ Павла Рома-

новича уводили я не видѣла. Когда все кончилось, то-есть когда всѣ опять заняли свои мѣста — фонари, дома, звѣзды, — я очутилась на пустынной улицѣ вмѣстѣ съ нѣмцемъ: громадный, съ обнаженной головой, въ просторномъ макинтошѣ, онъ словно плылъ рядомъ со мной. Мнѣ сначала казалось, что онъ провожаетъ меня домой, но внезапно сообразила, что это я его провожаю. Медленно, вѣско, но не безъ поэзіи, и почему-то на дурномъ французскомъ языкѣ, онъ объяснилъ мнѣ у своихъ воротъ, что не можетъ повести меня къ себѣ, потому что живетъ съ пріятелемъ, который замѣняетъ ему и отца, и брата, и жену. Его извиненія показались мнѣ столь оскорбительными, что я велѣла ему вызвать немедленно таксомоторъ и отвезти меня во-свояси, но онъ испуганно улыбнулся и захлопнулъ мнѣ дверь въ лицо, — и вотъ я уже шла по мокрой, — хотя дождь давно пересталъ, — мокрой и точно пристыженной улицѣ, совсѣмъ одна, какъ мнѣ отъ вѣка итти полагается, и передъ глазами у меня все поднимался, поднимался Павелъ Романовичъ, стирая съ бѣдной своей головы кровь и пепелъ.

Красавица

Ольга Алексѣевна, о которой сейчасъ будетъ рѣчь, родилась въ 1900 году въ богатой, безпечной, дворянской семьѣ. Блѣдная дѣвочка въ бѣлой матроскѣ, съ косымъ проборомъ въ каштановыхъ волосахъ и такими веселыми глазами, что ее всѣ цѣловали въ глаза, она съ дѣтства слыла красавицей: чистота профиля, выраженіе сложенныхъ губъ, шелковистость косы, доходившей до спинной впадинки, — все это и въ самомъ дѣлѣ было очаровательно.

Нарядно, покойно и весело, какъ изстари у насъ повелось, прошло это дѣтство: лучъ усадебнаго солнца на обложкѣ Bibliothèque Rose, классическій иней петербургскихъ скверовъ. Запасъ такихъ воспоминаній и составилъ то единственное приданое, которое оказалось у нея по выходѣ изъ Россіи весной 1919 года. Все было въ полномъ согласіи съ эпохой: мать умерла отъ тифа, брата разстрѣляли, — готовыя формулы, конечно, надоѣвшій говорокъ, — а вѣдь все это

было, было, иначе не скажешь, — нечего носъ воротить.

Итакъ, въ 1919 году передъ нами взрослая барышня, съ большимъ блѣднымъ лицомъ, перестаравшимся въ смыслѣ правильности, но все-таки очень красивымъ; высокаго роста, съ мягкой грудью, всегда въ черномъ джамперѣ; шарфъ вокругъ бѣлой шеи и англійская папироса въ тонкоперстой рукѣ съ выдающейся косточкой на запястьѣ.

А была въ ея жизни пора, — на исходѣ шестнадцатаго года, что-ли, — когда, лѣтомъ, въ дачномъ мѣстѣ близь имѣнія, не было гимназиста, который не собирался бы изъ за нея стрѣляться, не было студента, который... Однимъ словомъ: особенное обаяніе, которое, продержись оно еще нѣкоторое время, натворило бы... нанесло бы... Но какъ то ничего изъ этого не вышло, — все было какъ то не такъ, зря: цвѣты, которые лѣнь поставить въ воду; прогулки въ сумерки то съ этимъ, то съ тѣмъ; тупики поцѣлуевъ.

Она свободно говорила по французски, произнося «жансъ», «ау»; наивно переводя «грабежи» словомъ «grabuges»; употребляя какія-то старосвѣтскія рѣченія, застрявшія въ старыхъ русскихъ семьяхъ; но очень убѣдительно картавя, — хотя во Франціи не бывала никогда. Надъ комодомъ въ ея берлинской комнатѣ была пришпилена булавкой съ головкой подъ бирюзу открытка — сѣровскій портретъ Государя. Она была набожна, но, случалось, и въ церкви находилъ на нее смѣхотунъ. Съ жуткой легкостью, свой-

ственной всѣмъ русскимъ барышнямъ ея поколѣнія, она писала — патріотическіе, шуточные, какіе угодно — стихи.

Лѣтъ шесть, то-есть до 1926 года, она проживала въ пансіонѣ на Аугсбургерштрассе (тамъ, гдѣ часы) вмѣстѣ со своимъ отцомъ, плечистымъ, бровастымъ, желтоусымъ старикомъ, на тонкихъ ногахъ въ узенькихъ брючкахъ. Онъ служилъ въ какомъ-то оптимистическомъ предпріятіи; славился порядочностью, добротой; былъ не дуракъ выпить.

У Ольги Алексѣевны набралось довольно много знакомыхъ, все русская молодежь. Завелся особый лихой тончикъ. «Пошли въ кинемоньку». «Вчера ходили въ дилю». Былъ спросъ на всяческія присловицы, прибаутки, подражанія подражаніямъ. «Не котлеты, а мракъ». «Кого-то нѣтъ, кого-то жаль...» (Или — сдавленнымъ голосомъ, съ надсадомъ: «Гас-спада офицеры...»)

У Зотовыхъ въ жарко натопленныхъ комнатахъ она лѣниво танцевала фокстротъ подъ граммофонъ, передвигая не безъ изящества длинную ляжку, держа на отлетѣ докуренную папиросу и, когда глазами находила вращавшуюся отъ музыки пепельницу, совала туда окурокъ, не останавливаясь. Какъ прелестно, какъ многозначительно, бывало, поднимала она къ губамъ бокалъ, за тайное здоровье третьяго лица, — сквозь рѣсницы глядя на довѣрившагося ей. Какъ любила въ углу на диванѣ обсуждать съ тѣмъ или съ другимъ чьи-нибудь сердечныя обстоятельства, ко-

лебаніе шансовъ, вѣроятность объясненія, — и все это полусловами, и какъ сочувственно при этомъ улыбались ея чистые глаза, широко раскрытые, съ едва замѣтными веснушками на тонкой сизоватой кожѣ подъ ними и вокругъ нихъ... Однако, въ нее самое никто не влюблялся, и потому запомнился хамъ, который на благотворительномъ балу залапалъ ее, и плакалъ у нея на голомъ плечѣ, и былъ вызванъ на дуэль маленькимъ барономъ Р., но отказался драться. Кстати, слово «хамъ» Ольга Алексѣевна употребляла очень часто и по всякому поводу: «Хамы», грудью выпѣвала она, лѣниво и ласково, «Какой хамъ»... «Это же хамы...»

Но вотъ жизнь потемнѣла; что-то кончилось, уже вставали, чтобы уходить... Какъ скоро! Отецъ умеръ; она переѣхала на другую улицу; перестала бывать у знакомыхъ; вязала шапочки и давала дешевые уроки французскаго языка въ какомъ-то дамскомъ клубѣ; такъ дотянула до тридцати лѣтъ.

Это была теперь все та же красавица съ очаровательнымъ разрѣзомъ широко разставленныхъ глазъ и той рѣдчайшей линіей губъ, въ которой какъ бы уже заключена вся геометрія улыбки. Но волосы потеряли лоскъ, были плохо подстрижены, черному костюму пошелъ четвертый годъ, руки съ блестящими, но неряшливыми ногтями были въ выпуклыхъ жилкахъ и дрожали отъ нервности, отъ хулиганскаго куренія, — и лучше умолчимъ о состояніи чулокъ.

Теперь, когда въ сумкѣ шелковыя внутренности были такъ изодраны — (по крайней мѣрѣ всегда была надежда найти бѣглый грошъ); теперь, когда такая усталость —; теперь, когда, надѣвая единственные башмаки, она заставляла себя не думать объ ихъ подошвахъ, точно такъ же какъ, входя наперекоръ чести въ табачную лавку, запрещала себѣ думать, сколько уже тамъ задолжала; теперь, когда не было ни малѣйшей надежды вернуться въ Россію, — а ненависть сдѣлалась столь привычной, что почти перестала быть грѣхомъ; теперь, когда солнце зашло за трубу, — Ольга Алексѣевна терзалась иногда роскошью какихъ то рекламъ, написанныхъ слюной Тантала, воображая себя богатой. вонъ въ томъ платьѣ, набросанномъ при помощи трехъ-четырехъ наглыхъ линій, на той палубѣ, подъ той пальмой, у балюстрады бѣлой терассы. Ну и еще кое-чего ей недоставало.

Однажды, едва ее не сбивъ съ ногъ, изъ телефонной будки вихремъ вымахнула Вѣрочка, подруга прежнихъ лѣтъ, какъ всегда спѣшащая, съ пакетами, съ мохноглазымъ терьеромъ, поводокъ котораго обвился дважды вокругъ ея юбки. Она накинулась на Ольгу Алексѣевну, умоляя ее пріѣхать къ нимъ на дачу, говоря, что это судьба, что это замѣчательно, и какъ тебѣ живется, и много ли поклонниковъ. «Нѣтъ, матушка, годы не тѣ», — отвѣчала Ольга Алексѣевна, — «да кромѣ того...» Она прибавила маленькую подробность, и Вѣрочка покатилась со смѣху, склоняя пакеты до земли. «Серьезно», — сказала Ольга

Алексѣевна съ улыбкой. Вѣрочка продолжала уговаривать ее, дергая терьера, вертясь. Ольга Алексѣевна, вдругъ заговоривъ въ носъ, заняла у нея денегъ.

Вѣрочка была мастерица устраивать всякія штуки, будь то крюшонъ, виза или свадьба. Теперь она съ упоеніемъ занялась судьбой Ольги Алексѣевны. «Въ тебѣ проснулась сваха», — шутилъ ея мужъ, пожилой балтіецъ, — обритая голова, монокль. Въ яркій августовскій день пріѣхала Ольга Алексѣевна, была мгновенно переодѣта въ вѣрочкино платье, перечесана, перекрашена, — она лѣниво ругалась, но уступала, — и какъ празднично стрѣляли половицы въ веселой дачкѣ, какъ вспыхивали въ зеленомъ плодовомъ саду висячія зеркальца для острастки птицъ! Пріѣхалъ на недѣлю погостить нѣкто Форсманъ, русскій нѣмецъ, состоятельный вдовецъ, спортсменъ, авторъ охотничьихъ книгъ. Онъ самъ давно просилъ Вѣрочку подыскать ему невѣсту — «настоящую русскую красоту». У него былъ крупный, крѣпкій носъ, съ тончайшей розовой венкой на высокой горбинкѣ. Онъ былъ вѣжливъ, молчаливъ, минутами даже угрюмъ, — но умѣлъ тотчасъ же, какъ то подъ шумокъ, подружиться навѣки съ собакой или съ ребенкомъ. Съ его пріѣздомъ на Ольгу Алексѣевну напала дурь; вялая и злая, она все дѣлала не то, что слѣдовало, — и сама чувствовала, что не то, — и когда рѣчь заходила о бывшей Россіи, (Вѣрочка старалась заставить ее блеснуть прошлымъ), ей казалось, что она все вретъ, и что всѣ

понимаютъ, что она вретъ, — и потому она упорно не говорила всего того, что Вѣрочка старалась напоказъ изъ нея извлечь, да и вообще не давала ничему наладиться. Хлопали въ карты на верандѣ и толпой гуляли въ лѣсу, — но Форсманъ все больше разговаривалъ съ вѣрочкинымъ мужемъ, вспоминая какія то продѣлки юности, и оба до-красна наливались смѣхомъ и, отставъ, падали на мохъ. Наканунѣ отъѣзда Форсмана играли какъ всегда по вечерамъ въ карты на верандѣ; вдругъ Ольга Алексѣевна почувствовала невозможное сжатіе въ горлѣ, — ей удалось все же улыбнуться и безъ особаго спѣха уйти. Къ ней стучалась Вѣрочка, но она не открыла. Среди ночи перебивъ сонмище сонныхъ мухъ въ низкой комнатѣ и такъ накурившись, что уже не могла затягиваться, Ольга Алексѣевна, въ раздраженіи, въ тоскѣ, ненавидя себя и всѣхъ, вышла въ садъ; тамъ трещали сверчки, качались вѣтви, изрѣдка падало съ тугимъ стукомъ яблоко, и луна дѣлала гимнастику на бѣленой стѣнѣ курятника. Рано утромъ она вышла опять и сѣла на уже горячую ступень. Форсманъ въ синемъ купальномъ халатѣ сѣлъ рядомъ съ ней и, капнлянувъ, спросилъ, согласна ли она стать его супругой — такъ и сказалъ: «супругой». Когда они пришли къ завтраку, то Вѣрочка, ея мужъ и его кузина, совершенно молча, въ разныхъ углахъ танцевали несуществующіе танцы, и Ольга Алексѣевна ласково протянула: «Вотъ хамы», — а слѣдующимъ лѣтомъ она умерла отъ родовъ. Это все. То-есть можетъ быть и имѣется

какое-нибудь продолженіе, но мнѣ оно неизвѣстно, и въ такихъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы теряться въ догадкахъ, повторяю за веселымъ королемъ изъ моей любимой сказки: Какая стрѣла летитъ вѣчно? — Стрѣла, попавшая въ цѣль.

Оповѣщеніе

У Евгеніи Исаковны, старенькой, небольшого формата, дамы, носившей только черное, накануне умеръ сынъ. Она еще ничего объ этомъ не знала.

Шелъ утромъ дождь, дѣло было ранней весной, одна часть Берлина отражалась въ другой, — пестрое зигзагами въ плоскомъ — и такъ далѣе. Чернобыльскіе, старые друзья Евгеніи Исаковны, получили около семи утра телеграмму изъ Парижа, а спустя два часа — письмо (по воздуху). Фабрикантъ, у котораго съ осени служилъ Миша, сообщалъ, что бѣдный молодой человѣкъ упалъ въ пролетъ лифта съ верхней площадки, — и еще послѣ этого мучился сорокъ минутъ, былъ безъ сознанія, но ужасно и непрерывно стоналъ — до самаго конца.

Между тѣмъ Евгенія Исаковна встала, одѣлась, накинула на острыя плечи черный вязаный платокъ и на кухнѣ сварила себѣ кофе. Истовымъ благоуханіемъ своего кофе она гордилась

передъ фрау докторъ Шварцъ, у которой жила, — скупой, некультурной скотиной, — съ нею Евгенія Исаковна вотъ уже цѣлую недѣлю не разговаривала, — и это была далеко не первая ссора, — но съѣзжать не хотѣлось — по всякимъ причинамъ, не разъ перечисленнымъ, но никогда не скучнымъ. Несомнѣнное превосходство Евгеніи Исаковны надъ тѣмъ или другимъ лицомъ, съ которымъ она рѣшала временно прервать сношенія, состояло въ слѣдующемъ: просто выключался слухъ, весь помѣщавшійся у нея въ черномъ аппаратикѣ на подобіе сумки.

Проходя съ готовымъ кофе обратно къ себѣ черезъ прихожую, она увидѣла, какъ впорхнула въ щель и сѣла на полъ открытка, просунутая почтальономъ. Открытка была отъ сына, — о смерти котораго Чернобыльскіе только-что получили извѣстіе болѣе совершенными почтовыми путями, — такъ что строки (въ сущности недѣйствительныя), которыя она сейчасъ читала, стоя на порогѣ своей большой нелѣпой комнаты, съ кофейникомъ въ рукѣ, можно было бы уподобить все еще зримымъ лучамъ звѣзды, уже потухшей. «Золотая моя Мулечка», писалъ сынъ, такъ ее звавшій съ дѣтства, «я по-прежнему по горло занятъ и по вечерамъ прямо валюсь съ ногъ, почти не бываю нигдѣ...»

Черезъ двѣ улицы, въ такой же нелѣпой, загроможденной чужими пустяками, квартирѣ, Чернобыльскій, не поѣхавъ сегодня «въ городъ», шагалъ по комнатамъ, большой, жирный, лысый, съ громадными дугами бровей и маленькимъ

ртомъ, въ темномъ костюмѣ, но безъ воротничка (воротничекъ съ продѣтымъ галстукомъ висѣлъ хомутомъ на спинкѣ стула въ столовой), шагалъ и говорилъ, разводя руками:

«Какъ я ей скажу? Какіе тутъ могутъ быть переходы, когда нужно орать? Ахъ ты Боже мой, какой это ужасъ... У ней сердце не выдержитъ и разорвется, у несчастной».

Его жена плакала, курила, скребла въ жидкихъ сѣдыхъ волосахъ, звонила Липштейнамъ, Лепочкѣ, доктору Оршанскому — и все никакъ не могла рѣшиться пойти первой къ Евгеніи Исаковнѣ. Жилица Чернобыльскихъ, піанистка въ пенсіэ, съ полной грудью, чрезвычайно сердобольная и опытная, совѣтовала не слишкомъ спѣшить съ извѣщеніемъ, — все равно будетъ этотъ ударъ, — такъ пускай будетъ позже.

«Но съ другой стороны, — вскрикивалъ Чернобыльскій, — нельзя и откладывать! Это ясно, что нельзя. Она — мать, она еще захочетъ можетъ быть въ Парижъ (я знаю?), или чтобы везли сюда. Бѣдный, бѣдный Мишукъ, бѣдный мальчикъ, двадцать три года, вся жизнь впереди... Главное — я же совѣтовалъ, я же его устроилъ,— подумать, что если бъ онъ въ этотъ паршивый Парижъ — — »

«Ну что вы, Борисъ Львовичъ, — разсудительно говорила жилица, — кто это могъ предвидѣть, при чемъ тутъ вы, это смѣшно. Я вообще, между прочимъ, не понимаю, какъ онъ могъ упасть. Вы — понимаете?»

Напившись кофе и вымывъ свою чашку (не обращая при этомъ ни-ка-ко-го вниманія на фрау Шварцъ), Евгенія Исаковна, съ черной сѣткой для покупокъ и зонтикомъ, вышла на улицу. Дождикъ подумалъ и пересталъ. Закрывъ зонтикъ, она пошла по блестящей панели, — довольно еще стройная, съ очень худыми ногами въ черныхъ чулкахъ, изъ которыхъ лѣвый былъ плохо подтянутъ; ступни же казались несоразмѣрно большими, и она ихъ ставила носками врозь, чуть пришлепывая. Несоединенная со своей слуховой машинкой, она была идеально глуха. Беззвучно (то-есть, не выдѣляясь на постоянномъ фонѣ ровнаго полушума) передвигался кругомъ міръ, — резиновые пѣшеходы, ватныя собаки, нѣмые трамваи, а надъ всѣмъ этимъ — едва шурпанція по небу тучи (тамъ и сямъ какъ бы проговаривалась лазурь). Среди общей этой тишины она проходила безстрастная, скорѣе довольная, очарованная и ограниченная своею глухотой, въ черномъ пальто, — и дѣлала свои наблюденія, и думала о разномъ. Она думала о томъ, что завтра, въ праздникъ, вѣроятно заглянутъ къ ней такіе-то; что нужно купить тѣхъ же, какъ и въ прошлый разъ, вафелекъ, — да еще мармеладу въ русскомъ магазинѣ, — и пожалуй десятокъ буше въ той маленькой кондитерской, гдѣ всегда можно ручаться за свѣжесть... Высокій господинъ въ котелкѣ, шедшій навстрѣчу, показался ей издали (правда — очень издали) страшно похожимъ на Владиміра Марковича, Идинаго перваго мужа, который умеръ одинъ,

ночью, въ поѣздѣ, отъ сердца, — а проходя мимо часовой лавки она вспомнила, что пора зайти за Мишиными часиками, которые онъ съ оказіей прислалъ разбитыми изъ Парижа. Зашла. Безшумно, скользко, ничего не задѣвая, ходили маятники, всѣ разные, всѣ вразбродъ. Она прилавила свою машинку, вставила быстрымъ, — бывшимъ когда-то стыдливымъ — движеніемъ наконечникъ въ ухо, и далекій голосъ знакомаго часовщика отвѣчалъ... сталъ вибрировать... и опять отпалъ... но вдругъ звукъ подскочилъ, ударилъ: «Въ пятницу... Въ пятницу...» Хорошо, я слышу, — въ пятницу. Выйдя отъ него, она снова разъединилась съ міромъ. Ея каріе глаза съ желтизной на бѣлкахъ (точно слегка расплылся линючій цвѣтъ райка) приняли снова спокойное, пожалуй даже веселое, выраженіе... Она шла по знакомымъ улицамъ, ставшимъ для нея за эти годы почти такими же привычно занимательными, какъ московскія или харьковскія, вскользь одобряла взглядомъ встрѣчныхъ дѣтей, собачекъ, — и вдругъ зѣвнула на ходу — отъ мартовскаго упругаго воздуха. Ужасно несчастный, съ несчастнымъ носомъ, въ ужасной какой-то шляпѣ, прошелъ знакомый ея знакомыхъ, о которомъ они всегда разсказывали что-нибудь, — и теперь она уже знала все про него, — что у него ненормальная дочь, и мерзавецъ зять, и сахарная болѣзнь... Достигнувъ опредѣленной торговки фруктами (открытой ею еще прошлой весной), она купила чудныхъ бананов; затѣмъ довольно долго ждала очереди въ

бакалейной, глазъ не спуская съ профиля нахалки, пришедшей послѣ нея, однако протиснувшейся ближе къ прилавку; вотъ профиль раскрылся, — но тутъ она приняла должныя мѣры... Въ кондитерской она тщательно выбирала, перегибаясь впередъ, поднимаясь какъ ребенокъ на цыпочки и поводя указательнымъ пальцемъ, — и черная шерстяная перчатка была съ дырочкой. Не успѣла она выйти оттуда и заинтересоваться мужскими рубашками въ витринѣ, какъ ее взяла подъ локоть здорово намазанная, оживленная мадамъ Шуфъ. Тогда Евгенія Исаковна, глядя въ пространство, проворно устроилась, включила слухъ, — и только внидя въ міръ звуковъ, привѣтливо заулыбалась. Было шумно, вѣтрено; мадамъ Шуфъ наклонялась и тужилась, кривя красный ротъ, норовя попасть остріемъ голоса прямо въ сумочку съ аппаратомъ: «Изъ Парижа — извѣстія — имѣете?» «Какъ же, даже очень аккуратно», — отвѣчала тихо Евгенія Исаковна, — и добавила: «Что же вы не заходите, не звоните?» — и рябь пробѣжала по ея глазамъ оттого, что тутъ собесѣдница перестаралась: крикнула слишкомъ рѣзко.

Онѣ разстались. Мадамъ Шуфъ, еще ничего не знавшая, пошла во свояси, — а ея мужъ, у себя въ конторѣ, ахалъ, цыкалъ и качалъ головой вмѣстѣ съ трубкой, слушая, что говоритъ ему по телефону Чернобыльскій.

«Моя жена уже отправилась къ ней, — говорилъ Чернобыльскій, — и я сейчасъ тоже пойду, но убейте меня, если я знаю, съ чего начать, а же-

на все-таки женщина, можетъ быть какъ-нибудь сумѣетъ подготовить почву».

Шуфъ предложилъ постепенно писать на листочкѣ: «Боленъ»; «Очень боленъ»; «Очень, очень боленъ».

«Ахъ, я объ этомъ тоже думалъ, но выходитъ не легче. Какое несчастіе, а? Молодой, здоровый, умница какихъ мало... А главное, — я же вѣдь его тамъ устроилъ, я же вѣдь давалъ на жизнь... Ну да, все это я прекрасно понимаю, но все-таки эта мысль меня съ ума сводитъ. Такъ значитъ, мы тамъ навѣрно увидимся...»

Яростно и болѣзненно скалясь, откидывая назадъ толстое лицо, онъ наконецъ застегнулъ воротничекъ; со вздохомъ вышелъ изъ дому — и уже подходилъ къ ея кварталу, когда впереди себя увидѣлъ ее самое, спокойно и довѣрчиво шедшую домой съ сѣткой, полной пакетовъ. Не смѣя ее нагнать, онъ задержалъ шагъ, — только бы не обернулась. Эти старательныя ноги, эта худая спина, еще ничего, ничего не подозрѣвающая... Охъ, согнется!

Только на лѣстницѣ она замѣтила его. Чернобыльскій молчалъ, видя, что у нея ухо еще голое. Она сказала:

«Вотъ это дѣйствительно мило, Борисъ Львовичъ... Нѣтъ, оставьте, — несла, несла, такъ уже донесу, — а вотъ если вы зонтикъ возьмете, тогда я открою дверь».

Они вошли. Чернобыльская и симпатичная піанистка уже давно тамъ ждали... Сейчасъ начнется казнь.

Евгенія Исаковна любила гостей, и гости у нея бывали часто, такъ что теперь она ничему не удивилась, только очень обрадовалась и сразу принялась, какъ говорится, хлопотать. Ея вниманіе привлечь было невозможно пока она шмыгала туда и сюда, мѣняя направленіе подъ внезапнымъ угломъ (въ ней разгоралась чудесная мысль всѣхъ накормить обѣдомъ). Наконецъ піанистка поймала ее въ коридорѣ за конецъ шали и слышно было, какъ она кричитъ ей, что никто-никто обѣдать не будетъ. Тогда Евгенія Исаковна достала фруктовые ножи, насыпала вафелекъ и конфетъ въ двѣ вазочки... Ее насильно усадили. Чернобыльскіе, піанистка и какъ то успѣвшая за это время появиться барышня Марія Осиповна, почти карлица, сѣли тоже. Было такимъ образомъ достигнуто хотя бы извѣстное расположеніе, порядокъ...

«Ради Бога, ради Бога, начни какъ-нибудь, Боря», — сказала Чернобыльская, пряча глаза отъ Евгеніи Исаковны, которая начинала приглядываться къ лицамъ, не переставая, впрочемъ, изливать ровный потокъ милыхъ, бѣдныхъ, совершенно беззащитныхъ словъ.

«Ну что я могу!» — вскрикнулъ Борисъ Львовичъ и, порывисто вставъ, заходилъ вокругъ стола, за которымъ они всѣ сидѣли.

Раздался звонокъ и торжественная фрау Шварцъ ввела Иду Самойловну и ея сестру, — на ихъ бѣлыхъ страшныхъ лицахъ было какое-то сосредоточенно-жадное выраженіе...

«Она еще не знаетъ», — сказалъ Чернобыльскій, нервно растегнулъ пиджакъ и снова застегнулъ его на обѣ пуговицы.

Евгенія Исаковна, дергая бровями, но еще улыбаясь, погладила руки новымъ гостьямъ и усѣлась опять, пригласительно поворачивая свой аппаратикъ, стоявшій передъ ней на скатерти, то къ одному, то къ другому, — но звуки скашивались, ломались... Вдругъ пришли Шуфы, потомъ Соня, — а тамъ Липштейнъ съ матерью и Оршанскіе, и Елена. Григорьевна, и старуха Томкина, — и всѣ говорили между собой, но отъ нея отворачивали рѣчи, вмѣстѣ съ тѣмъ душно и нехорошо вокругъ нея группируясь, и уже кто то отошелъ къ окну и тамъ трясся отъ рыданій, и докторъ Оршанскій, сидя за столомъ, внимательно разсматривалъ вафельку и приставлялъ ее къ другой, какъ домино, — а Евгенія Исаковна, уже безъ всякой улыбки, уже съ какой-то злобой, совала свою машинку гостямъ... и Чернобыльскій изъ угла комнаты, всхлипывая, оралъ: «Да что тамъ въ самомъ дѣлѣ, — умеръ, умеръ, умеръ!» — но она уже боялась смотрѣть въ его сторону.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Соглядатай 5

Обида 88

Переда 104

Terra incognita 116

Встрѣча 129

Хватъ 142

Занятой человѣкъ 157

Музыка 175

Пильграмъ 185

Совершенство 208

Случай изъ жизни 225

Красавица 236

Оповѣщеніе 244